

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ISSN 0132-0831

5-6

1991

Тот самый длинный день в году
С его безоблачной погодой
Нам выдал общую беду
На всех, на все четыре года.

*Константин
Васильев*

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ПРАВОВОЙ
ЖУРНАЛ

5-6
1991

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1971 ГОДА

В НОМЕРЕ

ПУБЛИЦИСТ РАЗМЫШЛЯЕТ

Н. МИХАЙЛОВ. Пятое колесо. Ре-
портаж из сельсовета: земля — ра-
ботник — власть

3

ЗАКОН. КОММЕНТАРИЙ ПРАКТИКА

Отказаться от крайностей. Беседа
нашего корреспондента Л. ПЕТУХО-
ВОЙ с Председателем Высшего
арбитражного суда СССР В. ЯКОВ-
ЛЕВЫМ

14

БЕЗ ГРИФА «СЕКРЕТНО»

В. АЛЕШКО. «Пока дышу — наде-
юсь!»

28

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

С. ЮРЬЕВ. Права блюстителей пра-
вопорядка

37

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК «ЧиЗ»

47

ЭТО — ЖИЗНЬ...

А. АНОСОВ. Эпизоды

48

МОЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Н. АНИСИН. Тоска по единоначалию.
Очерки провинциальной политики

53

С. ГРИБАНОВ. Черный хлеб правды

68

Учредители:
Министерство
юстиции СССР
Союз юристов
СССР

Главный
редактор
В. М. СИРЕНКО

СУМЕЙ ЗАЩИТИТЬ СЕБЯ 65

ДОМАШНЯЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ 79

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ТЕКСТ

Внимание, ветераны! 83

СУДЬЯ ВЕДЕТ ПРИЕМ

Брак считается расторгнутым 84

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

В. КОВАЛЕВ. Голодовка: каприз или политика? 92

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ 97,
224

НАБОЛЕЛО!

А. ТИМОФЕЕВ. «Барин нас рассудит» 98

АЗБУКА ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ 105

РОМАН

Л. ЗАХАРОВА. В. СИРЕНКО. Прощай, Николь! 108

В. КУЛИЧЕВ. «Неизвестный» журнал, или Секрет без секрета 220

КРОССВОРД

Знаете ли вы право! 222

Редакционная
коллегия

В. А. АБОЛЕНЦЕВ

А. Т. АНОСОВ

С. И. БАБОШКО

Г. К. БОЛЬШАКОВА

(заместитель

Главного

редактора)

В. Н. ЖБАНКОВ

В. П. КОНОНЕНКО

Е. И. ПАРНОВ

Л. А. ПЕТУХОВА

В. Д. ПОВОЛЯЕВ

И. С. САМОЩЕНКО

А. Я. СУХАРЕВ

А. А. ТРЕБКОВ

М. М. ТРОИЦКАЯ

Н. С. ТРУБИН

А. М. ФИЛАТОВ

И. А. ШИЛОВ

А. Е. ЮФЕРЕВ

(заместитель

Главного

редактора)

Художественный

редактор

М. В. ПАНКОВА

Технический

редактор

В. А. СЕРЯКОВА

Фото

В. С. ЗИМИНА

ПУБЛИЦИСТ

РАЗМЫШЛЯЕТ

Николай МИХАЙЛОВ

ПЯТОЕ КОЛЕСО

**РЕПОРТАЖ ИЗ СЕЛЬСОВЕТА:
ЗЕМЛЯ — РАБОТНИК — ВЛАСТЬ**

Английский профессор Теодор Шанин — известный в мире исследователь крестьянства — сделал недавно заявление: советские ученые и публицисты, пишущие о деревне, не знают особенностей ее жизни. В результате этого незнания, как полагает профессор, все наши битвы вокруг реформ в сель-

ском хозяйстве сводятся лишь к поиску «единственно верного решения». Вот внедрим новую технологию в сельхозпроизводство, и все будет хорошо. Вот разрешим частную собственность на землю, и одним махом все проблемы убиваем. Но никем не просчитано: насколько фермерское хозяйство

способно быть производительнее колхоза.

«Да,— цитирую Шанина дословно,— по-видимому, частная собственность на землю вам в какой-то мере поможет. Но в какой-то мере? Она не панацея от всех бед. Для сельского хозяйства — это один из десятка шагов, которые надо предпринять».

Если утверждение красноречивого англичанина и не на сто процентов верно, то все равно грешно ему не внять. Передел земли сам по себе ничего не решает. Подтверждение тому есть в нашем же собственном историческом опыте.

«Страна из года в год не в силах пропитать население,— писал в 1924 году русский литератор Иван Шмелев,— можно ли говорить о значении ее в мировом круге! Население вымирает и всячески выбывает — да; Россия,— «дикое поле», и многим зудится чужими конями на нем пахать — верно; рвачи еще выпарывают, что можно; но близок срок, когда выхватывать станет нечего».

Констатируя столь горькую истину, Иван Сергеевич призывал соотечественников — хозяйственников, политиков, военных, педагогов, философов,

ученых по ту и другую сторону российской границы думать над тем, как «остановить вымирание и наметить просеки всяческого строительства». Самое важное, как следовало из заметок Шмелева, учредить оптимальную систему власти, создать широкую сеть «местных самоуправлений из местных людей — строителей, объединенных центральным сурово-первичным планом».

Иван Сергеевич задавался вопросом: какая же политическая группа — сила имеет законнейшее право на бытие в разоренной России? И отвечал так: «Только та, которая окажется способной положить в основу своей работы первично-необходимое, чутко учитывая возможности и жизненные потребности народа. И потому — лишь кровно любящая народ, знающая его бытие и душу,— национально - хозяйственная».

Только такой силе-группе может быть дорого не проведение во что бы то ни стало теоретически справедливых принципов политической науки, верность основам своего миропонимания, а воздвижение страны из мертвых, хотя бы и с нару-

шением законов идеальной правды».

Власть, знающая бытие и душу народа, власть, не поклоняющаяся слепо идеологическим догмам, власть, построенная на широкой сети местных самоуправлений, в России с того времени, увы, не зародилась. И потому как при нэпе с единоличными хозяйствами, так и при колхозах страна никогда не ела вволю: до коллективизации жил впроголодь город, после — деревня. Последние тридцать лет и городские жители, и деревенские не пухнут с голода лишь благодаря закупке продуктов за рубежом в обмен на природные ресурсы. Теперь же и распродажа недр нас уже не спасет.

Как и в двадцать четвертом году, Россия сегодня — «дикое поле». Как и тогда, многим зудится чужими конями на нем пахать: некоторые народные депутаты, например Ф. Бурлацкий, вынашивают планы заселения подмосковных земель голландскими фермерами. Все возвратилось на круги своя.

За семьдесят три года в советском сельском хозяйстве проделаны десятки больших и малых экспериментов. Но после

каждого из них страна приходила к тому, от чего уходила: к разбитому корыту. Затеваемый ныне очередной великий эксперимент — создание фермерских хозяйств — схож со всеми предыдущими тем, что в нем вопрос о землепользовании также не увязывается с вопросом о власти в деревне. И, стало быть, есть все основания думать, что в таком варианте и он обречен на неудачу.

До Октября семнадцатого вся полнота власти в российской деревне принадлежала сельскому сходу, или, по-другому, миру. На него собирались все мужчины, уже вышедшие из-под отцовской опеки, решали все дела, и их решения не подлежали обжалованию. Сход охранял благоденствие всей деревни и был вправе требовать от каждого жителя безоговорочного подчинения. Созван он мог быть самым бедным крестьянином, и местные власти должны были всегда уважительно относиться к созыву схода. Мир мог без предупреждения отрешить от должности любого сельского начальника и даже навсегда лишить его полномочий.

Голосование на сходах обыкновенно не проводи-

лось. Спорный вопрос обсуждался до тех пор, пока не вносилось предложение, примиряющее все стороны и получающее одобрение всего мира. Сход не навязывал меньшинству решений, с которым оно не может согласиться: каждый шел на уступки ради общего блага.

Террорист - революционер Степняк-Кравчинский, коего никак не заподозришь в симпатиях к российскому государственно-общественному строю, писал в свое время, что мир в деревне — «не господин, а любящий отец, одинаково благодетельный ко всем своим сынам. Именно этим свойством сельского самоуправления в России объясняется высокое чувство человечности, составляющее столь замечательную особенность наших деревенских нравов — взаимная помощь в полевых работах, содействие беднякам, больным, сиротам».

Зависимая во всем от мира сельская администрация не могла ему угодить, не заботясь о каждом работнике, ибо, чем выше был доход Ивана и Петра, тем больше можно было тратить на общие нужды — на дороги, на школу, больницу, на по-

мощь обездоленным. Администрация кровно была заинтересована как в защите всевозможных прав работника, так и в пресечении любой бесхозяйственности на деревенских угодьях. И получалось, что благополучие крестьянского труда укрепляло авторитет сельской власти, а она изо всех сил крепила это благополучие. Такая оптимальная взаимозависимость между работником и властью явилась наиглавнейшим условием того, что после столыпинской реформы, упорядочившей земельные отношения, российская деревня смогла досыта кормить не только империю, но и половину Европы.

Октябрьская революция поставила крест на сельском самоуправлении. Новые органы власти в деревне — комитеты бедноты и волостные исполкомы подчинялись уездным инстанциям и выполняли лишь их директивы. А эти директивы обыкновенно сводились всего-навсего к одному: изъять как можно больше продовольствия и сырья.

По завершении коллективизации брать дань с крестьян райком и райисполком могли уже через председателей колхозов. Они распоряжались

землей. В их руках были все деревенские деньги и средства и, стало быть, реальная власть. А сельский Совет депутатов превратился в некое подобие пятого колеса в государственной машине, в ее декоративный элемент: он не имел возможности ни помочь крестьянину, ни защитить его, ни даже самостоятельно навредить ему. Липовое народовластие в деревне служило лишь прикрытием диктатуры хозяйственников в деревне. Так было при Сталине, так было и при Горбачеве до альтернативных выборов-90.

На исходе нынешней зимы я ездил в село Теряево, на окраине которого стоит знаменитый Иосифо-Волоколамский монастырь. При царе-батюшке под двуглавым орлом село терзала единственная крупная проблема: кому сбыть сельхозпродукты. В нем было 18 чайных, столько же лавок, полных разным товаром. К его торговым рядам съезжались сотни подвод с пенькой и шерстью, холстинами и рогожами, мочалом и парусиной. Сейчас же жители Теряева делят меж собой талоны на ситец и носки, на крупы и мыло, на сахар и соль. До семнадцатого года насе-

ление Теряевской волости за десятилетие увеличилось на треть. Ныне же от января до января тридцать почти деревень вокруг Теряева рожают 17 человек, а хоронят — 43.

Давший имя теряевской округе не состоял в про роках и ее нынешнюю участь не предвидел. В иных русских волостях с радужными названиями опустошение еще страшнее, а отчаяние куда сокрушительнее. Теряево же все ж не утрачивает надежд на лучшее. И питает их там, как ни странно, прежде беспомощная официальная власть — сельский Совет народных депутатов.

Тем днем, когда я приехал в Теряево, заседала сессия сельсовета. Окна в зале были покрыты толстым слоем инея. Депутаты сидели в верхней одежде. Некоторые из них пришли прямо с работы в обсыпанных сеном телогрейках и пропитанных мазутом полушубках. У зала напрочь отсутствовали парламентский вид и тот скандально-депутатский дух, которым нас вдоволь угощает телевидение.

Около года сессии теряевских депутатов проходили вообще без вся-

кого регламента. А теперь регламент был утвержден за полминуты. Еще пять минут понадобилось сессии на то, чтобы принять три предложенных исполкомом постановления. Заседание же ее длилось без малого четыре часа. Все это время депутаты сельсовета не бряцали своими политическими амбициями и не вели меж собой словесных дуэлей, как, например, депутаты Моссовета, а обсуждали жизнь и меры по одолению самых вопиющих бед.

Я не уверен, что каждый из 25 членов сельсовета полностью и во всем доверяет исполкому. Но по ходу сессии мне хорошо было видно, что депутаты давно склонились к единому мнению: раз мы этот исполком избрали, пусть он делает, что хочет,— нас интересует лишь результат выполнения наших решений. Совет как бы заранее благословляет любой, ведущий к пользе шаг исполкома и, развязывая ему таким образом руки, позволяет действовать вне всяких правил. То есть действовать так, как по нужде спасают. Благодаря этому исполком сельсовета и его председатель — Егор Семенович Ковалев

хоть как-то удерживают жизнь в деревнях от окончательного распада.

Социальная сфера в Теряеве и окрестностях десятилетиями не обновлялась и существовала лишь за счет ведомственных подачек, выбиваемых жалобами в парторганы. Сейчас с выбиванием через район и область стало туго. Инфляция и товарный голод обострили скупость ведомств. Боязнь лишения партийного билета исчезла. Местные начальники на житейские надобности обывателей в упор смотрят и не видят. И идти им с челобитной, кроме исполкома сельсовета, некуда.

Минувшей весной оказалась в аварийной ситуации Теряевская участковая больница. Вышло из строя паровое отопление. Прогнили полы. Отказала электропроводка. Обвалился потолок в детской амбулатории. А у больницы нет ни денег, ни материалов. Ее главврач Острунцева от лица всех хворых — старых и малых — пришла к Ковалеву: будем закрывать наше богоугодное заведение? Егор Семенович свел вместе в сельсовете нескольких хозяйственных руководителей. Зачитал им список необходимых больнице

ремонтных работ. Извинительно-убедительно попросил о помощи. И между прочим намекнул, что в случае отказа депутаты пойдут в народ и с его согласия, быть может, примут на сессии решение: ходатайствовать перед вышестоящими инстанциями об увольнении отдельных руководителей в связи с потерей доверия у Советской власти. Обставленная этими незатейливыми аргументами просьба предисполкома в сжатые сроки была удовлетворена.

Разваливаются в деревнях колодцы. Строительство одного нового стоит нынче четыре тысячи рублей. А в смету сельсовета на благоустройство населенных пунктов в текущем году, как и в году прошедшем, как и десять-двадцать лет назад, райфинотдел не закладывает ни рубля. Председателю Ковалеву надо бы затеять, по примеру, скажем, Б. Н. Ельцина, политическую борьбу с распорядителями средств района. Но он откладывает ее на потом: деды и бабки могут не дожить без воды до его победы. И вступает в переговоры с председателями дачных кооперативов, коих 12 на территории сельсовета: люди

добрые, каждая семья в наших деревнях платит налог самообложения, с вас мы по закону такой налог брать не вправе, но вы же пользуетесь у нас разными соцуслугами, так поймите совесть, скиньтесь с дачи хоть по тройку. В первых числах февраля на счет сельсовета поступили от кооператива «Нива» три с половиной тысячи рублей. Еще чуть добавить — в Балуйке появится новый колодец.

Упрашивая, угрожая, уговаривая, Теряевский исполком подвинул имеющих деньги и средства на замену водопроводных колонок в деревне Большое Петровское, на прокладку дороги в деревне Носово, на ремонт тепло-трассы на одной из теряевских улиц, на строительство скотомогильника, на расчистку навозохранилища, отравляющего речку.

До сих пор порядок во всей теряевской округе охранялся милиционером, несшим службу сразу в двух сельсоветах. Теперь же в Теряеве есть свой собственный участковый инспектор. Он нанят у РОВД за деньги, собранные исполкомом по миру. Таким же путем арендована и содержится в селе пожарная машина.

С того недавнего дня, когда исполком возглавил Ковалев, бывший прежде мастером в электросети, теряевская власть и уважать себя заставила, и доказала, что она не только должна, как провозглашалось десятки лет, но и может реально помогать народу. Факт этот, безусловно, значительный, но не настолько, чтобы делать из него далеко идущие выводы.

Я был свидетелем разговора Ковалева с директором местной школы Васильковым. Последний доказывал: надо создавать резервный фонд образования, иначе школе с ее бюджетом не выжить. Дети сейчас платят за обед по полтиннику. Но уже очевидно, что продукты подорожают раза в два. Если не дать школьной столовой дотацию, то не каждому ребенку обед будет по карману. Подскочили цены на спортивный инвентарь — на мячи вдвое, а на лыжи — вдесятеро. В тридорога приходится платить за разного рода хозяйственные работы. Школа не дотянет до следующего финансового года, не получив дополнительно с совхоза и других производств тысяч двадцать.

Ковалев выслушал все

это, не перебивая: «Давай проведем решение о фонде на сессии». Перед началом сессии Егор Семенович зазвал к себе в кабинет трех хозяйственных руководителей и известил их о своем с Васильковым намерении. Они заерзали на стульях: сумма велика, у самих денег в обрез, но если сессия примет решение, то придется, конечно, искать.

Отрадно было, честное слово, видеть покладистость хозяйственников перед сельской властью. Умиляться бы этому да и только: наконец-то деревня, обираемая и разоряемая ведомствами, получила в лице по-новому избранного Совета то правление, которому по силам остановить разбой и повернуть производство во благо сельскому жителю. Но умиляться, увы, не хотелось.

Самый идеально-нахрапистый сельсовет, даже максимально используя свои нынешние полномочия, может в лучшем случае стать лишь штабом скорой социальной помощи, который способен притормозить вымирание деревни, но не обеспечить ее выживание и, тем более, выздоровление.

Нынешняя теряевская власть — власть боеспо-

собная. Она доблестно сражается со все всплывающими новыми проблемами. Но их не становится меньше. Браться же за решение застаревших крупных проблем она и помышлять не смеет — их груз для нее заведомо неподъемен.

Семьдесят процентов работников на Теряевской ткацкой фабрике — инвалиды и пенсионеры. Жилье при ней, по словам зампреда сельсовета Носовой, — чистые трущобы. Ныне фабрика на грани закрытия из-за полной антисанитарии. Десятки людей могут остаться без средств к существованию и надежды получить нормальную крышу над головой. Но никому из них и ничем сельсовет помочь не в силах.

Не может теряевская власть и пообещать что-то утешительное сотням и сотням стариков в малых деревнях, отрезанных от всего мира бездорожьем. «Нас в Макарихе, — говорила на сессии сельсовета депутат Бусыгина, — 80 человек обреченных. Ну как старому человеку дойти за пятнадцать километров до больницы?! Объясните, пожалуйста».

Дорог вокруг Теряева нет и не предвидется. Телефонной связи у шестна-

дцати деревень нет, и она им в перспективе не светит. Иного из кабинета предисполкома Ковалева узреть пока не дано. Все крупные замыслы местной политики были, есть и будут утопией, если политика государственная не свяжет власть сельсовета с собственностью на земле.

У меня вышла долгая беседа с Николаем Николаевичем Пановым — семидесятилетним пенсионером из бездорожно-нетелефонной деревни Рахманово. Свой дом он оставлял надолго лишь однажды — в 1941 году. Вернулся с войны побитый железом. Возглавил полеводческую бригаду. Картофеля получал по 270 центнеров с гектара, а ржи — по 30 (Совхоз «Теряевский» ныне картофеля собрал 67 центнеров с гектара, а зерна — 19,7). Имеет две медали «За трудовую доблесть».

Жизнь до и послевоенную Николай Николаевич видит в светлых тонах, жизнь сегодняшнюю — в темных. И дальше, считает, все будет хуже и хуже: работников добросовестных мало осталось. Я в ответ ему кивнул на столыпинскую реформу: поменялись условия, а с ними и отношение к труду. Но он

мои доводы отмел: кто в совхозе работает кое-как, тот, и получив землю в свои руки, либо пропьет ее тут же дачникам под цветочки, либо под бурьян запустит. Не в одних доходах счастье. Прежде жили бедно, а трудились весело.

Не согласиться с Николаем Николаевичем было трудно. В самом деле, не только суммой к выдаче создается совестливый работник. Необходимо для этого и еще нечто важное — ответственность перед домом, селом, городом, страной. Но безвозвратно ли потеряна эта ответственность?

Добросовестных трудяг сейчас в Теряеве, может быть, и вправду мало. Зато много здравомыслящих — это абсолютно точно. А ни один человек в здравом уме не станет бездельничать ни в совхозе, ни на фермерском наделе, если от труда его напрямую будет зависеть благополучие всех его окружающих: сына-школьника, старухи-матери, соседа-инвалида. Но они-то все сегодня ничего не имеют от земли. И за жалкие условия их жизни земледельцу не стыдно. На нужды всех его родных и близких в казну сельсовета отчисляется не фикси-

рованная доля производственных доходов, а лишь часть крохотного подоходного налога с оборота. Так чего же ради тогда земледельцу обихоживать поля и луга, если сыну его уготована только нищая школа, а матери — такая же больница?

Согласно союзному закону «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства», с 1 января 1991 года сельсовет вправе забирать в свою пользу, кроме подоходного налога с граждан, еще и такой же налог с коллективных хозяйств, кооперативов, потребкооперации, общественных организаций, а также налоги на оплату труда колхозников, взимать арендную плату за землю и плату за природные ресурсы. Но конкретного механизма выполнения этого закона до сих пор нет, и не слышать, чтобы кто-то собирался его разрабатывать. Сельская власть и в наступившем году остается отстраненной от земельной собственности, по-прежнему ходит с протянутой рукой, и неведомо, как долго ей придется побираться.

Отчуждение власти от земли бьет по людям деревни. Но бьет оно и по самой земле. Большин-

ству сельсовета и многим избравшим его нынче ведь зачастую все равно, воруют ли на ферме, растет ли на поле хлеб или бурьян. И коль такой расклад сохранится, то накормит ли нас передел земли?

Когда я уже собирался проститься с Ковалевым, ему позвонили из Волоколамска и сообщили, что в районе готовится решение о передаче в ведение сельсоветов территорий населенных пунктов. Положив трубку, Егор Семенович довольно потер руки: «Ну вот, раз мы хоть тут права получаем, то грех нам не объявить на сессии все деревенские улицы непроезжими для тракторов. Они все равно будут ездить, а мы начнем

Волоколамск — Москва

штрафовать совхоз. Милиция своя у нас есть. Поднастрижем на том деньжат, глядишь, протянем кабель в Рахманово и поставим телефон Николаю Николаевичу Панову. Он ведь уже лет десять на очереди стоит...»

Всерьез ли сказал Ковалев о штрафах или в шутку, я не уразумел. Спросить же было неловко. Наверное, в шутку. А впрочем, как знать. Если сельская власть не согласна больше быть пятым колесом госмашины, а ее на эту роль по-прежнему обрекают, то как не использовать ей во благо умиряющей деревне все доступные ей средства: в битве за выживание церемониться ведь не принято...

ОТКАЗАТЬСЯ

Что делать? Как жить дальше? Как вывести страну из кризиса? Наверное, сегодня трудно найти человека, который не задумывался бы над этими вопросами. Над ними ломают голову депутаты на сессиях Советов всех уровней, об этом судачат старушки на лавочке перед подъездами домов. Экономисты, юристы, учителя, врачи, инженеры, рабочие и крестьяне обсуждают эти вопросы на работе и дома, в толчее общественного транспорта и в очереди за колбасой. И каждый понимает: выход из тупика — дело непростое. Тем более теперь, когда вероятнее всего, это у нас последний и единственный шанс. Другого уже не будет. И, может быть, именно поэтому, мы, выслушав очередную антикризисную программу того или иного кандидата, депутата, ученого, снова и снова задаем себе вопрос «Что же делать?» и мучительно ищем на него ответ.

Предлагаемая вашему вниманию беседа с Председателем Высшего арбитражного суда СССР **Вениамином Федоровичем Яковлевым** — тоже своего рода попытка отыскать столь важный для всех ответ. Именно попытка...

— В 1988 году на встрече за «круглым столом», которая состоялась в редакции, Вы, Вениамин Федорович, вместе с другими ведущими учеными размышляли о том, что такое правовое государство, возможно ли оно в нашей стране. И Вы тогда, в частности, назвали три момента, необходимые для построения такого государства. Это — верховенство Закона, подчинение власти Закону, наличие развитой системы демократии, развитой системы права. И, наконец, механизм правосудия, механизм законности. С тех пор прошло почти три года. Не изменились ли за это время Ваши взгляды? Не внесло ли в них время свои коррективы?

— Да, время испытывает правильность тех или иных положений. И теоретических в том числе. Но сегодня можно утверждать, что наши представления относительно того, что такое правовое государство, были верными. Поскольку за эти три года они не только не изменились, а даже, наоборот, получили определенное подтверждение. И поэтому, если Вы сегодня спросите меня, что такое правовое государство, я повторю Вам то же самое, что и три года назад. Это верховенство Закона, это подчинение власти Закону, это наличие

ОТ КРАЙНОСТИ

развитых систем демократии и права, это механизм правосудия, механизм законности.

— Тогда скажите, пожалуйста, удалось ли нам, на Ваш взгляд, хоть в чем-то продвинуться к правовому государству? Какой путь за эти три года мы прошли? Какой-то отрезок к правовому государству или может быть прямо в противоположном направлении? Или ушли куда-то в бок, стали, так сказать, на какое-то тупиковое направление! А может быть, с учетом особенностей нынешней обстановки, нам вообще лучше отказаться от этой затеи — формирования правового государства! Не тратить на нее общественные силы!

— Я слышал такого рода суждения, что правовое государство — это примерно то же самое, что и экономная экономика. Еще совсем недавно был у нас такой лозунг. Сегодня мы над ним подшучиваем. Так вот говорят, что пора нам начать подшучивать и над лозунгом о правовом государстве. Мое мнение на этот счет совершенно определенное: снимать с повестки дня вопрос о формировании правового государства нельзя категорически. На мой взгляд, правовое государство или, по крайней мере, попытки его формирования, какое-то движение к нему — вообще единственный выход из того положения, которое сложилось в нашем обществе. Это единственный спасительный путь, другого у нас просто нет. Потому что альтернатива правовому государству — это произвол, это диктатура, это анархия, это беззаконие, это гражданская война, это все, что угодно. И все это, мне кажется, нас мало устраивает, конечно же. А правовое государство — это порядок, в котором мы сегодня крайне нуждаемся. Ну давайте сопоставим нашу прежнюю систему государства, жизни общества, которая уже позади, с тем образом жизни, а правовое государство — это образ жизни, который мы наблюдаем, конечно же не в идеальном виде, но все-таки наблюдаем во многих других современных государствах. В чем разница?

Для административно-командной системы, в рамках которой мы жили прежде и которая есть альтернатива правовому государству, характерно то, что там правят не законы, а люди. А это всегда что-то субъективное: одни уходят, другие приходят. И политика в таком государстве не может быть

стабильной. Приходит новый лидер, меняется команда, меняется политика... И общество страдает от этого субъективизма, волюнтаризма. Был Никита Сергеевич — была определенная политика. Пришел Леонид Ильич — другая политика. Михаил Сергеевич — третья политика...

В правовом государстве правят, прежде всего, законы, а государственные лидеры подчиняются им. И в таком обществе создается обстановка устойчивости, стабильности, поступательного развития. Здесь нет катастроф. Здесь нет того, что близко к состоянию гражданской войны. Далее. Человек, находящийся на вершине пирамиды власти, может выражать интересы людей в большей или меньшей мере. А если обществом правит Закон, то он выражает интересы большинства людей, живущих в этом обществе. И там, где властвует закон, перед ним все равны: рядовой гражданин и государственный деятель. И, следовательно, Закон всех выравнивает. Он обеспечивает начало равенства, начало социальной справедливости. А любое общество всегда к этому стремилось.

Таким образом, видите, сколько преимуществ в том, что называется правовым государством. Вот поэтому у нас нет другого выхода, если мы хотим успешно решать стратегические задачи, касается ли это экономики, совершенствования ли нашего государственного, национально-территориального устройства или интересов человека, прав, свобод личности. Во всех этих сферах проблемы могут быть решены практически только путем утверждения законов.

Поэтому я твердо убежден, что задача построения правового государства — это стратегия нашего развития. С другой стороны — это и тактика, задача сегодняшнего дня. Потому, что сегодня мы в большей степени, чем когда бы то ни было, страдаем от беззакония. Вот волна преступности захлестывает нас. Что это такое? Это крайнее проявление беззакония. Падает трудовая, производственная дисциплина, дисциплина хозяйственных, экономических связей. Что это такое? Это тоже беззаконие. Вообще опасность переживаемого нами периода состоит в том, что законы нарушаются даже властями. И власть, к сожалению, не подает гражданам в этом отношении доброго примера. А я бы сказал совсем наоборот. Отсюда, собственно говоря, и борьба законов...

Итак, на один ваш вопрос я ответил. Отказаться от идеи формирования правового государства нельзя ни в коем случае, ибо в этом существует острая, объективная потребность.

Теперь давайте разберемся: продвинулись мы к правовому государству за три года или ушли в обратном направлении? Я думаю, что на этот вопрос дать категоричного и, как теперь говорят, однозначного ответа невозможно. Процесс идет очень противоречиво. В чем-то продвинулись и продвинулись очень здорово, настолько здорово, что, если бы нам два года назад кто-нибудь рассказал о том, что сегодня будет такое положение

ние вещей, мы в это просто не поверили бы. Ведь в самом деле, еще два-три года назад мы не могли серьезно говорить, что у нас существует разделение властей — есть законодательная, исполнительная и судебная. А без этого не может быть правового государства. Там, где нет разделения властей, там нет подчинения власти закону. Там власть стоит над законом, следовательно, там нет фундамента правового государства. Так вот, у нас тогда власть была сосредоточена в одном месте, причем даже не в государственной, а в партийной структуре. Ну что могло быть дальше от правового государства? Сегодняшние партийные структуры государственной власти не осуществляют. Это совершенно ясно. И в этом плане мы гигантским образом продвинулись по пути формирования правового государства, Сегодня государственная власть у нас, действительно, разделена. Хотя все прекрасно понимают, что процесс этот еще не доведен до конца. Законодательная власть иногда пытается присвоить себе функции исполнительной, исполнительная — подменить судебную. Все это есть, но это рецидивы. А в принципе я еще раз повторю: основа, фундамент правового государства заложены И, стало быть, за короткий срок произошло колоссальное продвижение вперед. В то же время такого тотального беззакония, такого пренебрежительного отношения к Закону и массового его нарушения на разных уровнях у нас еще не было за всю историю государства. И в этом отношении мы сегодня как никогда далеки от правового государства.

— **Война законов... Наверное, и здесь мы первые! О такой войне, пожалуй, не знает история цивилизации. Есть ли у Вас в запасе рецепт ее прекращения!**

— Я уже говорил, что война законов — это нарушение законов, это обстановка беззакония, это, вообще говоря, отсутствие какой-либо законности. При нормальном положении вещей войны законов нет и быть не может. Мы здесь, действительно, первые. То, что у нас сейчас творится, наверное, не имеет аналогов в истории цивилизации. Есть ли какие-то рецепты на этот счет? Я думаю, что здесь не надо изобретать велосипед, как и во всех других сферах. На мой взгляд, чтобы прекратить противостояние законов, нужно нормальное современное конституционное устройство государства. Мы утверждаем, что у нас федеративное государство. Но в мире много федеративных государств, а войны законов нет. Почему? Потому что есть нормальное, цивилизованное конституционное устройство. Есть распределение соответствующих законодательных полномочий.

Собственно говоря, только такое распределение и позволяет каждому законодателю работать на своем уровне, не мешая другому. И нет никакого противостояния ни властей, ни законов.

— Что же является критерием распределения этих полномочий? Другими словами, где этой власти должно быть больше, а где меньше?

— Если подходить к этому опять-таки с позиции правления людей, то власти будет больше там, где окажется наиболее сильный человек. Но конституционный режим и сила не всегда совпадают. И при решении этого вопроса основным критерием должны стать общественные интересы. Ведь они бывают разных масштабов. Есть общенациональные интересы, то есть интересы всех живущих в данном государстве. Это, например, внешняя политика, оборона, внешняя торговля, единая финансово-налоговая система. Совершенно ясно, что данные вопросы должны решаться, а соответствующие полномочия должны распределяться на уровне федеративных властей. Но, с другой стороны, существуют территориальные, национальные особенности и интересы. Они должны рассматриваться, удовлетворяться, решаться на других уровнях. Ну, скажем, на уровне субъекта федерации. И, наконец, есть местные интересы — тот же городской транспорт или городские дороги, да мало ли чего. Вот, стало быть, полномочия и должны распределяться исходя из того, какие интересы эти полномочия обслуживают. Плюс к этому высокая культура и профессионализм. А сегодня, мне кажется, ни того, ни другого нам не хватает. Я бы даже сказал, что у нас сейчас наблюдается своего рода парад дилетантизма, непрофессионализма. Хотя так всегда бывает в период активизации общественной жизни, когда на первый план выдвигаются люди, может быть, не самым лучшим образом профессионально подготовленные, но в силу своих волевых качеств, а иногда и громкости голоса способные повести за собой других. Вот тогда судьба народа и оказывается не в очень профессиональных руках. Поэтому, я считаю, что нам сейчас очень важно немножечко остановиться, одуматься, понять, в какие опасные игры мы играем и заняться устройством нашего государства — образованием новой обновленной федерации. Если нам хватит здравого смысла, ума, культуры, профессионализма, тогда мы, конечно, остановим эту борьбу властей и, следовательно, борьбу законов. Итак, разумное конституционное устройство, спокойная деловая обстановка, в которой должно вырабатываться это устройство, побольше культуры, побольше терпимости, побольше профессионализма, побольше учета интересов людей, которые наделяют нас своим доверием, и тогда, как говорится, все пойдет.

Я не знаю, рецепт это или нет, но думаю, что без такого подхода мы не сможем, по крайней мере за короткий срок, решить какие-то задачи. Без этого у нас не только правового государства, элементарного порядка не будет. Будем непрерывно вести борьбу, причем борьбу разрушительную, не созидательную. Вообще, мне кажется, нам пора избавляться от

крайностей. Ведь наше общество просто хронически больно крайностями. И мы периодически бросаемся то в одну сторону, то в другую. Ну, в самом деле, смотрите, то, что мы раньше называли федерацией, на самом деле являлось унитарным государством. От этой крайности мы сразу перешли вот к этому безоглядному параду суверенитетов, который теперь неизвестно где кончается: то ли на уровне города, то ли на уровне сельского Совета, то ли на уровне улицы. Или возьмите положение человека. Если раньше мы действительно не обеспечивали законодательно многие права человека, то теперь у нас господствует вседозволенность, анархия и злоупотребление правами человека. То есть опять-таки из одной крайности перешли в другую. А между тем любое современное, хорошо работающее, хорошо живущее общество — это как раз исключение крайностей, баланс. Так, министр юстиции США рассказывал, что стабильность в обществе обеспечивается через три баланса государственно-конституционного уровня. Первый баланс — это баланс властей — законодательной, исполнительной, судебной. Они взаимно уравнивают друг друга. И ни одна из них не может подняться выше другой. Второй баланс — многопартийность. Правда, у нас, сторонников крайностей, многопартийность понимается как не поддающееся учету количество партий. А американцы обеспечивают баланс с помощью, как известно, двух партий, почти не отличающихся по своим программным установкам друг от друга. И поэтому когда одна партия сменяет другую, ей не приходится все ломать и начинать строить заново. Ничего подобного не происходит. Конечно, они ведут между собой борьбу, соперничество, но происходит это, главным образом, на человеческом уровне и позволяет, так сказать, держать порох сухим. Ну и наконец, еще один баланс — баланс федерации и штатов, где тщательно уравновешены те полномочия, о которых я говорил. Вот и нам нужно избежать крайностей. Создать систему балансов. Наверное, это и будет главным рецептом.

— **Верховенство Закона... Подчинение власти Закону... Наверное, для этого нужно, чтобы и Закон был, как говорится, сделан на совесть. А в последнее время законы у нас рождаются как грибы. И мы все тому свидетели. И может быть, мой следующий вопрос покажется Вам не совсем корректным, но тем не менее... его нам часто задают читатели: какой из последних законов, с Вашей точки зрения, наиболее удачен, работоспособен? Иначе говоря, какой сразу начал действовать на полную катушку, позволил разрядить ситуацию... А какой из последних законов плох и не отработан?**

— Мне кажется, что самые трудные законы — это законы, относящиеся к сфере экономики. И удачный, хороший закон в этой области еще не написан. Нашим законодателям только предстоит это сделать. Ну все-таки есть более удачные, есть

менее удачные законы. Если сравнить, например, союзные Законы о собственности и об аренде, то я скажу, что Закон о собственности намного лучше, чем Закон об аренде, несмотря на внешнюю демократичность и привлекательность последнего. Закон о собственности юридически сделан лучше, в Законе же об аренде очень много несуразностей. Ну, например, оказывается, имущество в аренду можно взять принудительно, а потом также в принудительном порядке выкупить у собственника это имущество. Где и когда, в какой правовой системе такое было возможно?! По существу это посягательство на отношения собственности, на право собственника владеть и распоряжаться своим имуществом. Я, конечно, понимаю, что таким способом пытаются осуществить разгосударствление. Но зачем же вводить в закон такие абсолютно неприемлемые вещи?!

Сегодня нам больше удаются законы, которые связаны не с производством, а с потреблением. Там, где нужно что-то разделить, у нас получается лучше. Возьмите, например, Закон о пенсиях. Это удачный закон. Почему? Потому, что производство он не затрагивает. А просто распределяет то, что уже есть.

— У нас ведь теперь два пенсионных закона, один — союзный, второй — российский. Какой из них лучше?

— Говорят, что в РСФСР закон лучше. Почему? В соответствии с ним платят больше денег. Но, на мой взгляд, раздавать можно только то, что есть. И мы не в состоянии раздать товаров больше, чем их произведено. В противном случае раздача денег — это раздача бумаги. И, следовательно, названное качество закона мифическое, камуфляжное, чисто внешнее. Такой закон не может быть хорошим. Потому, что хороший закон обязательно связан с реалиями: с реально существующим производством, с реально существующей товарной массой.

Мало того, хороший закон обязательно должен стимулировать производство. Но таких законов у нас, к сожалению, пока что мало. Вот когда мы научимся их делать, все проблемы постепенно отпадут. Ну а пока еще раз повторю: лучше получают у нас законы, не относящиеся к сфере экономики. Ну, возьмите Вы тот же Закон о чрезвычайном положении. Или, предположим, наше новое законодательство по судебной реформе: новые Основы судостройства, некоторые новеллы законодательства о судопроизводстве. Очень неплохие нормы, а все потому, что здесь действительно идут процессы демократизации, развития прав человека.

Вот здесь мне бы хотелось сделать одно маленькое замечание. Многие почему-то думают, что с помощью законов мы все решим. Нет. Решить можно только с помощью исполнения законов. А для этого требуется несколько условий. Я обозначу их. Для того, чтобы Закон исполнялся, во-первых,

он должен реально отражать жизнь, то есть быть сопряженным с действительностью. Во-вторых, он должен быть юридически хорошо сделан. И, в-третьих, что самое главное, чтобы Закон действовал, нужны государственные, дорогостоящие механизмы действия. Ведь нам это только кажется, что законы действуют сами по себе, стихийно. А там, где существует Закон и правовое государство, там обязательно есть эти самые механизмы. И обратите внимание, власть там называется как? Исполнительная. А у нас она как раньше называлась? Управленческая. Потому, что наша управленческая власть не была сориентирована на исполнение закона. Она была сориентирована на команды, на управление. И с законами эта управленческая власть мало считалась. Она просто мало знала о них. А по существу, она должна организовать исполнение закона. Вот принят Закон о собственности, в нем должно быть обозначено: кто отвечает за его исполнение. И с них нужно спрашивать за обеспечение его исполнения. Вот тогда Закон будет работать.

И еще нужны, по-моему, программы реализации законов. То есть должны быть не просто установлены правила Закона, но и определено, как вести эти процессы, их масштабы, этапы. У нас это самая слабая часть. И когда наших народных депутатов спрашивают: почему наши Законы не работают, они иногда бьют себя кулаком в грудь, занимаются самокритикой и говорят: мы принимаем плохие законы. Но мало кто из них говорит о том, что у нас нет механизмов исполнения законов и что нам надо их создавать.

— Сегодня многие считают, что приватизация — это панацея от всех наших бед. Ваше отношение к подобным суждениям? Какой представляете себе приватизацию Вы?

— Приватизация — значит превращение нашей вроде бы общественной, государственной собственности в собственность частную.

Вот так многие понимают сегодня приватизацию. И строго говоря, она так и должна пониматься. Но почему обязательно только приватизация? Мы ведь начали с лозунга и, мне кажется, более правильного — разгосударствление. Существуют разные точки зрения относительно соотношения этих двух понятий. Некоторые считают, что приватизация — это часть разгосударствления. Другие говорят, что это вообще разные вещи. Я не буду вдаваться в эти споры. Вопрос не в этом. Я думаю, что нельзя говорить только о приватизации. Надо говорить и о разгосударствлении, и о приватизации. Или, может быть, только о разгосударствлении, имея в виду, что оно включает в себя приватизацию. Вообще почему возникла идея приватизации или разгосударствления, как хотите?

Что мы очень плохо жили? Но сейчас-то мы живем хуже,

чем жили вчера. И многие граждане вспоминают недавние времена и не против бы к ним вернуться.

Но мы захотели жить лучше. Законно это желание? Вполне. Тем более, что есть сравнения. Где-то люди живут лучше. Естественно, возникает вопрос: а почему они живут лучше, а почему мы не можем так жить? Что для этого требуется? За ответом не нужно далеко ходить — чтобы жить так, как живут они, нужно так же и работать, так же и производить. Ведь американцы нам раньше говорили в шутку, правда, это наша шутка, но они ее с удовольствием повторяли: «Лучше всего это — работать как вы, а жить как мы». Но они при этом смеются, понимая прекрасно, что подобное невозможно. Потому, еще раз повторю, что для того, чтобы жить, как они — надо работать, как они.

Значит, мы должны больше и лучше производить. И, может быть, не столько больше по количеству, сколько лучше по качеству. А значит, нам надо повысить эффективность производства, и для этого надо перестроить экономические отношения так, чтобы появились стимулы к труду. Вот их-то при всех наших благах, достоинствах и достижениях в прошлом мы выработать не смогли. Поэтому наше производство сначала в течение какого-то времени держалось на революционном энтузиазме, а потом на очень жесткой дисциплине, которая завершилась ГУЛАГом. Ведь система ГУЛАГа — это не случайность: пропал революционный энтузиазм, не было системы экономического стимулирования, производство надо было на чем-то держать, и появилась система жесткого принуждения. Исчез ГУЛАГ, дисциплина стала падать, производство стало хромать.

Вот, собственно говоря, какую задачу мы сегодня решаем. Хотя пытаемся ее решать уже 70 с лишним лет. Ведь когда Ленин и его соратники вводили нэп, они решали именно эту проблему. Новая экономическая политика — это была экономика, основанная на экономическом стимулировании, на экономических стимулах. Ленин как раз тогда произносил всем известные слова, что не на энтузиазме непосредственно надо строить экономику, а с помощью энтузиазма, но на экономической заинтересованности, на экономическом расчете. Тогда это в общем получалось. Теперь нам вновь нужно реорганизовать наши экономические отношения.

По существу до недавнего времени все средства производства у нас принадлежали одному субъекту — государству. Поэтому система экономического стимулирования не могла работать. Ведь собственник-то был один и ему не с кем было конкурировать, состязаться. Это, во-первых. Но самое главное то, что наши государственные предприятия были пристроены к общему государственному карману, причем к очень большому. А имя этому карману — союзный бюджет. Отсюда каждое предприятие, каждый человек что-то получали.

В результате мы все стали иждивенцами. Вместо того, чтобы быть производителями. Мы все стали как бы иждивенцами у государства. И постепенно выработалась психология потребительства, психология выбивательства. Чем больше выбьешь из этого государственного кармана, тем лучше живешь. Следовательно, предприятия жили лучше или хуже не потому, что они работали лучше или хуже, а потому, что каждому из них удавалось больше или меньше выбить средств. Это-то и загубило нашу экономику

Сегодня мы все прекрасно понимаем, что от подобной системы надо отходить. Весь вопрос как?

И, я думаю, что здесь мы опять бросаемся в крайности. Нигде, ни в одной сфере мы без крайностей не можем. Сначала государственная монополия — один общий карман. Теперь — давайте все раздадим. На мой взгляд, обе эти крайности одинаково губительны. Но только вторая опаснее

— Почему?

— Самое страшное, что может произойти в экономике, что вообще можно сделать с экономикой — это быстро разрушить все то, что производило, не создав при этом того, что будет производить. Здесь обязательно происходит провал. А провал означает голод и смерть миллионов людей, и мы два такие провала уже пережили за последние семьдесят лет. Первый был после Октябрьской революции, когда провели национализацию, а второй — во время коллективизации. То есть разрушили существовавшее на базе частной собственности производство, не успев еще создать производства на базе общественной собственности. Результат — страшная разруха. И причиной этого была не только гражданская война, а и очень быстрое преобразование экономических отношений

Нельзя так обращаться с экономикой, она этого не терпит.

И меня, например, просто пугает поразительно короткая историческая память людей и в том числе наших ученых. Как же можно не учитывать уроки совсем недавнего прошлого? Как же можно так залихватски сейчас все приватизировать? Давайте сейчас все разделим и раздадим: справедливо, несправедливо..

— Кстати, вот вопрос, который, без сомнения, волнует многих. Как делить: равными долями, всем гражданам, детям и старикам? Или по регионам, по возрасту, по полу, по национальности, по трудовому стажу? Как поделить так, чтоб никого не обидеть?

— Справедливости при этом добиться невозможно. Справедливость есть только там, где есть связь потребления с производством. Сколько произвел, столько получил, потребил. Только так возможна справедливость. А когда мы начинаем что-либо делить, какая тут справедливость? Это же дележка

Это продолжение той же самой психологии потребительства, урвать из этого «общего кармана» как можно больше, вот и все. А стихийная приватизация, которая у нас сейчас идет — самая натуральная грабировка.

Здесь я вижу три опасности, которые себя уже проявляют. Одна опасность — сверху от власть предержащих, потому что чиновники, управленцы, которые раньше функционировали на базе государственной собственности, используя свое положение, авторитет и прочее, могут сейчас урвать часть народного добра, прикарманить его.

Другая опасность — снизу, от трудовых коллективов, которые пытаются присвоить себе колоссальные средства производства, которые создавались трудом народа. Предположим, крупнейший завод, который создавался и строился путем напряженнейших усилий всей страны. Тем более не может быть и речи, по-моему мнению, о том, чтобы приватизировать природные ресурсы — нефть, например.

И, наконец, третья опасность, она где-то сбоку, в засаде, я имею в виду теневую экономику. Эти тоже, конечно же, попытаются урвать свой кусок. Поэтому нельзя допускать таких опасностей. Стало быть, процесс разгосударствления должен носить упорядоченный характер. Здесь не может быть никакой стихийности, вот почему здесь нужны законы, союзные и республиканские. А также программы и механизмы их осуществления.

А просто дележка — это самое легкое решение вопроса о приватизации. И не важно как: платно, бесплатно. Я, например, считаю, что бесплатно это вообще плохо. Ну, представьте, вдруг свалился на человека какой-то куш. Что с ним делать? Один, наверное, купит акции. А ведь другой-то может это просто проесть. А третий — пропить. Но не нужно забывать, что это средства производства. И таким образом мы можем часть нашего производства проесть, а часть пропить. Я не думаю, что говорю крамолу какую-то. Так оно в общем и получается. Увлечшись опять-таки уравниловкой, делением, стремлением ухватить, вместо того, чтобы произвести, мы можем проесть то, что накопили предшествующие поколения. Такая опасность есть. И это грозная опасность.

Процессы приватизации, разгосударствления должны идти естественным путем. Их не надо форсировать и проводить очень быстро, потому что это повлечет за собой остановку производства, его паралич.

Нужно снять всякие необоснованные запреты. Ведь раньше мы запрещали буквально все. Старушка вырастила морковочку, мы запрещали продать ее. Вообще мы запрещали индивидуальное производство. На мой взгляд, надо разрешить всякого рода индивидуальное производство: сельскохозяйственное, производство услуг, товаров народного потребления. И люди найдут способ, найдут средства. Важно, так сказать,

не грабить их, не ограничивать, не давить их чрезмерными налогами, не отбирать у них возможности использовать землю. Не лишать их возможности реализации произведенного. И все постепенно наладится.

Надо больше использовать, по-видимому; коллективные формы, вообще говоря, типичные для нашей экономики. Больше развивать кооперативное, коллективное производство. И, по-моему, сейчас на данном этапе нужно не разваливать сложившееся государственное производство, государственные предприятия, а сделать их экономически автономными, экономически обособленными, то есть отделить от государственного кармана, чтобы наше народное хозяйство представляло собой не единую фабрику, а каждая фабрика, каждый завод были экономически абсолютно обособлены, вели свою собственную самостоятельную экономическую жизнь.

И при надлежащей системе оплаты и стимулировании труда приватизация пойдет естественным путем. Рядом с государственными предприятиями начнут появляться предприятия кооперативные, коллективные, индивидуальные, частные. Если они будут конкурентноспособными, значит количество их, масштабы их будут возрастать. А значит, будет идти соревнование различных форм собственности и различных форм производства. Но только, еще раз повторю, не надо здесь ничего искусственно ломать и форсировать. Этот процесс должен носить естественный характер. Вот тогда наш народ вздохнет с облегчением, почувствует, что есть какая-то стабильная система, которая наращивает экономические обороты. А не так, чтобы сломать все, а затем попробовать наладить новое производство. Ничего путного из этого не выйдет.

— В ходе проведения приватизации колоссальная нагрузка ляжет на арбитражи, хозяйственные суды. Сколько сразу собственников появится! Справятся ли они с такой нагрузкой!

— Да, действительно. Почему, собственно говоря, арбитраж сейчас преобразуется в суд? Исторически арбитраж возник в период перехода к нэпу. Тогда возникла потребность в появлении органа, который бы решал хозяйственные споры, причем споры между государственными предприятиями. Сегодня наша система переживает, я бы сказал, второе рождение. И опять это связано с переходом к новой экономической политике. В настоящее время у нас резко расширяется сфера деятельности, потому что теперь мы будем рассматривать споры не только между государственными предприятиями вообще. Нашими клиентами станут и государственные предприятия, и кооперативные, и арендные, и акционерные, и частные, то есть любое предприятие, если оно оформилось именно как предприятие.

И это уже будет не арбитраж, а суд. Потому что арбитраж, в таком виде у нас сложился, был придатком администра-

тивно-командной системы, где экономические связи, экономические отношения строились на директивах, идущих из центра, договоры основывались на планах. И арбитраж был, по существу, дубинкой, которая обеспечивала выполнение этих планов и наказывала тех, кто их не выполнял.

Сейчас задачи наши меняются, расширяются и возрастают. Мы будем рассматривать все хозяйственные споры между любыми предпринимателями независимо от того, на какой форме собственности это производство будет осуществляться. И будем способствовать утверждению законности и правопорядка в экономической сфере. Вот почему мы превращаемся в суд.

Это будет коммерческий, или хозяйственный суд, или арбитражный суд. Названия здесь могут быть различными. Вообще говоря, особого значения термин не имеет. Но мы избрали название — арбитражный суд. Во-первых, для того, чтобы обозначить преемственность. Это ведь целая система, и она не испаряется, она преобразуется. Во-вторых, потому, что все-таки у нас будет упрощенное судопроизводство, упрощенная процедура разрешения споров

Предпринимательская деятельность не сочетается с усложненной судебной процедурой. Мировой опыт об этом свидетельствует. Там, где уголовные дела, там нужна очень сложная судебная процедура, там, где гражданин и его права, то же самое. А вот там, где есть очень мобильная, очень оперативная хозяйственно-экономическая предпринимательская деятельность, там все должно иметь такие же адекватные достаточно простые оперативные процессуальные формы. С тем, чтобы обеспечить быстрое разрешение споров. Поэтому мы и используем термин «арбитражный суд» для того, чтобы показать, что процедура у нас особая, процедура упрощенная, и мы будем использовать метод арбитражирования.

— Что это означает?

— Это значит, помогать спорящим сторонам найти взаимоприемлемое решение, разумеется, на основе закона. Стараться сближать их позиции. Стараться снимать конфликты между ними. И если они в состоянии это сделать с нашей помощью в соответствии с законом, значит, они, по существу, будут находить сами для себя взаимоприемлемые решения. А если они не смогут это сделать, тогда уже мы в соответствии с законом будем решать конфликт. Вы спросили, справятся ли с нагрузкой арбитражные суды? Ну, жизнь покажет.

Ведь всегда спрос рождает предложение, если у нас появится много работы, наверное, мы будем развиваться, увеличится количество судов, увеличится их численность и т. д. Пока мы вроде бы справляемся с той нагрузкой, которая у нас есть. Я вам скажу даже, как это ни странно, нагрузка несколько уменьшается в последнее время, не очень, но все-таки умень-

шается. Нарушений договоров все больше и больше, а споров в арбитраже не увеличивается.

Почему? Да потому, что потребитель при нынешнем соотношении товарной и денежной массы, бедный потребитель попадает в полную зависимость от производителя. Он боится с ним спорить. Конечно, споры все равно есть. И они будут. Но я думаю, что их количество резко возрастет по мере оздоровления нашей экономики, как это ни парадоксально. Когда соотношение между товарной и денежной массой начнет выравниваться, потребитель начнет расправлять плечи. А начав расправлять плечи, он все чаще начнет обращаться к нам по поводу того, что его что-то не устраивает в поведении производителя: тот нарушает договор, поставляет продукцию не достаточно высокого качества или, допустим, не комплектную, или сроки нарушил. А сейчас он вынужден, бедолага, мириться с этими нарушениями. Поэтому наша задача состоит как раз в том, чтобы защищать потребителя. Потому что производитель, любой производитель сейчас — монополист.

— Чувство хозяина не привьешь указом президента. А вот правильную дорогу, что и как делать, закон указать может. Обрисуйте, что это за закон должен быть!

— Я думаю, что если мы с помощью закона позволим гражданам функционировать в сфере экономики, то есть появится экономическая свобода, то появится и экономический интерес и это будет способствовать тому, чтобы появился хозяин, а не чувство хозяина. Хозяева появятся настоящие.

Беседу вела Лариса ПЕТУХОВА.

Без грифа
«СЕКРЕТНО»

Валерий АЛЕШКО

**„ПОКА ДЫШУ —
НАДЕЮСЬ!“**

Кто не помнит известный телесериал «Майор Вихрь»? Он вышел на голубой экран 23 года тому назад и надолго завоевал внимание и любовь миллионов зрителей. Давно стали взрослыми мальчишки и девчонки, которые с замиранием сердца следили на телеэкране за приключениями советских разведчиков, спасших древнюю столицу Польши — Краков, но мало кто из них знает, что пережил герой фильма майор Вихрь — вернее разведчик Евгений Степанович БЕРЕЗНЯК — после войны.

О том, как работала группа разведчиков в тылу врага, Е. С. Березняк написал в своих книгах «Я — «Голос» и «Пароль — Dum spigo». Изданные на разных языках, эти повести получили широкий резонанс в нашей стране, Польше и Болгарии. Читателей подкупала обжигающая искренность автора: в своих книгах он не скрывал неудач, просчетов в деятельности группы, писал не только о героическом, но и о тяжелых буднях войны. Не рассказал он только о том, почему его группу, с честью выполнившую задание, на Родине встретили отнюдь не как героев...

Началось все с того, что Березняк, или как тогда его звали «капитан Михайлов», заброшенный вместе со своей группой в Краков, напоролся на полевых жандармов и был брошен в подземелье «Монтелюпихи» — краковской тюрьмы гестапо. Абверовцы схватили и радистку — «Комар». Кажется, все кончено: задание командования провалено, разведчиков ждет мучительная смерть

«Герой, кто погибает с честью, но дважды герой тот, кто выполняет свой долг и остается в живых», — так Евгения Степановича учили в разведшколе. Учили искать выход из самых, казалось бы, безвыходных ситуаций. И «капитан Михайлов» находит этот выход. На допросах он «признается» гитлеровцам,

что является марш-агентом, то есть связником, «почтальоном», и прибыл в Краков лишь для того, чтобы установить связь с неизвестным ему человеком из действующей в городе разведгруппы. Встреча должна была произойти на краковском рынке Тандета. Там к нему подойдет мужчина среднего роста и спросит: «Когда вы выехали из Киева?» Отзв. «В среду». Гитлеровцы, естественно, не упустили возможность выловить «действующую в городе разведгруппу» и вот под присмотром фашистских молодчиков «капитан Михайлов» появляется на рынке Тандета гудит, как огромный улей. Здесь продается все: сигареты и бюстгалтеры, порнография и старинные иконы, солдатские шинели и тончайшие кружева. Рынок полон людьми. Отчаянно торгуются офицеры и солдаты вермахта, горожане, горцы, приезжие.

Его выводили на рынок несколько дней подряд. И в самый последний Березняку удалось усыпить бдительность своих стражей — он ловко нырнул в толпу, смешался с ней и исчез. «Dum spigo — spigo!» — «Пока дышу — надеюсь!» — любил говорить друг «капитана Михайлова» — польский коммунист. Разведчики не только надеялись, они боролись. Поэтому смогли выжить и победить. В самом, казалось бы, отчаянном положении сумели сохранить присутствие духа, вырваться из фашистских лап.

О том, как радистка Ольга — «Комар» провела гитлеровцев — рассказ долгий: помогли изворотливость, ум, профессиональное мастерство. И самое главное — стремление во что бы то ни стало не просто выжить, но и выполнить задание командования.

Группа «Голос» задание Центра выполнила с блеском. За пять с лишним месяцев, действуя в сложных условиях в тылу врага, разведчики с помощью польских патриотов собрали ценную информацию, передали в Центр более сотни радиogramм о дислокации нацистских дивизий, воздушных эскадр «Люфтваффе», сведения об аэродромах и штабах. Сообщили они и о строительстве укреплений в районе Кракова, о минировании города, о фашистских планах уничтожения древней польской столицы. Сделать это было очень и очень непросто, ибо именно в Кракове находились управления гестапо и абвера. Здесь же разместились резиденция гитлеровского генерал-губернатора, работали десятки тысяч агентов. О том, как все это удалось сделать, рассказывается в документальном фильме «Теперь их можно назвать». Но художественная лента «Майор Вихрь» и документальный фильм появятся только через многие годы. А тогда...

Тогда они, сделав все, что было в их силах, с нетерпением ждали встречи со своими. Мечтали отдохнуть, отоспаться, расслабиться. Нет, члены группы «Голос» не надеялись на почести и награды — тысячи таких же бойцов невидимого фронта делали свое дело в тылу врага, часто гибли, и некому было проводить их в последний путь, воздать должное... Нет, не славы и признания ждали, вырвавшись из фашистского ада, герои, им просто

хотелось прижаться к плечу друга, обнять товарищей. Но даже этого не выпало на их долю...

Брови Бати, так звали разведчики полковника Павлова, нахмурились: он прочел рапорт «капитана Михайлова» об аресте, а затем и побеге на краковском рынке.

— Заварил же ты кашу! Почему не доложил сразу? — вздохнув, спросил «шеф»

— Не было смысла. Новую группу готовить — месяцы пройдут. Помните историю со «Львовым»? А смена явок, связь? И это в условиях, когда дорог каждый день!

— Кто в группе знал о вашем с Ольгой аресте? — Батя пылливо взглянул на Евгения

— Никто, конечно.

— Так зачем же ты подал этот рапорт, кто тебя потянул за язык?

— Совесть... Я сразу же после побега решил: вернемся — все расскажу.

— Да, но ты же знаешь, как поглядят в «СМЕРШе» на то, что ты был в гестапо... Боюсь, что и с орденом придется распрощаться.

— Не за ордена воюем, — за Родину Разве не так?

— Верно. Но рапорту придется дать ход и неизвестно еще, как к вашему аресту отнесутся. Я-то тебе верю. Но времена нынче суровые ..

С этого дня в жизни Евгения Степановича Березняка началась самая тяжелая полоса. Бесконечные вызовы, беседы, очень похожие на допросы. Однако вскоре «капитану Михайлову» показалось, что ему поверили: День Победы они с радисткой встретили в Дрездене, в резерве 1-го Украинского фронта. Накануне, в штабе, им вручили предписание явиться в назначенное место для дальнейшего прохождения службы.

Группа «Голос» возвращалась на Родину, полная радужных надежд. Быть может, направят на Восток, где японские самураи еще не сложили оружия? Но Евгений и Ольга оказались под Москвой — в Подольске в проверочно-фильтрационном лагере НКВД № 174.

Конечно, тот, кто был в плену, особенно в гестапо, нуждался в проверке. Не все выходили с честью из фашистских застенков, бывали случаи предательства, некоторых перевербовывали. «Да, проверка необходима!» — утешал себя Евгений Степанович, но он и представить себе не мог, как это тяжело, когда не верят.

Лагерь располагался в школе. А это для него, бывшего учителя, было особенно мучительно. В классах — трехъярусные нары, набитые соломой матрацы. Жара, духота — невыносимые, хотя окна с решетками на ночь открывались. Но даже и не это было самым страшным. Хуже всего было недоверие, сквозившее в каждом слове допрашивающих, нетерпим был сам воздух лагеря.. А ведь здесь находились Герои Советского Союза, заслуженные генералы-фронтовики — люди, которые по тем или

иным причинам побывали в окружении, в фашистских концлагерях, застенках гестапо, в плену. Были здесь и разведчики, которых немилосердная судьба бросала в самые невероятные переплеты минувшей войны. Никогда, наверное, Евгению Березняку не забыть старого полковника, который слушал радиопередачу о параде Победы. Лицо его осунулось, в глазах слезы и боль «Почему я здесь, а не там?» — спрашивал он.

Рядом — в нескольких сотнях метров от лагеря — железнодорожная станция. Через нее нескончаемым потоком шли составы с демобилизованными воинами. Слышались смех, песни, победный гром оркестров. Все это было не для них.

Им остались только страшные, бессонные ночи! В тылу врага тоже хватало бессонных ночей, но тогда была война, все было ясно и просто: не ты уничтожишь врага, так он убьет тебя. Так было в днепропетровском подполье. На улице Исполкомовской, у самого дома, где он жил, фашисты повесили молодого парня с надписью на фанерной доске «Он слушал московское радио». Евгений же не только слушал радио, но и распространял сводки информбюро. Или взять допросы с пристрастием в полевой жандармерии, или камеру смертников в гестаповской тюрьме «Монтелиупиха». А сейчас? Расстреляют свои?

О том, как это ужасно, когда тебе не верят, он узнал еще в 37-м году. Тогда его исключили из комсомола «за связь с петлюровцами». Он страшно переживал, близкие боялись, что заболит. К счастью, все обошлось. Нашлись люди, которые развеяли эти нелепые обвинения. Эти же люди подтвердили, что во времена петлюровщины ему было всего.. шесть лет.. В 39-м рекомендовали Е. Березняка в партию.

Эта боль осталась в далекой молодости, теперь же его моральные и физические муки нельзя было сравнить ни с чем. Днем под конвоем их водили на элеватор, на разгрузку зерна. В «строю» — герои и негерои «фильтр» СМЕРШа не щадил никого. Давали пайку хлеба и немного жидкой похлебки — то ли из чечевицы, то ли из гороха. Страна голодала, голодали и в лагерях. Отсюда было два пути: если докажут, что ты предатель, не «враг народа», получишь справку «прошел госпроверку». Большинство ждал срок или штрафной батальон на японском фронте. «Доказательствами» в СМЕРШе себя не очень-то утруждали.

Уборка овощей — это уже праздник: можно было поживиться морковкой или, если очень повезет, чесноком! А на элеваторе зерно прятали в карманы или в маленькие мешочки — за пазухой. Что ж, голод — не тетка. Многому научились наши люди в эти годы. Научились и не умирать с голода.

«Верхним» соседом по нарам у Евгения оказался майор — политработник, бывший секретарь горкома партии.

— Послушай, за что? — с мукой в голосе спрашивал он. — Не был ни в гестапо, ни в плену. Под Балатоном, правда, попали в окружение. Там вообще был «стоеный пирог». нас окружили

немцы, немцев окружали наши. И так далее. Но вырвались же с боем, раненых не бросили, даже пленных взяли! А потом дрались — до Победы.

Майор давно забыл об окружении, воевал, поднимал людей в атаку, не ведая, что судьба его уже predeterminedена СМЕРШем и высшим начальством. В первые дни в лагере он очень бурно реагировал на ночные вызовы, допросы. Потом наступила депрессия, полная апатия ко всему, безразличие. Майор стал неразговорчивым, замкнулся в себе. Чувствовалось какая-то навязчивая мысль не дает ему покоя. Однажды, когда все ушли на работу, под каким-то предлогом остался в бараке и повесился на нарах. Его обнаружили уже бездыханным. Доложили дежурному. Тот прислал людей. Пришли, сняли, куда-то унесли. Был человек — и нет человека.

Таких случаев было немало. Люди, которые вынесли самые невероятные испытания в борьбе с врагом, не могли выдержать в «своих» лагерях, ломались от несправедливости, отчаяния, бессилия и обиды. Каждый день в лагере появлялись узники и не только по «направлению» СМЕРШа. В армии находились такие командиры, которые страховали себя, оберегали свой покой, свою шкуру, посылая на «проверку» в лагерь своих подчиненных разведчиков, офицеров, которые во время войны побывали в окружении, в гестаповских застенках, лагерях смерти.

Евгений Березняк держался из последних сил. «Пока дышу — надеюсь!» — с горечью повторял он, ни на что уже не надеясь, никому не веря. Плохо было еще и то, что ему не повезло со следователем. Тупой, малообразованный человек, он каждый раз спрашивал на допросах одно и то же:

— В гестапо побывал?

— Побывал.

— И живой?

— Живой.

— И как это тебе удалось? — продолжал он с издевкой. — Оттуда выходят мертвыми или предателями, известно.

— Я обо всем — и о своем побеге — написал в рапорте.

— Мало ли что можно написать. Все вы, разведчики, сочинители. И «побег» тоже нетрудно устроить. Знаем мы эти «штучки».

— К тому, что написано, мне добавить нечего.

Один раз Евгений не выдержал:

— А сами вы не бегали из гестапо?

— Молчать! Здесь я задаю вопросы, — следователь чуть не задохнулся от возмущения.

В другой раз Березняк сказал ему с вызовом:

— Я бы вас в разведку с собой не взял.

Другому соседу по нарам — Георгию — повезло: у него был следователь совсем иного склада. «Вот попасть бы тебе к моему капитану. Вмиг бы во всем разобрался!» — не раз говорил Георгий Евгению Степановичу. Следователя, конечно, Березняку не

заменяли, но Георгий сумел все-таки помочь своему товарищу по несчастью. Как-то вечером он сказал Евгению: «Работает здесь один надежный человек. Зовут его Николай, фронтовик, водитель полуторки. Ежедневно бывает в Москве. Есть возможность передать ему письмо. Напиши о себе тому, кто тебя знает, верит и сможет помочь, а я передам».

Евгений тут же подумал о своем учителе, начальнике отделения разведшколы Василии Степановиче Яковлеве. Даже адрес его вспомнил.

Эх, была не была!

Евгений коротко написал о себе, сообщил, что произошло с ним и с радисткой Ольгой. «Моя совесть,— писал он учителю,— совесть разведчика, солдата, перед Родиной чиста». Отдал Георгию записку-письмо без особой надежды на какие-то перемены. Но . Прошло четыре дня, и Евгения Степановича вызвали в управление лагеря Хмурый, с красными от бессонницы глазами майор объявил ему, что он, Березняк, прошел спецпроверку. И свободен! О чем свидетельствовала тут же выданная справка (разведчик хранит ее по сей день). Еще майор добавил:

— Вас ждут.

В соседней комнате Евгений увидел Ольгу (все эти недели они виделись только раз — на очной ставке) и своего знакомого — преподавателя разведшколы, подполковника Лебедева.

— Привет вам от Василия Степановича,— сказал он.— К сожалению, сам приехать не смог. Письмо ваше получил и попросил меня о вас позаботиться.

Ольга и Евгений приехали в Москву засветло. Подполковник завез своих подопечных в гостиницу. В номере их уже ждали товарищи из Главного управления Генштаба. Выдали новое, с иголочки, обмундирование, продаттестаты, билеты до Львова, денежное пособие.

Несколько дней в Москве пролетели, как во сне. На Киевский вокзал Евгения и Ольгу отвез тот же подполковник. Прощаясь с ними, Лебедев посоветовал вычеркнуть из памяти, из биографии все, что связано с операцией «Голос», с разведдеятельностью.

— Такова специфика нашей работы. Да, это, впрочем,— добавил он,— в ваших же интересах.

Березняк последовал совету и постарался все «забыть». Но его, однако, «не забывали». «Вскоре я узнал,— рассказывал мне Евгений Степанович,— что по-прежнему нахожусь «под колпаком». Чувствовал это, как говорится, нутром — опытный подпольщик или разведчик всегда сумеет определить, следят за ним или нет». О том, что за ним следят, ему говорили и те, кому органы безопасности поручали информировать их, с кем Березняк встречается, куда ходит. «Какая это мука знать, что тебе не доверяют свои! — с горечью вспоминал разведчик — На войне все ясно: наше дело правое, враг должен быть разбит. Ну а в мирные дни, на своей земле? Страшно, когда в тебе видят врага.»

Евгений Степанович по натуре оптимист. Всегда верил в торжество справедливости, вроде, и выдержки всегда хватало. Но тут у него стали сдавать нервы: «Стоит ли, — сверлила голову отчаянная мысль, — жить, если тебя до сих пор подозревают, считают неблагонадежным?» Единственное, что тогда помогало выстоять, — чистая совесть, гордость и человеческое достоинство, которое он не терял.

Доходило до курьезов. Березняк работал начальником отдела учебных заведений Львовской железной дороги. В его ведении находились школы, расположенные в Чопе, Королеве, в других населенных пунктах пограничных районов. Так вот — посещать подведомственные школы Березняк не мог, так как дорожное отделение госбезопасности под любым предлогом отказывало ему в выдаче пропуска в погранзону.

Ничего не изменилось для бывшего разведчика и после XX съезда, разоблачения культа личности. Тот, кто хоть несколько дней побывал в гестапо, по-прежнему оставался на подозрении.

В 1960 году, когда Березняк жил в Киеве и работал уже начальником управления школ в Министерстве народного образования Украины, его и других членов группы «Голос» разыскивали польские товарищи. Вскоре пришло сообщение о том, что Рада Народова наградила разведчиков золотыми знаками города, приняла решение навечно занести их имена в списки спасителей Кракова. Друзья приглашали Евгения Степановича с женой приехать в Польшу, но в выезде им было отказано. В Польше, дескать, сложная обстановка.

— А разве летом 44-го в районе Кракова обстановка была не сложной? — с недоумением спрашивал Березняк. Но на такие вопросы «компетентные органы» не отвечали. Поездка бывшего разведчика в Польшу состоялась только в 1965 году. Вот сколько лет его проверяли, убедились наконец, что не враг! Через двадцать лет после войны получил он и первый свой боевой орден — Отечественной войны I степени. Наградили его и орденом Польской Народной Республики — «Виртути Милитари», Крестом партизанской славы. Позже был Евгений Степанович удостоен орденов Октябрьской революции, Трудового Красного знамени, «Знака Почета», Отечественной войны II степени, многих медалей. Присвоили ему почетное звание «Заслуженного учителя УССР», наградили Почетной грамотой и грамотой Верховного Совета УССР. Словом, справедливость, как говорят, восторжествовала. Но что пережил за эти годы славный наш «Майор Вихрь», знает только он один!

«Главное — не в наградах, — улыбаясь, говорит Березняк, — самое трудное — остаться человеком, не потерять веру в людей, никого не предать. Иной, быть может, усмехнется: дескать, тоже мне — достижение! Я отвечу: попробовал бы этот скептик хоть часок посидеть в гестапо или, скажем, в нашем СМЕРШе, где

тоже не очень-то церемонились, я бы тогда послушал, какого «лазаря» он запел »

Все послевоенные годы у Евгения Степановича была одна заветная мечта — встретиться с Василием Степановичем, человеком, который так много для него сделал. Но на звонки по заветному московскому номеру ровный женский голос неизменно отвечал: «Василий Степанович в длительной служебной командировке ..» Они встретились только в феврале 1969 года.

Уютный номер гостиницы «Юность». Долгожданный гость — в штатском. В разведшколе этого человека знали как Василия Степановича, полковника Яковлева. На самом же деле его имя — Василий Севастьянович Евенко.

Уже несколько лет, как он расстался с делом, которому отдал почти всю свою «взрослую» жизнь. Персональный пенсионер. Сколько же они не виделись? Почти четверть века.

Березняк поймал на себе внимательный, цепкий взгляд учителя. Неожиданно тот рассмеялся.

— Молодец, «Голос»! Что главное для разведчика? Выдержка. У тебя ее оказалось с избытком. Так что спрашивай. Теперь можно. Знаю, есть у тебя ко мне особый вопрос.

— Василий Севастьянович, дорогой мой спаситель, что же произошло тогда, в августе сорок пятого?

— Начну с того, что родился ты, Евгений, в сорочке, можно сказать, с удачей в кулаке.

Это, действительно, наверное, было так, потому что письмо, отправленное с водителем полуторки Николаем, попало к Евенко в самый последний момент. Опоздай оно хоть на сутки — и полковник при всем желании уже не смог бы ему помочь. Письмо Евенко получил, когда уже, как говорится, сидел на чемоданах. Два дня оставалось до выезда в длительную служебную командировку. Времени — в обрез. Масса незаконченных дел. А главное — в положении «спецкомандировочного» встретить в эту историю не каждый бы стал. Военные разведчики и после победы не пользовались благосклонностью всемогущего тогда Берии. Почти за каждым — об этом знали все — была установлена слежка. Перед «спецкомандировкой» слежка обычно усиливалась, и желание выручить из беды курсанта, который побывал в руках гестапо, могло очень и очень повредить Василию Севастьяновичу. Но он не испугался.

— Прочитав твое письмо, — рассказывал Березняку Евенко, — я уже знал, что не отступлю, что не будет мне покоя и удачи, если брошу вас — тебя и Ольгу — в беде.

Словом, поехал Евенко в Главное управление. Поднял дело группы. Придирчиво, тщательно проанализировал отчет, рапорт, все больше убеждаясь: решения, поступки «Голоса» в тех условиях, в тех обстоятельствах были единственно правильными. Доложил обо всем руководству. Разговор был долгий и непростой. Оказалось, что по делу Ольги и Березняка уже принято

решение. Их должны были, в лучшем случае, разжаловать и отправить в штрафбат на Дальний Восток. Но в конце концов начальник Главного управления согласился с доводами Евенко, но предупредил:

— Понимаете, полковник, чем это пахнет? Случись что, придется вам отвечать головой. Вы к этому готовы?

— Готов, — ответил полковник.

Ольга и Евгений Степанович были спасены. Но не всем так повезло в то время. Только в 70-х годах узнал он о судьбе замечательного советского разведчика «Домба», который был одним из организаторов «Красной Капеллы» — крупной разведывательной сети, которая действовала во время войны в оккупированных странах Европы. Как признал сам адмирал Канарис — глава военной разведки «Третьего рейха», «Красная Капелла» отняла у Германии тысячи солдатских жизней. Судьба «Домба», настоящая фамилия разведчика Трепер, была трагической. После победы он, как и Евгений Березняк, оказался за решеткой, потому что тоже побывал в гестапо. «Особое совещание» «наградило» его 15-летним сроком. Лишь в 1959 году он встретился со своей женой и сыновьями...

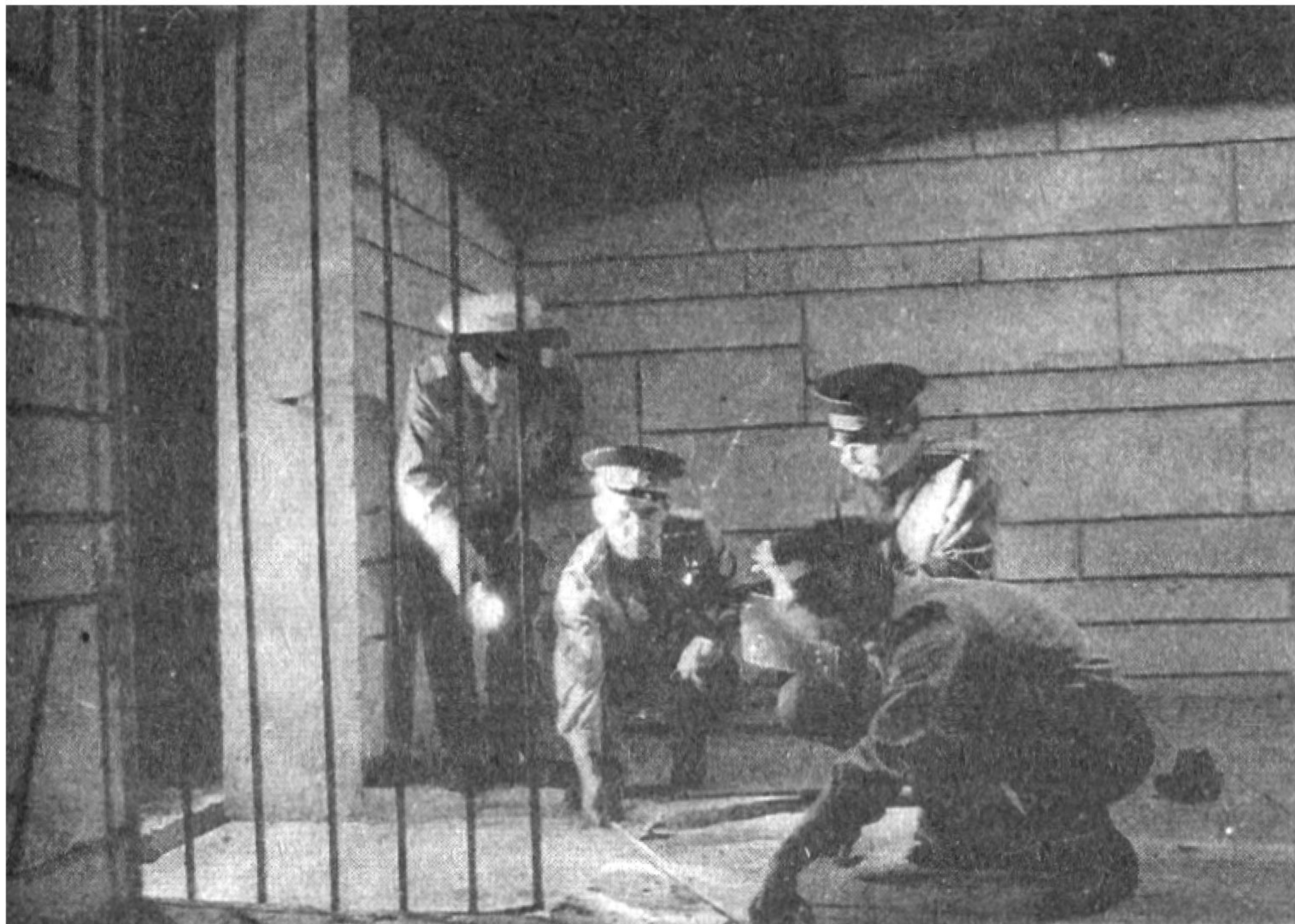
Такое могло быть и с Березняком. Если бы не Евенко... Встречу с ним Евгений Степанович запомнил навсегда. И каждый раз, когда он думал о том, каким должен быть настоящий коммунист и чекист, перед ним вновь и вновь возникал Василий Севастьянович — его учитель по разведшколе. Недавно ушедший из жизни, но незабвенный.

«Пока дышу — надеюсь!» И я живу и надеюсь на лучшее только потому, что есть среди нас еще такие, как Березняк, Евенко, многие, многие похожие на них.

НОВОЕ

В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Сергей ЮРЬЕВ

ПРАВА БЛЮСТИТЕЛЕЙ ПРАВООПОРЯДКА

**Закон СССР «О советской милиции».
Что он дает милиции и обществу**

16 марта 1991 года в газете «Известия» был опубликован Закон СССР «О советской милиции». Именно эту дату следует считать началом действия в нашей стране прин-

ципально нового в истории Союза ССР законодательного акта — по постановлению Верховного Совета СССР Закон вводится в действие с момента опубликования.

Слушания законопроекта в первом чтении начались в середине ноября 1989 года. Более полутора лет потребовалось законодателям для того, чтобы не только учесть все поступившие замечания и предложения — а их было более трех тысяч, в том числе и альтернативные проекты, — но и привести будущий Закон в соответствие с быстро меняющейся ситуацией в стране.

В ходе подготовки союзного Закона встал напрямую вопрос, нужен ли вообще общесоюзный Закон о милиции.

Авторы Закона уверены — нужен. Представляя депутатам законопроект на рассмотрение во втором чтении, Председатель Комитета Верховного Совета СССР по вопросам правопорядка и борьбы с преступностью Ю. Голик особо подчеркнул, что преступность не знает границ — никаких и нигде. Поэтому работники милиции и различных ее служб должны тесно взаимодействовать друг с другом и быть исключены полностью из политической борьбы как организованные, дисциплинированные и мобильные силы. Должна быть единая, унифицированная структура. Только тогда, по мнению Ю. Голика, может быть достигнут успех в борьбе с преступностью.

В конечном счете, как мы знаем, члены Верховного Совета большинством голосов поддержали это мнение Председателя Комитета Вер-

ховного Совета СССР. Закон СССР «О советской милиции» принят и вступил в действие. Что же нового способен он привнести в жизнь сотрудников милиции и всех граждан?

ВООРУЖЕННАЯ И ПОЛИТИЧЕСКИ СВОБОДНАЯ

Представляя парламентариям законопроект во втором чтении, Ю. Голик достаточно подробно рассказал о том, как велась его доработка после того, как он был принят в первом чтении — изменилось в итоге даже первоначальное название документа (в первом чтении он назывался «Закон о правах и обязанностях советской милиции»). Ю. Голик также выделил принципиально новые положения Закона.

Новшества начинаются с самого начала. С определения советской милиции как «государственной правоохранительной вооруженной организации». Зачем потребовалось подчеркивать и без того очевидное? По мнению Ю. Голика, это констатация того, что вооружение милиции необходимо вовсе не для того, чтобы кого-то напугать, а для того, чтобы закрепить реальное положение дел. Чтобы ясно и просто сказать: милиция имеет сейчас на вооружении не только пистолеты, но и более серьезное оружие и всегда может дать отпор преступникам, преступным группам и, наконец, организованной преступности. Ю. Голик также подчеркнул,

что правоохранительные органы и в дальнейшем намерены совершенствовать свое вооружение. И об этом надо со всей определенностью сказать в Законе по той простой причине, что честному человеку бояться нечего, а преступники должны знать, что никто с ними в критических ситуациях церемониться не будет.

Насколько эта строка Закона сможет оказать сдерживающее влияние на рост вооруженной преступности, покажет время. А пока стоит обратить внимание и на другие новые моменты, звучащие в Законе о милиции.

По-новому определяются основные задачи милиции. Во второй статье Закона о милиции первенство отдается предупреждению, быстрому и полному раскрытию преступлений, охране общественного порядка. Таким образом, можно считать их основными формами участия милиции в защите прав, свобод и законных интересов граждан всего Советского Союза, всего общества. Особо подчеркивается также возрастающая роль милиции в оказании населению социальной и правовой помощи.

Впервые законодательно сформулированы и принципы деятельности милиции: законность, социальная справедливость, демократизм, интернационализм, гуманизм, уважение личности, взаимодействие с трудовыми коллективами и населением, постоянный учет обществен-

ного мнения. Раньше такого в наших законодательных актах просто не было. Как не было и важнейшего положения о том, что деятельность милиции должна быть гласной, открытой для граждан, общественности и средств массовой информации.

Несомненно, особое внимание привлекают статьи шестая и седьмая, где говорится о службе в милиции, особенностях ее прохождения и об организации милиции. Особенно та часть, где фактически провозглашается департизация органов внутренних дел, где впервые применительно к милиции сказано о политических свободах ее сотрудников, в том числе и свободе совести. Одновременно работникам милиции запрещается занятие любыми видами предпринимательства, ограничено право на совместительство, запрещается организовывать забастовки, участвовать в их проведении. Тоже — знамение времени.

Такой же временной приметой стали и учет в Законе договоренностей между центром и республиками о разграничении функций. Так, в Законе предусматривается возможность создания в республиках местной милиции — муниципальной, как еще ее принято называть. А кроме того, пожалуй, впервые именно в этом Законе четко говорится о разделении полномочий между центром и республиками.

Права республик в сфере охраны общественного порядка и борьбы с преступностью значительно расширяются. По существу — они берут на себя решение всего комплекса вопросов. Союзу отдано лишь то, что республики сами сделать не в состоянии, а также решение проблем, носящих межреспубликанский характер. Например — борьба с наркобизнесом.

Нельзя не обратить внимание и на такое нововведение, как законодательно закрепленное отныне право привлекать к охране общественного порядка и общественной безопасности военнослужащих. При этом на военнослужащих распространяется часть прав, предоставленных Законом милиции для выполнения возложенных на нее обязанностей. В том числе — право проверять у граждан документы, право в целях пресечения преступлений, при других чрезвычайных обстоятельствах входить беспрепятственно в любое время суток в жилые и иные принадлежащие гражданам помещения, на территорию и в помещение предприятий, учреждений и организаций и осматривать их, право в чрезвычайных случаях беспрепятственно использовать принадлежащие гражданам и организациям транспорт и средства связи. А также право на применение спецсредств и оружия.

Надо заметить, что в отношении применения спец-

средств и оружия Закон стал гораздо более «либеральным». Для применения слезоточивого газа отныне не требуется специального разрешения, милиционеры также избавлены от необходимости, применяя оружие, делать предупредительный выстрел.

Нет сомнения в том, что к ряду положений Закона о советской милиции отношение со стороны общества будет неоднозначным. В то же время в Законе есть положения, введение которых встретит беспорное одобрение. К их числу с полным правом можно отнести те пункты статьи, посвященной перечню обязанностей милиции, где речь идет об обязанности принимать меры по обеспечению безопасности свидетелей потерпевших, участвовать в экологических мероприятиях. А также раздел, посвященный правовому положению, социальной защите и ответственности работников милиции.

Не надо быть особенным провидцем для того, чтобы предугадать, сколько вопросов и споров вызовет Закон СССР «О советской милиции». Ведь это один из тех законодательных актов, действие которых напрямую касается едва ли не каждого гражданина страны. И самые первые вопросы последовали 6 марта — в день, когда Верховный Совет СССР обсуждал и принял Закон. Вопросы задавали депутаты, отвечали им весьма квалифи-

цированные юристы. В их числе — и Председатель Верховного Совета СССР А. Лукьянов. Поэтому, думаю, есть прямой смысл вернуться к тому дню работы пятой сессии парламента страны и рассказать подробнее о тех положениях Закона, вокруг которых возникли наиболее серьезные споры.

МИЛИЦИЯ И ПОЛИТИКА

Как и следовало ожидать, первые серьезные вопросы возникли в связи с включенным в статью шестую, в которой речь идет об особенностях прохождения службы в милиции, абзаца, где сказано, что назначение на должность, перемещение по службе, увольнение работника милиции не могут быть связаны с его участием или неучастием в деятельности общественных объединений, а также с его отношением к религии. Наверное, не стоит сейчас еще раз говорить о том, что каких-нибудь два года назад такие строки в законе о правоохранительных органах были просто немыслимы. Но время меняется быстро. И вот уже идут споры о том, насколько такая формулировка может в полной мере обеспечить политическую независимость сотрудников милиции.

Основные тезисы оппонентов. Органы милиции так или иначе будут осуществлять государственную внутреннюю политику, а на эту политику, в том числе и на

органы милиции, будут пытаться оказать влияние политические партии. В абзаце рассматривается только ситуация, возникающая при смещении и перемещении по службе работников органов внутренних дел. Но ведь вопрос стоит более глубоко и широко: как должен вести себя сотрудник милиции в зависимости от того, какое решение приняла данная конкретная политическая организация на данном конкретном участке работы — в районном, городском, областном отделе внутренних дел? Иными словами, когда говорится, что работник органов внутренних дел не подчиняется решениям партии в своей деятельности, то речь идет о неподчиненности общепартийным решениям, независимости от них. А как быть с решениями первичной парторганизации? Необходимо защитить работников органов внутренних дел от любых проявлений централизма и внутрипартийной дисциплины, иначе органы внутренних дел выйдут из повиновения государству, а сотрудникам придется выбирать между требованиями партии и требованиями присяги.

В качестве гарантии политической независимости милиции предлагалось, в частности, включить в Закон формулировку, где бы говорилось о том, что в соответствии с Законом СССР «Об общественных объединениях» сотрудники милиции

в своей служебной деятельности не связаны решениями политических партий и других общественных объединений, преследующих политические цели.

Каковы же контраргументы? Прежде всего — предлагаемая формулировка уже существует и действует. В Законе об общественных объединениях. Поэтому авторы Закона о милиции сочли возможным не повторять ее, а внести в законодательный акт именно положение, уточняющее независимость прохождения службы в милиции от политических убеждений. Запретить же сотрудникам милиции иметь такие убеждения, по-видимому, невозможно. Главным критерием продвижения сотрудника милиции по службе должны быть его профессиональные и моральные качества.

И, пожалуй, основная гарантия политической нейтральности деятельности органов внутренних дел заложена во втором абзаце этой статьи. Там сказано коротко: «Работники милиции принимают присягу». То есть присягают на верность государству, а не какой-либо партии. Разумеется, в существовавшем на момент принятия Закона тексте милицмейской присяги есть слова, вызывающие в контексте принятого Закона определенные вопросы. К примеру: «...клянусь до конца оставаться преданным... социалистической Родине и делу коммунистического

строительства...». Но совершенно очевидно, что после введения в действие Закона о милиции текст необходимо переработать. Такое мнение, кстати, прозвучало и в Верховном Совете страны.

Вызвала вопросы и та часть статьи об особенностях прохождения милицмейской службы, которая запрещает работникам милиции занятие любыми видами предпринимательской деятельности, совместительство на предприятиях, в учреждениях и организациях. Прежде всего потому, что к моменту принятия Закона действовал приказ Министра внутренних дел СССР, разрешающий предпринимательскую деятельность и совместительство, дифференцированно подходя к тем, кто может это делать. По этому приказу некоторые сотрудники милиции получили право дежурить во вне рабочее время по договорам, скажем, охраняя садовые участки. Зачем лишать милиционеров приработка, ведь зарплата их, известно, невелика.

Цель данного положения, считают авторы Закона, оградить работников правоохранительных органов от возможности подкупа. Поэтому такого рода положения должны регламентироваться не приказами Министра, а Законом. Что же касается возможности приработка, то Закон ее не уничтожает. Просто впредь кооперативам, садовым товариществам, другим организациям, желающим пользоваться ус-

лугами работников милиции, придется заключать договоры не с милиционерами, а с районными отделами внутренних дел.

СОВМЕСТНОЕ ПАТРУЛИРОВАНИЕ

Все мы помним бурные споры, очень жесткую полемику, которая развернулась в свое время вокруг совместного приказа министров обороны и внутренних дел, а позже — вокруг Указа Президента СССР. Теперь совместное патрулирование закреплено законодательно. Надо сказать, что этот раздел Закона особых споров не вызвал. Но, вместе с тем, в ходе обсуждения законопроекта в него было внесено весьма существенное дополнение. Это та часть статьи, в которой сказано, что в случаях, предусмотренных Законом, для осуществления согласованных с республиками мер по охране общественного порядка и общественной безопасности могут привлекаться военнослужащие. Главное здесь то, что меры согласовываются обязательно с руководством республик, совместное патрулирование четко законодательно закрепляется. Кроме того, вся статья Закона обретает способность содействовать реализации нормы, записанной в части шестой статьи 132 Конституции СССР, где Кабинету Министров предписывается осуществление согласованных с республиками мер по обеспечению прав

и свобод граждан, охране собственности и общественного порядка, борьбе с преступностью.

ПРАВО БЕСПРЕПЯТСТВЕННО ВХОДИТЬ

Вполне закономерно то внимание, с которым, наверное, каждый заинтересованный человек изучил раздел Закона, где регламентированы предоставленные милиции права. Примечательно, что на сессии Верховного Совета СССР при обсуждении проекта Закона практически не возникло вопросов по поводу предоставляемого милиции права беспрепятственно входить в жилые помещения. Зато право беспрепятственно входить на территорию и в помещение предприятий, о котором сказано в пункте, посвященном мероприятиям по обнаружению преступлений в сфере экономики, вызвало определенные разногласия.

Суть проблемы, по мнению оппонентов, в том, что на стадии оперативно-розыскных действий милиции таким образом предоставляются такие права, которые, с точки зрения уголовно-процессуального закона, рассматриваются только с санкции прокурора на стадии предварительного расследования. Следовательно, расширяется сфера оперативно-розыскных действий и тем самым нарушается уголовно-процессуальное законодательство. Это противоречит духу и букве Конституции СССР о непри-

косновенности жилища. Ведь известно, что индивидуальная трудовая деятельность осуществляется, как правило, в жилых помещениях.

Кроме того, доказательства, добытые в результате обыска, с точки зрения уголовно - процессуального законодательства, не принимаются судом в качестве доказательства, если этот обыск осуществлялся без санкции прокурора. Данный пункт позволяет осуществлять такие действия. Значит, доказательства, полученные в их результате, не будут приняты судом. Это тоже нарушение, и не только уголовно-процессуального закона, но и прав и свобод советского гражданина.

В этом пункте статьи также записано: «...выносить официальное предостережение руководителям, должностным лицам...». По сути дела такая констатация — также нарушение законодательства. Здесь нарушается принцип презумпции невиновности, а это краеугольный камень прав и свобод советского гражданина, потому что устанавливать правонарушителя или констатировать совершение преступления может только суд. И осуществляется это только после того, как возбуждено уголовное дело. Таким образом, предлагаемые меры, если и могут быть одобрены, то должны рассматриваться только как временные, в рамках чрезвычайного законодательства, в условиях чрезвычайного положе-

ния, но ни в коем случае не в постоянно действующем Законе.

Позиция авторов Закона. Этот раздел Закона практически ничего не прибавляет к правам, которые уже были предоставлены милиции. Просто они были обозначены в различного рода нормативных документах. И заслуга Закона как раз в том, что он ликвидирует такие подзаконные акты и все подобного рода отношения отныне регламентируются только Законом.

Совершенно неверно говорить о нарушении неприкосновенности жилища. Речь идет только о производственных помещениях. Если человек занимается индивидуальной трудовой деятельностью у себя дома, а не в особых производственных помещениях, значит, на него распространяется режим жилища, куда можно входить только с санкции прокурора. Закон санкцию прокурора отнюдь не упраздняет. Другой вопрос, как получается эта санкция. Она может быть получена как до совершения определенного процессуального действия, так и после него, с соответствующим уведомлением прокурора. В Уголовно-процессуальном кодексе расписаны даже сроки, вплоть до часов, когда прокурор должен быть уведомлен. Если прокурор не дает соответствующую санкцию, действие признается незаконным и не имеющим правовых последствий.

И, наконец, официальное предостережение никак не противоречит и не может противоречить презумпции невиновности. Более того, можно полагать, что официальное предостережение — это достаточно эффективная профилактическая мера. Презумпция невиновности предполагает не просто признание лица виновным в совершении преступления, а наступление для этого лица определенных правовых последствий.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РАБОТНИКА МИЛИЦИИ

Возникли вопросы, и это также естественно, при обсуждении статьи 18 Закона — «Ответственность работника милиции». Вот некоторые из них.

В части первой статьи записано, что работники милиции в пределах своих полномочий самостоятельно принимают решения и несут ответственность за свои противоправные действия или бездействие. Можно предвидеть случай, когда тот или иной работник милиции совершает противоправные действия по указанию своего вышестоящего начальника. Данное положение фактически регламентирует ответственность в подобном случае и указывает, что работник милиции самостоятельно принимает решение и несет ответственность. То есть за выполнение противоправного распоряжения отвечает исполнитель. Не

следует ли уточнить формулировку?

Норма сформулирована достаточно четко. Она начинается со слов: «Работники милиции в пределах своих полномочий...» Каждый работник милиции знает объем своих полномочий. И если он выходит за их пределы, то тогда нужно разбираться, зачем он это сделал — по своей инициативе или по приказу.

Во втором абзаце статьи записано, что гражданин имеет право получать от работников милиции разъяснения по поводу ограничения его прав, свобод и законных интересов. Тут в какой-то степени переносится ответственность работника милиции на гражданина, который имеет право получить разъяснения. Как гражданин может осуществить такое право? Как оно должно быть ему предоставлено? Не следует ли ввести в Закон отдельную статью: «Права граждан во взаимоотношениях с работниками милиции»?

В статье 11 Закона говорится о том, что работник милиции обязан разъяснить гражданину основания для ограничения его прав, свобод и законных интересов. С обязанностью должно корреспондироваться право. Право должно соответствовать обязанности. Там записано: «обязанность», здесь «право гражданина требовать». Гражданин потребует, работник милиции разъяснит.

Закон СССР «О советской милиции», вне всякого сомнения, будет еще не раз и комментироваться и обсуждаться. Здесь была предпринята попытка дать ответы лишь на те вопросы, которые наиболее вероятно могут возникнуть. Да и нереально в одном материале детально прокомментировать каждый пункт Закона. Зато, разобравшись в потенциальных неясностях, можно более спокойно поговорить и о самом главном — что же даст новый законодательный акт и милиции, и советским гражданам?

Оценивая новый Закон в целом, можно достаточно уверенно сказать, что перед нами весьма добротный законодательный документ, в котором в большой мере учтены реалии сегодняшнего дня. Несомненным достоинством его является, что он, как и задумывалось, объединил многие, регламентирующие деятельность милиции нормативные и законодательные акты в одно компактное целое.

Многие из зафиксированных Законом прав и обязанностей работников милиции существовали и раньше. Поэтому он не оставляет впечатления документа, способного произвести революцию в деле борьбы с преступностью, да, собственно, и не нацелен на это. Вряд ли можно серьезно полагать, что расширение прав работников милиции, скажем, в сфере применения спец-

средств или оружия сможет решительным образом повлиять на снижение роста правонарушений, хотя определенное влияние, несомненно, окажет. Скорее здесь можно говорить о том, что Закон может стать той базой, на которой пойдет перестройка деятельности милиции.

Бытует такая поговорка: «Не так важен Закон, как подзаконные акты». Закон о милиции дает большой простор для такого нормативно-законодательного творчества. Многие будут зависеть от принятых вслед за ним документов. Начиная с милицейской присяги. Или с выработки новых критериев оценки деятельности органов внутренних дел. Поскольку общеизвестно, что нынешняя система, основанная на проценте раскрываемости преступлений, вот уже много лет побуждает работников милиции скрывать, не регистрировать правонарушения. Крайне важным видится процесс разграничения функций между МВД СССР и МВД республик. И, разумеется, действенность нового Закона напрямую зависит от общей экономической ситуации в стране. Легко, к примеру, декларировать в Законе необходимость социальной защиты сотрудников милиции. Гораздо труднее воплотить эти действительно важные положения в жизнь. С чем, собственно говоря, и пришлось столкнуться в момент рождения Закона.

Среди работников милиции были проведены социологические исследования. Вот только одна цифра по их результатам: сегодня не чувствуют себя защищенными более 80 процентов милиционеров.

Казалось бы, о чем разговор? Но вот мнение начальника управления Министерства финансов СССР В. Вичканова:

— У МВД СССР сегодня нет дополнительных источников финансирования. В государственном бюджете таких средств тоже не предусмотрено...

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК «Ч и З»

Закон СССР «О советской милиции» принят и действует. Один из многих новых законов, рожденных в наше переходное и нестабильное время. Как и большинство их, он в меру традиционен, но отчасти несет в себе новаторские начала. Он, совершенно очевидно, не является той точкой опоры, с помощью которой можно совершить переворот в деле охраны правопорядка и борьбы с преступностью. Но, с другой стороны, дает по сравнению с прошлым больше свободы, инициативы.

Безответственность!

Нехватка жилья — острейшая проблема для нашего города Петропавловска И в то же время пустуют, приходят в негодность тысячи квадратных метров К примеру, в течение пяти лет не заселяется общежитие треста «Союзцелинвод» на 216 мест Все эти годы администрация собирается реконструировать его под профилакторий

Сколько народных денег, материалов затрачено на строительство, капитальные и текущие ремонты и все зря! Сколько людей мыкается по углам! С прошлого года я письменно обращался в редакцию областной газеты,

облисполком, областной комитет народного контроля (слава Богу, упраздненный), к областному прокурору и народному депутату СССР С Медведеву Никто мне не ответил, только из прокуратуры сообщили, что каких-либо нарушений не обнаружено

Подобное происходит повсеместно

Неужели нет ответственности у горе-хозяйственников за подобное?

г Петропавловск
Казахской ССР
А. Г. НАБИУЛИН,
пенсионер

ЭПИЗОДЫ

Пациент: Когда трогаю — болит...

Врач: А вы не трогайте!

Какой-то умный человек, жаль, что не я, назвал нас «страной советов». С этой горькой характеристикой можно только согласиться. Обратитесь в любое присутственное место и, вместо исполнения своих прямых должностных обязанностей, за которые, собственно, и платят деньги, сотрудник тут же обрушит на вас лавину «добрых» советов, а то и, смотря по настроению, упреков. Лишь бы самому ничего не делать! Кому из нас незнакомо хрестоматийно-бюрократическое зайдите (позвоните) завтра (на следующей неделе)..

Вот лишь несколько наиболее типичных ситуаций

Купил за сорок рублей механические часы «Восток» производства Чистопольского часового завода, что в Татарии. При первой же попытке завести механизм, наверное, обиделся и сломался. Поскольку обменять бракованный товар в магазине дело у нас почти невозможное, потащился в часовую мастерскую. Мастер посмотрел, смачно плюнул и сказал «Да разбей ты это барахло!»

Мы стали опасно жестоки и равнодушны к чужой беде, горю. По телевизору рассказывают о бандитском нападении на женщину, сообщают, что для ее спасения необходима кровь первой группы, «резус» отрицательный.

Ловлю себя на мысли, что не знаю свою группу крови. Выходит, и к себе равнодушен.

Утром по стенкам кухни захлестала горячая вода. Как водится, трезвоню в РЭУ и слезно молю прислать слесаря. Диспетчер, естественно, пытается увильнуть. Над ним ведь не капает. Завязывается нудный диалог.

— Наверное, ветер заносит дождь в окно?

— Да закрыто окно, закрыто!

— Может, крыша протекает?

— На первом этаже живу.

— Тогда вас верхние жильцы затопили!

— Был уже у них — сухо.

— А краны все закрыты?

— Закрыты, закрыты.

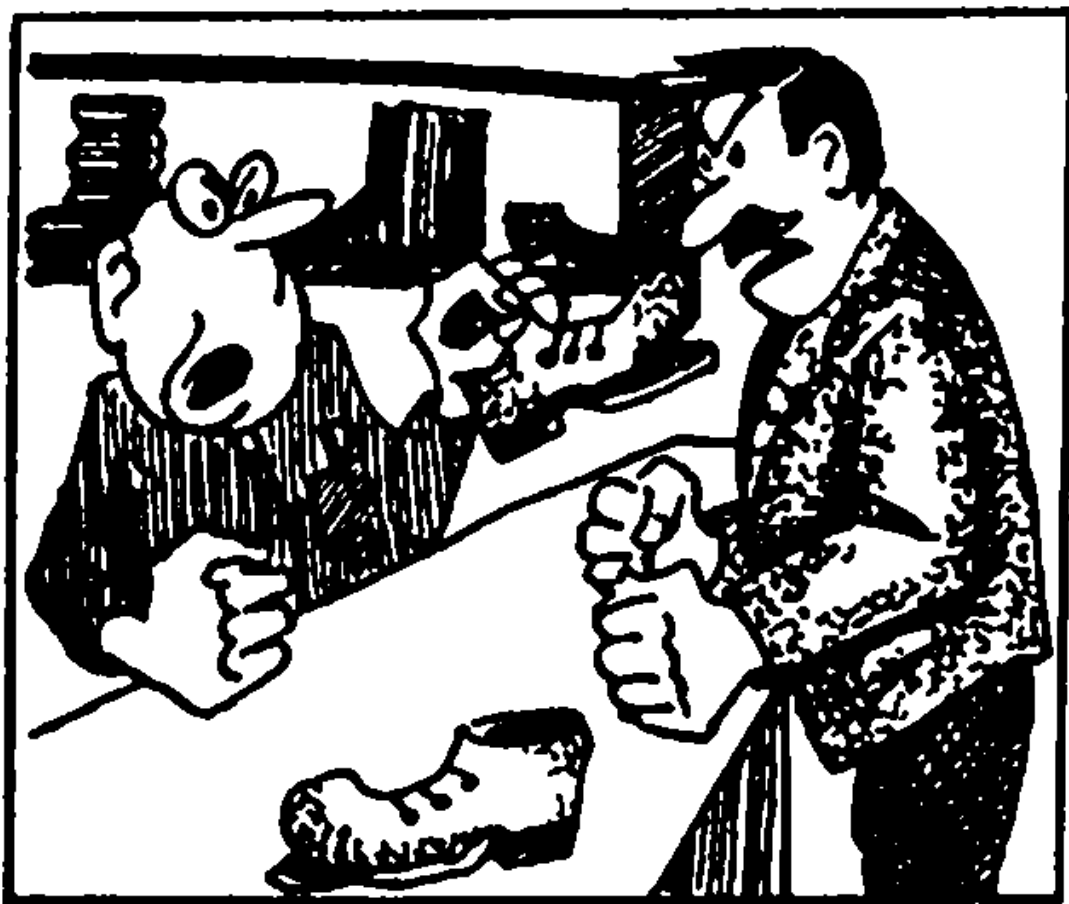
— Ну тогда я не знаю.

— Да вам и знать ничего не надо, слесаря пришлите скорее!

Диспетчер почему-то обижается и бросает телефонную трубку.

Прохудилась обувь Эка беда, скажем, в старое доброе время — период застоя рвань выбросил, новое купил Не то сейчас Как поет София Ротару «Было, было, было — и прошло»

Обращаюсь в мастерскую и прошу зашить или подклеить подметку У мастера есть все необходимое для этой операции, но он настаивает на замене молнии, союзки или супинатора Вступаем в оживленную беседу Я выбираю клей, поскольку оплачиваю работу из своего кармана Мастер продолжает что-то талдычить про супинаторы Наконец ему надоедает пререкаться, он хватает обувку со своего стола и перебрасывает ко мне на прилавок

«Подавись ты своими сапогами!» В другое время, повторюсь, я бы плюнул и ушел себе дорожке Но сейчас, поистине, отступление смерти подобно как ходить по улицам босиком?

Бросаю сапоги обратно к нему на стол: «Сам подавись!» Так мы развлекаемся еще некоторое время, демонстрируя при этом познания в специфической области ве-

ликого, богатого и могучего русского языка Неожиданно мастер сдался Он заметил, что очередь, может быть, впервые не на его стороне Раньше бы люди бурно возмущались задержкой по моей вине, а сейчас, принеся такую же рухлядь, с тревогой ждут развязку

Постепенно молчание перерастает в ропот, а потом и в громкое негодование в адрес мастера Неожиданный отпор смущает, и он примирительно бурчит «Ну, давай, что ли»

Вот она, сила коллектива! (Буквально на второй день сапоги прохутились вновь)

По великому благу жена пробилась в платную стоматологическую поликлинику За час работы два врача положили в свои карманы по 150 рублей, но сделали все халтурно, наспех, кое-как Лицо жены распухло Несколько суток не останавливалось кровотечение, она не могла спать, есть и говорить В течение месяца пришлось водить ее на «доделку» Значит, новая боль, нервы, кровь и слезы, рабочее время, наконец

Слава богу, у «зубодеров» хватило совести доделать свою работу бесплатно .

Слушал по радио комментарий к событиям в Прибалтике, Нагорном Карабахе, Южной Осетии, жена металась по магазинам, пытаясь отоварить карточки; дочь-второклассница переписывала упражнение из учебника русского языка. Была там и такая фраза: «Руками нашего народа в стране творятся чудеса». («Русский язык» Учебник для второго класса трехлетней начальной школы. М. Л. Закожурникова, Ф. Д. Костенко, Н. С. Рождественский. Москва, «Просвещение», 1989. 18-е издание)

Боже, что мы вдалбливаем в головы наших детей!

Прихожу на почту, в отдел доставки, за очередным томом Вальтера Скотта Почтальон уверяет собравшихся, что книги еще не поступили. И, разумеется, рекомендует зайти еще раз, попозже. Повозмущавшись, люди неохотно расходятся. Я остаюсь — стреляного воробья на мякине не проведешь — и прошу еще раз поглядеть в шкафах. Женщина, естественно, отказывается. Начинается ленивый спор. Но терпение ее не безгранично. Видя, что я упрям и не скоро отстану, женщина через силу лезет в шкаф и, конечно же, находит нужную мне книгу.

Терпение и труд любого бюрократа перетрут — так, по-моему, звучит современный вариант старой поговорки

Враз перегорели два утюга Думал, хватит лет на пять, и вот такой афронт. Получая утюги из ремонта, упрекнул мастера в халтурной работе. Тот привычной скороговоркой сослался на отсутствие запчастей, инструмента, еще чего-то и добавил, что за «четвертной» он бы картинку сделал.

Не верю! Можно поднять зарплату и цены по приказу. Мастерства директива не прибавит.

Я уже рассказывал о ночной попытке залезть в нашу квартиру (№ 4, 91). Вот окончание той истории. Через час после вызова приехал милицейский патруль. Два сержанта терпеливо выслушали меня, затем деловито объяснили, в силу каких причин они сами не могут заняться поисками вора, потом вывели меня во двор и показали на местности, где мне лучше всего устроить засаду на ночного татя...

Читаю письмо от Алексея Николаевича Румянцева из Вичугского района Ивановской области Вот что он пишет:

«Я участник Великой Отечественной войны, инвалид 2-ой группы Мне 68 лет, имею свой дом Жена умерла, дети разъехались, я остался один и не могу содержать дом и хозяйство Плохо жить одинокому в деревне Кто мне поможет? Все время я работал в городе, туда шли и мои доходы Вот я и обратился к ним, чтобы мне поменяли мой дом на однокомнатную квартиру Мне везде отказ Последний раз я обратился к секретарю горкома, а он мне сказал: «Ты на войне помогал американцам открыть второй фронт, вот у них и проси квартиру!»

Но я не знаю их адрес Прошу вас Вы в Москве, дайте мне адрес американского посольства Поскольку в своей стране я стал никому не нужен, устарел Когда был молод, был нужен везде на фронте, в труде »

Впрочем, что это мы все о мелочах? А взять, скажем, наших дорогих руководителей! Довели богатейшую страну до ручки, до позорнейшей нищеты, развалили все, что смогли, а теперь нам же дают советы затянуть потуже пояса, не реагировать на ажиотажный спрос и безумный рост цен, расчетливей тратить деньги, умерить аппетит и потребности

Впервые надел меховую шапку, купленную «с рук» за шестьсот рублей Мука! Народ спокойно ехал по своим делам, а я пребывал в сильном напряжении, готовый дать отпор любому охотнику за ушанками Не совладав с нервами, остаток пути держал головной убор двумя руками .

Написал эти заметки и подумал о себе, о том, когда я нахожусь, так сказать, по другую сторону барьера В редакцию обращаются люди с просьбой разобраться, помочь в беде Я же быстро им объясняю, как проще добраться до МВД, Прокуратуры, Верховного суда или парламента

Николай АНИСИН

ТОСКА

ПО ЕДИНОНАЧАЛИЮ

ОЧЕРКИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

О свалившемся на нас несчастье — параличе власти — уже сказаны и написаны миллионы и миллионы слов. Составлены десятки рецептов, с помощью которых можно избавиться от него. Но абсолютное большинство врачей почему-то предлагает лечить лишь головные органы государства: надо прибавить полномочий президенту, надо переиначить отношения Кремля со столицами союзных республик, надо поменять структуру правительства, надо усовершенствовать отбор кандидатов на главные в стране посты. Положение же в нижних эшелонах государства обсуждается крайне редко, и большая часть наших граждан связывает преодоление паралича власти только с переменами в столичных кабинетах. Но рулевой механизм советского госкорабля разрушений в общем и целом не потерпел. Его капитанская команда воли и разума не лишилась. И выбраться из жуткого шторма к тихому, мирному и сытному берегу он не может, прежде всего, потому, что выведены из строя составные звенья двигателя — местные органы власти. Доказать это я попытаюсь на примере политической жизни двух областей — Волгоградской и Калужской.

АНАРХИЯ — МАТЬ ПОРЯДКА

Универмаг. Очередь с талонами за мужскими носками. Разговоры о политике: «В нашем облсовете — как в балете «Спартак»: все суетятся, но не понять — кто выигрывает и с каким счетом». Сказано это было то ли с сочувствием, то ли со злостью.

Неприятелей среди волгоградцев у облсовета, видимо, не больше, чем почитателей. Но и тем, и другим очевидно: управлять областью сегодня облсовет не способен. Открыто признает это и его председатель — Валерий Махарадзе.

«Я на своем уровне,— цитирую выступление председателя по местному телевидению,— многие вопросы решать не могу. Я сказал об этом честно. Не надо на меня обижаться».

Февралем прошлого года город сотрясали митинги: долой обком КПСС! Митингов же с требованием роспуска нового облсовета, который расписывается в собственной немощи, пока не зарегистрировано. Тьма людей еще верует, что беспомощный ныне Совет может набрать силу, если ему не будет мешать партаппарат. Лидеры облсовета такую веру активно подкрепляют.

«Мучает партийных секретарей жажда утраченной власти,— утверждает в 22-м номере облсоветовская «Новая газета».— За эту власть они готовы биться до конца. Скажите, нет? Тогда зачем уже избранный в два Совета первый секретарь обкома А. М. Анипкин отказывается от мандата городского депутата и снова бросается в гущу избирательной кампании? Затем, чтоб, став областным депутатом, побороться за власть с председателем облсовета В. А. Махарадзе!.. Только для этого, а не для дела.

А наше народное хозяйство все больше и больше приходит в упадок. Но не от того, что до этого довели демократы. А от того, что бывшие партийные руководители занимаются явным и скрытым саботажем. Они уверены, что пустые прилавки рано или поздно опрокинут эту Советскую власть».

Фактов экономического саботажа, учиняемого партруководителями, у редактора «Новой газеты», депутата облсовета Ефима Шустермана нет. Как нет их и у других депутатов-радикалов: общественному мнению внушается то, что чуется нутром. На наитии строится и версия о том, что партсекретарь Анипкин зарится отвоевать председательский пост у бывшего директора завода Махарадзе. Причем на наитии, не ладящим со здравым смыслом.

Выборы-90, сделав Махарадзе высшим должностным лицом области, дали в его руки погремушку, а не скипетр, ибо они смели старую систему местной власти и не создали взамен новой. Власть есть право распоряжаться людьми и собственностью. Главным носителем такого права до горбачевских реформ был в области первый секретарь обкома. Он отвечал перед ЦК за все, что в ней происходило, а все, хоть чем-то руководившие на ее территории, помимо служебной подчиненности, обязаны были внимать его партийным командам. Председатель же облсовета никем не уполномочен нести ответственность за положение дел ни в одном ведомственном предприятии, учреждении, колхозе-совхозе, а их руководители не подотчетны как ему самому, так и возглавляемым им депутатам. Власть председателя как первого руководителя области — почти что символическая. И рваться к ней может лишь

тот, кто жаждет не взять приз, а проявить себя в искусстве политического состязания. Анипкину такая жажда вряд ли свойственна.

Всамделишная борьба в области идет не за посты — за умы. Облсовет, не пригодный по своей природе распоряжаться текущей жизнью, вправе изменять ее основы. Вокруг этого и полыхают в нем страсти. Перед лицом общественного мнения лидеры демократов-радикалов и коммунистов сражаются меж собой главным образом за выбор жизненного уклада.

Цель первых: переплавить теоретические схемы, наработанные командой Ельцина, в нормативно-прикладные акты и начать по ним перекраивать жизнь. Задача вторых: не допустить экспериментов, последствия которых в нынешней обстановке непредсказуемы. Соотношение сил в облсовете примерно такое же, как и в Верховном Совете России: две равновеликие группы активных радикалов и коммунистов плюс многочисленный депутатский центр без четко выраженных позиций. Но если при всем том парламентские радикалы одерживают иногда довольно громкие победы, то волгоградские — довольствуются весьма скромными успехами. И вовсе не потому, что областная фракция коммунистов-депутатов оказывает более умелое сопротивление, чем фракция «коммунисты России». Причина в другом.

Пятисотдневный скачок к рынку привлекательно выглядит на бумаге. Но когда скорые меры по переходу к рыночному счастью впрямую прикладываются к грешной действительности, то возникают крайне затруднительные вопросы.

Милое дело — взять да мигом приватизировать в области жилье. Восемьдесят процентов волгоградцев по решению облсовета получили бы свои квартиры бесплатно, двадцать — выкупили по дешевке. Право собственника — всякому во благо. Семьдесят процентов новых квартир поступили бы в продажу. Вырученные за них деньги пошли бы в жилищное строительство. Темпы его от дополнительного притока средств возрастут. Число новоселий увеличится. И ныне бесквартирные тоже окажутся в выигрыше. Все в этом замысле радикалов вроде бы гладко. Но: только в Волгограде 23 тысячи семей живут в коммунальных квартирах, а 12 тысяч — в общежитиях и на арендованных у частных жилметрах. 75 тысяч семей стоят в очереди на улучшение жилищных условий. Где этим тысячам и тысячам людей взять деньги на выкуп прежде бесплатных квартир? И почему они должны платить за то, что другим досталось задарма? А главное, как дензнаки, собранные от граждан, могут стимулировать жилстроительство, если стройтресты в Волгограде не в состоянии освоить даже выделяемые им сейчас государственные средства? И, наконец, где гарантия, что монопольные жилищно-эксплуатационные службы, став

полностью независимыми от квартировладельца, не задушат его разорительными ценами на свои услуги?

За земельную реформу в области, настаивают радикалы, надо приниматься решительно и немедленно. Отрезать у всех колхозов и совхозов по пятнадцать процентов благодатной пашни и без проволочек раздать селянам и горожанам. Земля обретет хозяев, отдача от нее вырастет, и на полках продмагов сразу повеселеет. Но и заботливым рукам нужны кредиты и техника, нужна налаженная система снабжения и сбыта. Всем этим их никто сейчас обеспечить не в силах. Так чего же ради торопиться с экспроприацией колхозно-совхозных земель? И всякое ли коллективное хозяйство следует обирать? Не надо ли тем из них, которые работают эффективно, напротив, прирезать земли от разоряющихся соседей?

Одно из самых заветных желаний у лидеров радикалов — пустить с молотка всю доступную кошелекам граждан торгово-промышленную госсобственность. Лишь тогда, говорят они, когда и у нее появятся хозяева, не придется говорить о всеобщем товарном недостатке. И ничего страшного, что при том крупная доля средств производства попадет во владение теневого капитала. Покончить с ним все равно невозможно, поэтому его надо легализовать, обложить налогом и снимать пенки с присущей ему бешеной энергии и неистребимой предприимчивости. Крамолы в таком подходе, казалось бы, никакой. Но теневая экономика — это ведь прежде всего не подпольные коллективы производителей, а тесно спаянные банды спекулянтов, грабящие население за счет манипуляции ценами. Этим ремеслом они владеют превосходно. Тут доказательств не требуется. Но сумеют ли гении надувательства с размахом организовать производство товаров и услуг? Для этого ведь необходимы несколько иные способности, нежели для спекуляции. И не получится ли так, что, скупив магазины и кафе, мастерские и предприятия, преступный бизнес будет по-прежнему грабить народ на игре цен? И не даст ли легальность ему шанс сдирать с покупателя не три шкуры, как теперь, а пять?

Спотыкаясь на всех этих вопросах и чувствуя за спиной вызываемый ими ропот избирателей, депутатское большинство в облсовете многообещающим призывам радикалов с любопытством внимает, а ходу их инициативам не дает. Сплошная рыноконизация Волгоградской области пока остается в планах. Но Валерий Махарадзе и ближайшее его окружение надежд не теряют: область можно и нужно превратить в экспериментальную площадку программы «500 дней». Валерий Антонович глубоко убежден: самый оптимальный выход из нынешнего экономического кризиса — в скорейшей приватизации жилья, земли и значительной части средств производства. Он признает, что процесс этот болезненный, что острое недовольство им

у определенных слоев населения неизбежно. Но иного, более легкого пути нет и быть не может. И лучше перейти к полнокровному рынку одним прыжком, чем растягивать мучительное движение к нему на долгие годы. Трезвомыслящие депутаты, по словам Махарадзе, сумели бы убедить в необходимости радикальных мер и облсовет, и большинство избирателей, если бы не сопротивление партаппарата. Его руководители, понимая, что наступление рынка подрывает влияние партии, всячески запугивают им население и через свою депутатскую фракцию тормозят принятие практических решений. «Нашей работе,— сказал мне на прощанье председатель облсовета,— ничего бы так не помогло, как уход всех партийных структур в отпуск на шесть месяцев. Всего на шесть месяцев».

Из кабинета Махарадзе я перешел в том же здании в кабинет второго секретаря обкома Геннадия Слышкина. На нем сейчас, поскольку первый — Александр Анипкин работает в парламенте России, руководство и партийной фракцией в облсовете, и пропагандистским аппаратом областной парторганизации. Дирижирует ли он противоборством с радикальными нововведениями? Да. И нисколько этого не скрывает. Обком вовсе не против рыночных отношений и передачи госсобственности конкретным хозяевам. Но основные средства производства, считает Геннадий Васильевич, должны быть разгосударствлены, а не приватизированы. То есть владеть ими должны трудовые коллективы, а не отдельные лица — частная собственность допустима в ограниченных масштабах. Стратегические взгляды Слышкина и Махарадзе в общем-то близки. Решительно расходятся они в тактике.

Программа радикалов — это перво-наперво программа немедленного и тотального демонтажа всего, что есть: нынешние социально-экономические устои до основания порушим и возьмемся на развалинах возводить рынок. Махарадзе с товарищами намерен по сути дела повторить большевистскую тактику 1918 года — тактику красногвардейской атаки на капитал: тогда в Царицыне вся собственность частных лиц была захвачена разом, теперь в Волгограде всю госсобственность надо разом опять-таки раздать. Лидеры же коммунистов исповедуют, говоря языком Агитпропа, оппортунистско-реформистскую тактику: к новым отношениям собственности и методам хозяйствования следует идти постепенно, шаг за шагом, заблаговременно подготавливая замену старому. Что выберет народ — крутые перемены, полные неизвестности, но сулящие быстрые выгоды, или неспешное обновление, позволяющее без риска добиваться лучшего? Гадать на сей счет бессмысленно. При нынешней системе власти в стране обречены планы и реформаторов-коммунистов, и революционеров-демократов.

Парад республиканских суверенитетов, покалечивший эконо-

мические связи, держит на грани остановки большинство предприятий области. Причем наиболее близки к закрытию именно крупные заводы, снабжение которых строится на госзаказе.

Спад всех видов волгоградских производств составит в ближайшее время, как предсказывают специалисты, пятнадцать-двадцать процентов. А это значит, что областной бюджет не получит в виде налога с оборота весьма круглую сумму и нечем будет платить зарплату работникам образования, здравоохранения, культуры, жилищно-бытовых служб.

Выпуск ширпотреба в области сократился в начале года на шесть процентов, и, судя по всему, чем дальше, тем меньше его будет изготавливаться. Многие комбинаты общественного питания не имеют уже ни грамма свежих овощей. Неделями витаминные продукты не поступают в школьные и вузовские столовые. В пять-шесть раз подорожали плодоовощные и фруктовые консервы. В хранилищах торговых организаций осталось на одного волгоградца четыре килограмма картофеля и семь килограммов овощей. Сколько их лежит в запасе на предприятиях и в личных погребах, неизвестно.

Пока политики с переменным успехом ведут бои за выбор пути к рынку, обыватели уверенно проигрывают битву за выживание. И похоже, что тактику политической борьбы в городе-герое определяют доведенные до отчаяния волгоградцы.

Когда я вернулся из Волгограда, в газетах появились белорусские речи Президента СССР. В них многое сказано об истинном положении в стране. Обойдено молчанием лишь самое главное — то, что страна сегодня неуправляема, что президентские указы и постановления правительства в областях и краях некому выполнять, что территории, разбитые на ведомственные вотчины, не могут решить элементарных проблем, потому что царит полная неразбериха с подчиненностью.

Президент Горбачев заявил в Быхове: «У нас есть ясность в том, что надо делать». А тем временем политические лидеры в Волгограде изнемогают от дискуссий. А волгоградские колхозники из области, наспигованной химическими предприятиями, едут за пленкой на парники в Западную Украину. Да здравствует анархия — мать порядка!

Хаос в обществе исправно формирует наполеонов и сталинов. Но ни в одной стране — ни в прошлом, ни в настоящем он не родил эффективного производства. Крепкую экономику создают реформы, проводимые крепкой властью. Примеры тому можно найти сейчас в Южной Корее и Бразилии, в Сингапуре и Таиланде. Их успехи в социально-экономической жизни стали возможны лишь благодаря четко работающей государственной машине. Мы же заблудились в трех соснах: демонтировали пирамиду государственной власти и взялись сотворять новые экономические отношения. В результате страна раз-

делилась на удельные княжества, денежное обращение вытеснилось натуральным обменом и вместо умеренного беспорядка на производстве возник беспорядок абсолютный.

Если мы не хотим снова, как в 1917 году, вступить в эпоху великих потрясений, то нам, видимо, следует, взглянув правде в глаза, признать, что наши замыслы демократизировать общество по западному образцу провалились и нам необходимо сделать шаг назад. То есть необходимо восстановить плановые начала в экономике и, стабилизировав ее работу, затем уже приступить к приватизации и разгосударствлению госсобственности с постепенным расширением рыночных отношений. Без такого шага назад мы не только не двинемся вперед, а откатимся к временам военного коммунизма или сталинского социализма.

Былую модель централизованного управления нет надобности возрождать, а новую — выдумывать. Она уже наполовину сложилась. Роль ЦК КПСС как директивного центра страны должен взять на себя Президент СССР с подчиненным ему Кабинетом министров. К ним отходит непосредственное управление отраслями народного хозяйства и территориями. Введение прямого президентского правления власти Советов в областях и краях не отменяет, но ограничивает ее вопросами национально-культурной жизни, распределением местного бюджета, разработкой плана социально-экономического развития региона. Все же контрольно-распорядительные функции переходят к наместнику Президента, который назначается главой государства и ему лишь подотчетен. Он контролирует выполнение планов предприятиями и хозяйствами, обеспечивает выполнение в срок поставок областью продукции по договорам, утвержденным Кабинетом министров, ходатайствует перед ним об увольнении отдельных руководителей производства, обеспечивает действие всего местного хозяйства и направляет его работу на нужды и потребности населения.

Наместники действуют от лица Президента как полномочные его представители, и с их помощью он добивается единой экономической политики в стране и увязывает интересы отдельных отраслей и территорий. Как помимо президентского правления можно сейчас этого добиться? И как без него реализовать законы парламента по переустройству экономики?

ПРАВ ТОТ, У КОГО БОЛЬШЕ ПАТРОНОВ!

Террористы в Калуге — уважаемые люди. Припомним имена, известные громкими политическими убийствами или покушениями на убийство. Почти все они есть в названиях калужских улиц. Прославляя террор в прошлом, Калуга не думала не гадала столкнуться с ним в настоящем...

11 января 1991 года в двух служебных зданиях города прогремели выстрелы. Убит на рабочем месте редактор област-

ной газеты «Знамя» Фомин. Получил ранение вбежавший в редакторский кабинет фотокор Головков. Часом позже в тресте «Строймеханизация» смертельно ранен из того же обреза председатель постройкикома Калужский.

Стрелял в обоих зданиях один человек: плотник деревообрабатывающего комбината Воронцов. Сдавшись милиции, он сразу же сделал заявление о политических мотивах своих выстрелов и поставил себя тем самым в единый ряд с почитаемыми в Калуге каракозовыми, засуличами, перовскими.

Убийца генерал-адъютанта Мезенцева — Кравчинский доказывал некогда, что кровавые меры подобных ему террористов — неизбежность при русских условиях, созданных правящим режимом.

Убийца редактора Фомина, если верить обнародованным протоколам его допроса, по сути дела повторяет Кравчинского: «Вы же видите, что творится в Советском Союзе. Все зло — от коммунистов. Отдавать власть они не желают добровольно, у них ее отнять можно только силой. Они будут сопротивляться, значит, их нужно уничтожать».

Что таится за этими доводами? Изъяны в психике? Искаженное сознание одиночки? Ущербная идеология спаянной группы единомышленников? Или цинизм и ложь наемника?

Официальная версия воронцовских терактов: 45-летний плотник начитался статей против КПСС в «Комсомольской правде» и местных газетах «Молодой ленинец», «Шанс» и «Калужские новости». Наслушался критики в ее адрес на городских митингах. И, пылая к ней ненавистью, надумал открыть кампанию террора. Первой жертвой он выбрал Фомина, так как видел в нем ярого коммуниста, носителя идеологического оружия партии, которое, по его словам, надо уничтожать прежде всего.

Выводы эти построены на показаниях Воронцова и вещественных доказательствах: в дипломате преступника, забытом в кабинете Фомина, обнаружена подборка статей упомянутой направленности. Сомнений в здравом уме Воронцова следствие до сих пор не выказало. Связей его с какой-либо организованной группой не установило.

Наряду с официальной версией по Калуге гуляют и версии неофициальные, попросту говоря, обывательские. Все они основаны на домыслах, но домыслах, которые исходят из реального калужского бытия и особенностей личности террориста.

Плотник Воронцов — еще и уголовник-рецидивист. Он дважды судим за разбой и один раз за нанесение телесных повреждений. Такому человеку, сходятся во мнении сторонники всех неофициальных версий, трудно порвать отношения с воровским миром. И вполне возможно, что на нем с недавнего времени висит какое-то тяжкое уголовное преступление. А если это не исключено, то допустимо и то, что некие силы решили поста-

вить Воронцова перед выбором: или ты идешь под «вышку» тотчас же, или, получив крупную сумму на наследников от твоих разных жен, стреляешь, в кого укажут, и потом предстаешь перед судом. Кто и зачем мог заказать теракт в Калуге? На сей счет я услышал три полярные точки зрения.

Точка зрения первая: номенклатура выходит из окопов. Человек передо мной загибал пальцы: «Смотрите, кто ушел с видных постов после выборов-90. Монополия на власть партсоаппарата рухнула. Если в облсовете и облисполкоме доминируют бывшие первые секретари, то, например, в советском руководстве Калуги и Обнинска номенклатурным работникам места вообще не нашлось. Горкомы и райкомы там, где сформированы демократические Советы, потеряли главное свое право — право подбирать и расставлять хозяйственные кадры. И, стало быть, утратили возможность распоряжаться жизнью. До зимы отставная номенклатура пребывала в растерянности. А теперь, видя, что дела у демократов идут из рук вон плохо, решила перейти в атаку. Именно ей нужен был террористический акт с тем толкованием, которое дает Воронцов. Убийцу вдохновили такие-то газеты. Закрывать их. Ему по душе речи ораторов на неформальных митингах. Не разрешать их. Он восхищается вот этими депутатами. Отозвать их. Номенклатура купила Воронцова и отдала ему на заклятие невинных людей».

Точка зрения вторая: демократы делают ход конем. «Председатель нашего горсовета Черников,— говорили мне в одном калужском доме,— умный и порядочный человек. Но он вчера был маленьким архитектором маленького района. Чтоб освоить видимо-невидимую жизнь Калуги и добиться каких-то благостных перемен, ему и при стабильности в экономике понадобилась бы целая пятилетка. Команда у Черникова тоже малоопытная. Ей трудно разобраться не только в обстановке, которая вся наперекосяк, но и в людях. И очень может быть, что она поставила на хлебные должности людей как не самых умелых, так и не самых честных. А им вряд ли охота расставаться с доставшимися кормушками. И кто знает, какие средства они могут выбрать, чтоб их удержать».

В другом доме мне показали свежий номер газеты «Шанс» с такими пояснениями: «Взгляни, на первой странице, на самом видном месте, сразу под названием — ШАНС — крупно набрано: КАЛУЖСКАЯ ОБЛАСТНАЯ НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА. А на странице последней, в самом низу дробнюсеньким шрифтом, который без лупы не разобрать, указано: Учредитель — Калужский областной Союз кооперативов. Газета, замаскировывая издателя, скрывает от читателя свою зависимость от бизнеса. И это дает повод думать: стоящие за ней силы не брезгуют нечистой политической игрой. А теперь полюбуйтесь».

что глаголит в «Шансе» его постоянный автор, народный депутат РСФСР Дерягин: «Старая власть очень крепка, она опутана личными связями, коррупцией, взяточничеством, располагает средствами массовой информации, знает все ходы и выходы».

Уважаемый депутат, не приводя ни одного конкретного факта, по существу объявляет всех номенклатурных работников преступниками. Как это ни абсурдно, давайте на минуту согласимся с Дерягиным. И зададимся вопросом: если старый аппарат сверху донизу пронизан коррупцией, то почему этому же не может быть подвержен новый депутатский корпус и новый аппарат управления? В их руках сейчас реальные рычаги власти, и они не могли не привлечь к себе внимания потенциальных взяточдателей.

Скорее всего, на главной баррикаде политической борьбы в Калуге сейчас такой расклад: с одной стороны, часть номенклатуры, повязанной со стародавней госторговой мафией, с другой — часть демократов, закупленных новоявленными дельцами криминальных кооперативов и так называемых малых предприятий. Убийство с антикоммунистической истерией заказали коррумпированные демократы. Чувствуя, что доверие избирателей к ним падает, а активность номенклатуры возрастает, они пошли на ее запугивание: не сопротивляйтесь, уходите подобру-поздорову, народ вас ненавидит и будет отстреливать. Если же учесть, что преступный бизнес сотрудничает с бандитскими кланами, то станет ясно: как уголовник Воронцов был втянут в политическое дело».

Точка зрения третья: спекулянтам-мафиози надоело кланяться. Пересказываю вкратце монолог бывшего партработника, ныне не причастного ни к партократам, ни к демократам: «Если взять да провести ревизию сбережений и имущества у секретаря обкома с многолетним стажем и у торговца, снабжавшего обком продуктами, то я руку дам на отсечение — последний окажется гораздо богаче первого.

Корысть при своем бесконтрольном правлении партаппарат имел немалую. Получал отличные квартиры вне очереди. Покупал по госцене дефицитные товары. Отдыхал задарма на первоклассных курортах. Угощал на халяву проверяющих и угощался сам. Но все его злоупотребления сводились в основном к потребительству. Взятки в общем и целом калужский партаппарат не брал. Мошну не набивал.

Говорю как есть: себе партаппарат состояние не сколотил. Но позволил это сделать аппарату распределения. Рыцари складов и баз живота не щадили, чтоб угодить потребительскому аппетиту партработников. А в обмен на это получали свободу для спекуляции. Наживая миллионы, они тем не менее ходили у партаппарата на поводке. Райком-обком мог кого угодно снять с работы за просто так: бюро отказало в доверии — и точка.

Мог в любой момент телефонным звонком натравить на всякого некоронованного короля правоохранительные органы. И до самого последнего времени главари спекулей вечно кланялись власти имущим. Теперь же, когда партошейник с них снят, пребывать в согбенном виде они уже не желают. Недавно в облисполком пришел с производства новый зампред. У него не оказалось приличного костюма для представительства в высоком кабинете. Так знаешь, сколько он не мог его купить ни через один склад? Три месяца. Мыслима ли была такая нерасторопность торговли прежде?

Спекулятивной мафии надоело кланяться официальной власти, надоело обслуживать ее и угождать ей. Осознавая свое реальное могущество, она сама хочет командовать этой властью. Выстрелы из обреза — первый кровавый знак мафии всем бывшим хозяевам: ваше время кончилось, исполняйте наши приказы, иначе получите пулю. Но это также и знак демократам: ваше время не наступило и не наступит. Не случайно, что в качестве жертвы был выбран не функционер, а редактор газеты, которая демократична по своей природе. Теракты Воронцова — начало тотального наступления мафии на власть».

Записывая разные версии убийства, я не раз ловил себя на мысли: а не бред ли это? Не свихнулись ли мои друзья-знакомые от просмотра несметных «Спрутов»? Ну какие политические игры на крови могут быть в Калуге?

Константин Федин назвал некогда Калугу «богоспасаемым градом». Калужский обыватель, как заметил литературный мэтр, не просто общителен, а радушен — он не только обязательно расскажет вам, как пройти к Палатам Коробовых, он проводит вас до Березупского оврага и долго будет смотреть вам вслед, чтоб вы — чего доброго! — не прошли лишнего квартала.

Дух крестьянского радушия неистребим в Калуге и по сей день. И не от злобы он плодит домыслы о беспощадной борьбе за власть. От страха, ибо сражение за власть есть на самом деле. Все это видят. Но никто не ведает, к чему это ведет. Претендентов на право распоряжаться людьми и собственностью столь много, и они столь неуступчивы по отношению друг к другу, что перспективы калужской жизни представляются многим неопределенно-зловещими.

Облсовет не может руководить городскими и районными Советами. Парламент даровал им самостоятельность, и они отнюдь не жаждут с ней расстаться. Вместо сотворения единой политики в области идут бои между разными структурами власти за большую долю централизованных фондов.

Каждый отдельный Совет воюет с хозяйственными руководителями.

Предприятиям тоже дарована самостоятельность, и они с достоинством поплевывают на все районные и городские нужды.

В Калуге полно разбитых дорог, текут крыши в домах, тысячи пенсионеров живут за чертой бедности, а моторостроительный завод тем временем покупает себе японские автомашины.

Предприятия, получив право на бартерные сделки, складируют сверхплановую продукцию и меняют ее только на товар для себя. В Калуге с успехом работают спичечный комбинат и обувная фабрика. Но спички и обувь можно свободно купить только у спекулянтов.

В торгскладах четырех районов недавно обнаружены колбаса, крупы, селедка, сливочное масло, которые пришли в негодность от длительного хранения. И это при всем том, что полки продмагов пусты. У торговли — самостоятельная политика.

Безвластие и хаос не могут продолжаться вечно. Таков закон жизни. Какая же группа — сила наведет в Калуге порядок? Не та ли, которая будет чаще стрелять из обрезов?

Разных должностных лиц, занимающих разные ступени на калужской лестнице власти, я спрашивал об одном и том же: «Что вы сделаете первым делом, если завтра вам позвонит неизвестный и скажет: «Подпиши такую-то бумагу и отдай такое-то распоряжение, иначе с тобой будет то же, что и с Фоминым?». Не могу утверждать, что мой вопрос всех повергал в смятение, но затруднение с ответом он вызывал едва ли не у каждого. Правоохранительные ведомства в области ныне не подотчетны никакой местной инстанции. Куда тому или иному руководителю можно обратиться за помощью в случае шантажа — в отделение МВД или КГБ? И что ему предпринять, если сотрудники милиции отфутболят его к сотрудникам госбезопасности, а те пошлют обратно туда, откуда он пришел? А к кому этому руководителю обратиться с жалобой, если органы правопорядка вообще откажутся обеспечить необходимые меры по его защите? Точно такие же проблемы могут возникнуть и у рядовых граждан.

Защищать гражданина обязано государство. Но государственной власти в Калуге сегодня нет. Есть лишь не связанные меж собой местные органы управления и отдельные ведомства: облсовет, гор-райсоветы, милиция, госбезопасность, прокуратура существуют сами по себе. И о том, чтобы объединить все областные звенья единым руководством, речей не слышно.

Неведомо, понадобится ли в скором времени чрезвычайная охрана Калужской области. Но надежная защита ее жителям нужна уже сейчас, ибо от произвола никто из них не застрахован. Спустя полтора месяца после выстрелов Воронцова в газетах появилось сообщение: рабочий калужского стройкооператива «Агрострой» Кирьянов разрядил заряженное картечью ружье в зампреда кооператива Тараканова и механика Сосновского. Последний скончался.

Волгоград — Калуга — Москва

СУМЕЙ

ЗАЩИТИТЬ СЕБЯ

НА ДВОРЕ ЛЕТО...

С точки зрения криминогенной обстановки, лето — очень сложное время. Резко возрастает количество нападений на женщин, уличных ограблений, хулиганств. К привычным криминогенным «точкам» (подъезды, пустыри, переулки, подворотни и т. п.) добавляются новые — пляжи, парки, танцплощадки и многие другие.

Люди беспечны. Каждому кажется, что уж он-то никогда не окажется в критической ситуации, что и его, и его близких обойдет чаша сия. Статистика, увы, безжалостно утверждает обратное. Нападению, насилию может подвергнуться практически любой человек. А уж беспечный тем более. Поэтому хорошо, если вы всегда будете помнить одну штурманскую заповедь: «Считай себя ближе к опасности!»

Опекайте ваших милых женщин! Не поленитесь проводить свою подружку до дома, встретить возвращающуюся из гостей сестру или маму.

Особое внимание уделите детям. Май — пиковый месяц для людей с различными психическими заболеваниями и отклонениями. Многие из них находятся на

попечении родных, а это значит, что контроль за ними ослаблен.

Не позволяйте детям задерживаться на улице до темна. Помните, сумерки в мае — это уже глубокий вечер. Выйдите встретить своего ребенка. Особенно если в вашем подъезде нет освещения или из него есть вход в подвал. И уж тем более, если вы заметили что-либо подозрительное.

Незнакомый мужчина, долго стоящий в подъезде или на детской площадке, мужчина с ребенком, идущий в сторону стройки или пустыря, — все это тревожные знаки. Не проходите мимо, потребуйте объяснений! Не бойтесь выглядеть глупо. Проясните ситуацию до конца. **Лучше ошибиться и извиниться, чем своим безразличием дать совершиться преступлению.**

А теперь вернемся к практической части наших занятий. Предыдущий урок мы посвятили приемам против вооруженного ножом противника. И вы уже знакомы с некоторыми распространенными ударами ножом и защитой от них. Сегодня мы продолжим эту тему. Но прежде хотим напомнить,

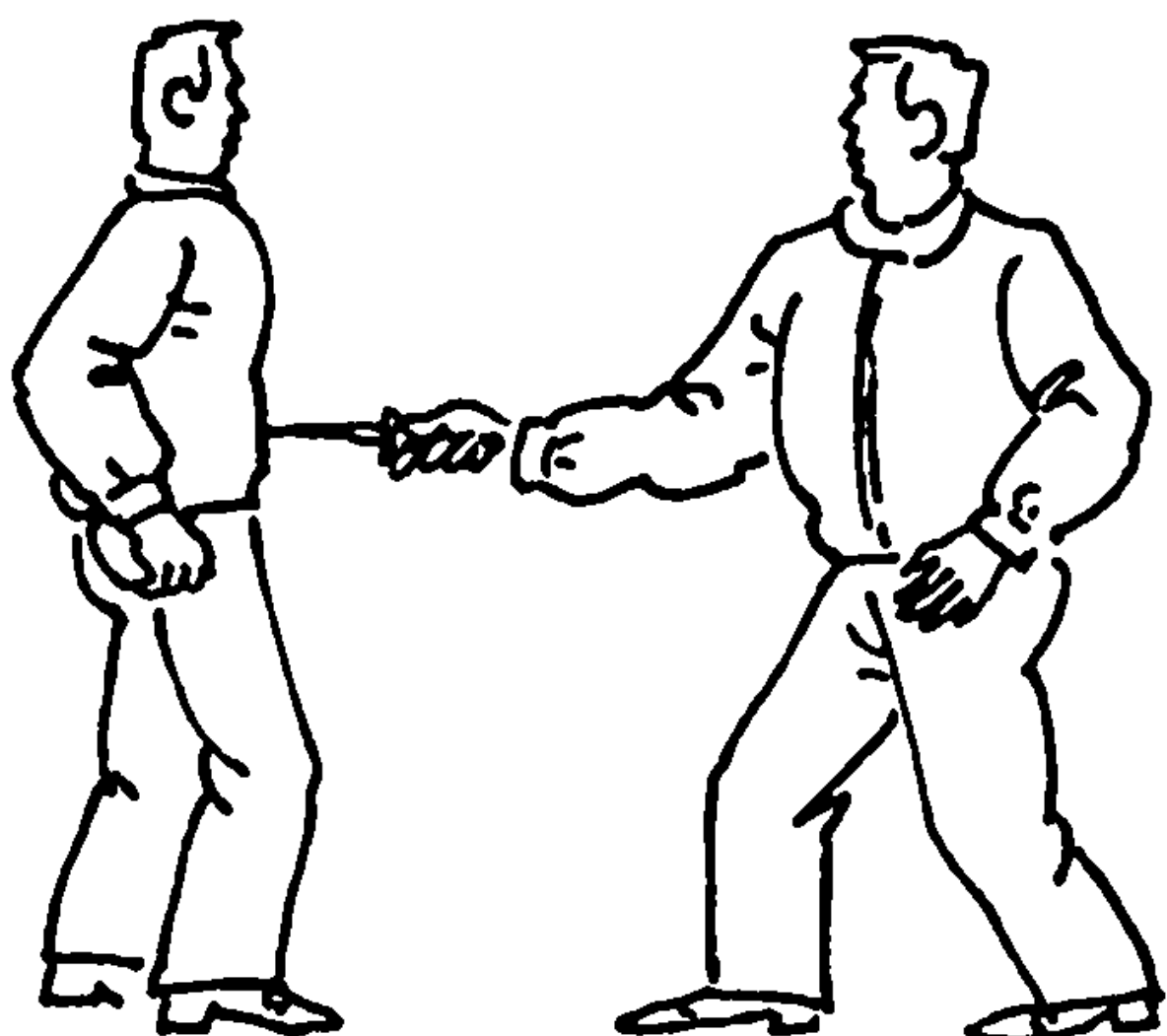

Рис. 1 А

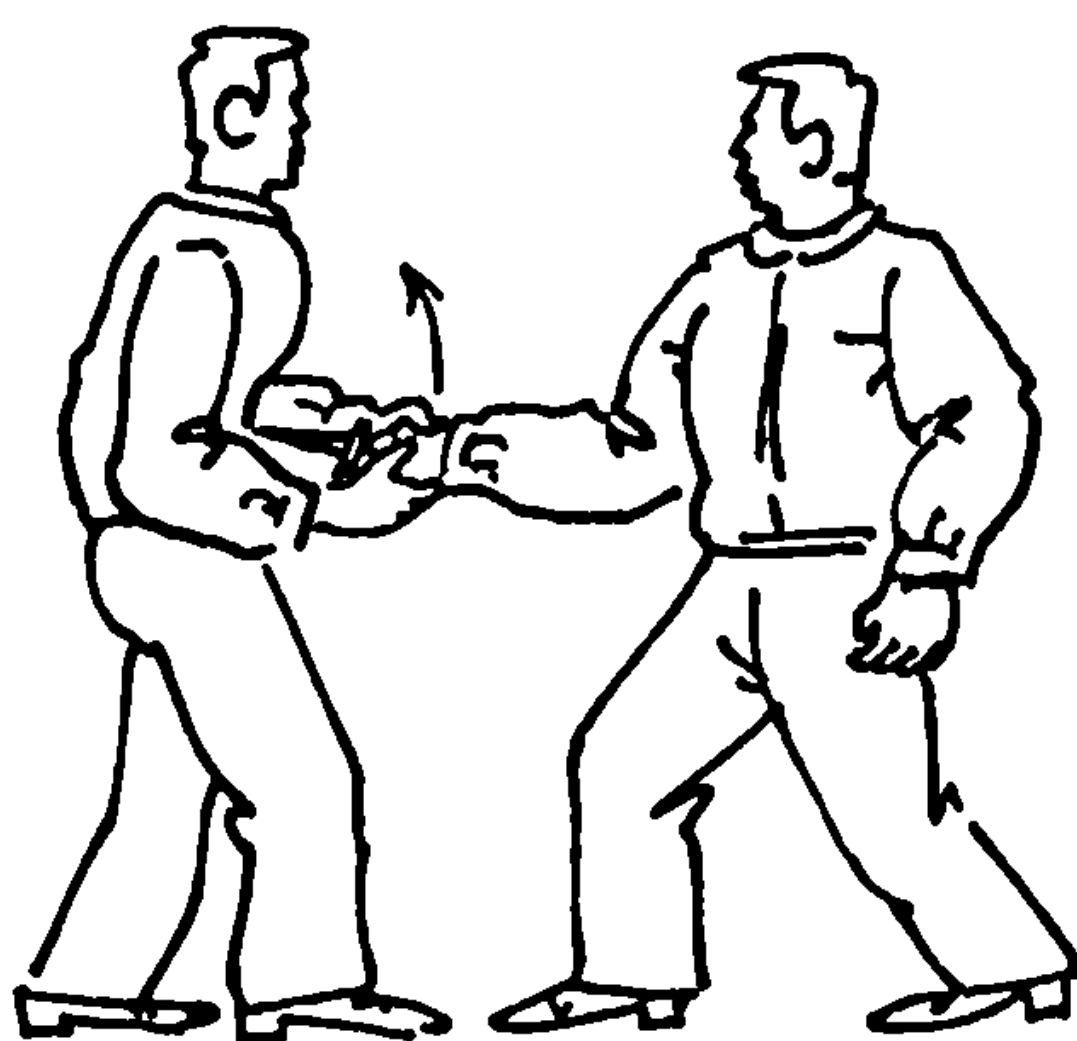

Рис. 1 Б

что действия против оружия отличаются предельной концентрацией не только внимания, но и прежде всего мужества, воли. Без этого победа невозможна.

Ситуация первая. Чаще всего такая «постановка на нож» (рис. 1 А) используется хулиганами для ограбления. Но пусть она не покажется вам безысходной. Для того чтобы освободиться, достаточно резко вдохнуть, втянув на вдохе живот (рис. 1 Б), и нож как бы «зависнет». Одновременно, захватив руку противника у кисти, резко крутаните ее вверх, прижимая к себе (рис. 1 В). В такой ситуации обычно нападающий не ожидает приема. Поэтому достаточно хотя бы чуть-чуть изменить наклон ножа, и его уже можно использовать как рычаг для залома кисти того, кто его держит, без опасности для себя.

Когда вы прижали нож противника к своей груди, то вам будет очень легко не только его отбросить в сто-

Рис. 1 В

рону, но и, выхватив из руки нападающего, воспользоваться им самому...

Ситуация вторая. Противник с размаху наносит удар ножом в область шеи, груди (рис. 2 А).

Вас застали врасплох, и вы не успели собраться для полноценного приема.

В этом случае вас выручит мощный удар ребром ладони навстречу атакующей руке в локтевой сгиб (рис. 2 Б). При правильном, мощном ударе нож по инерции вылетает из руки, сама же рука на некоторое время «выключается». Лучше всего этот

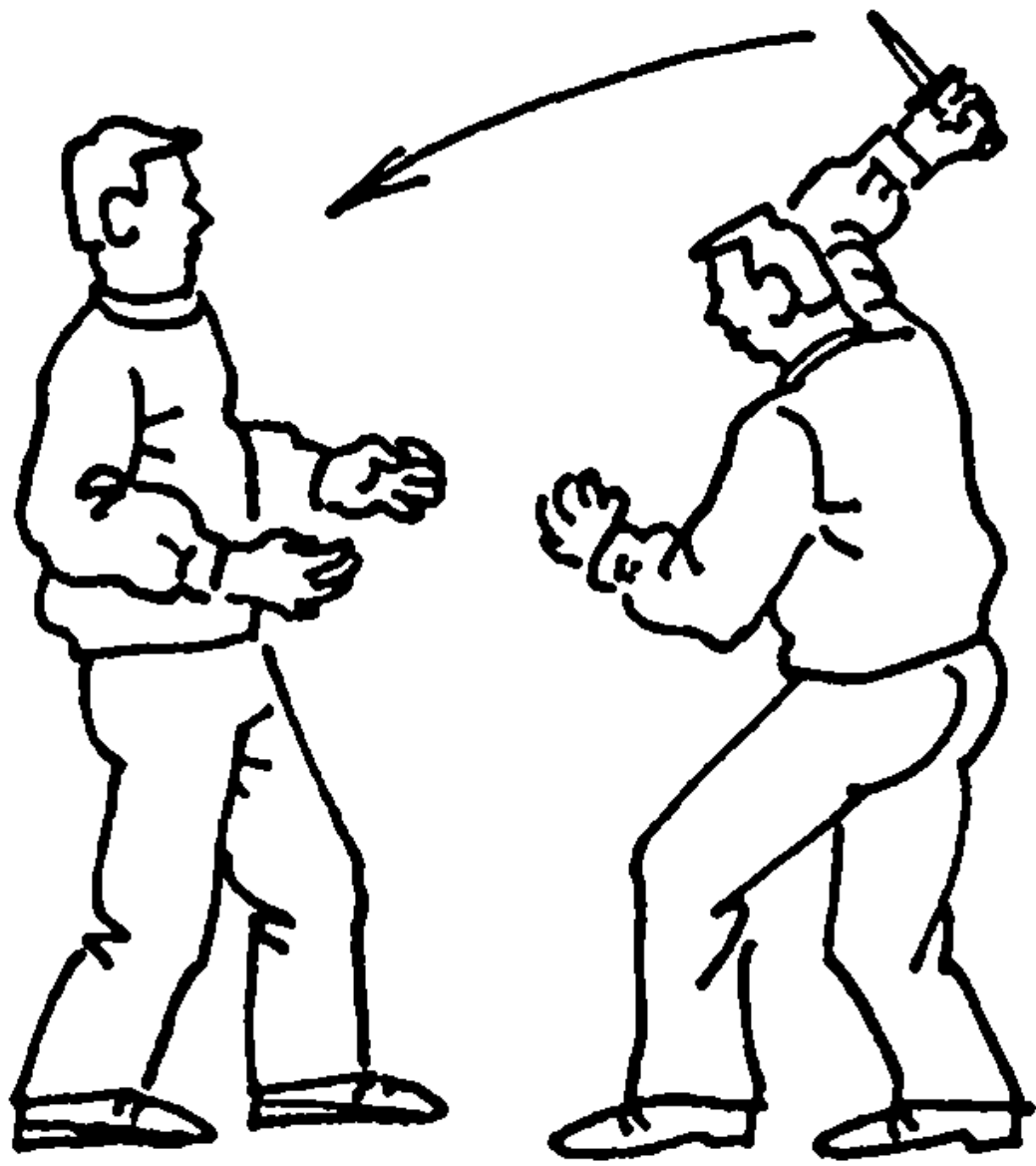

Рис. 2 А

Рис. 2 Б

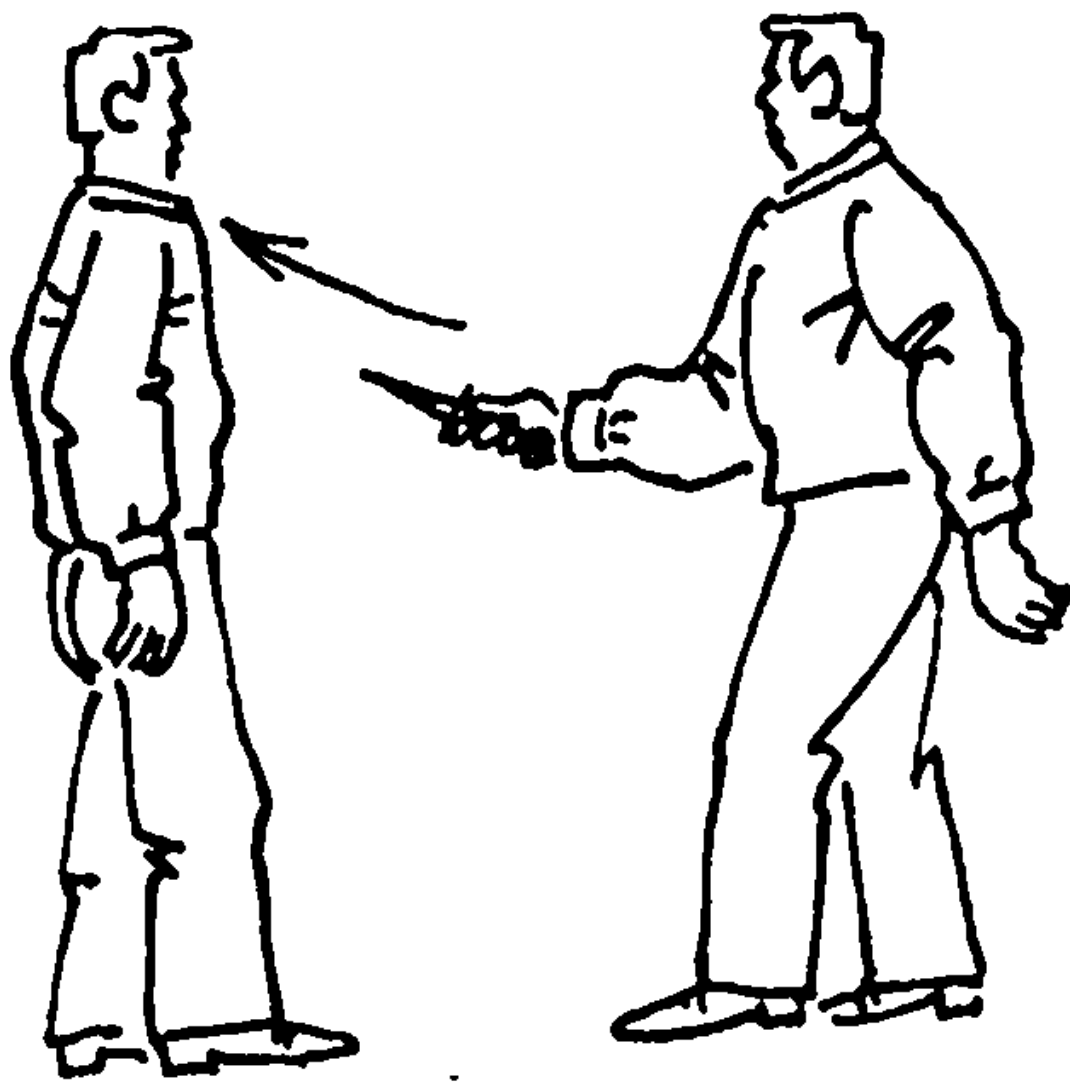

Рис. 3 А

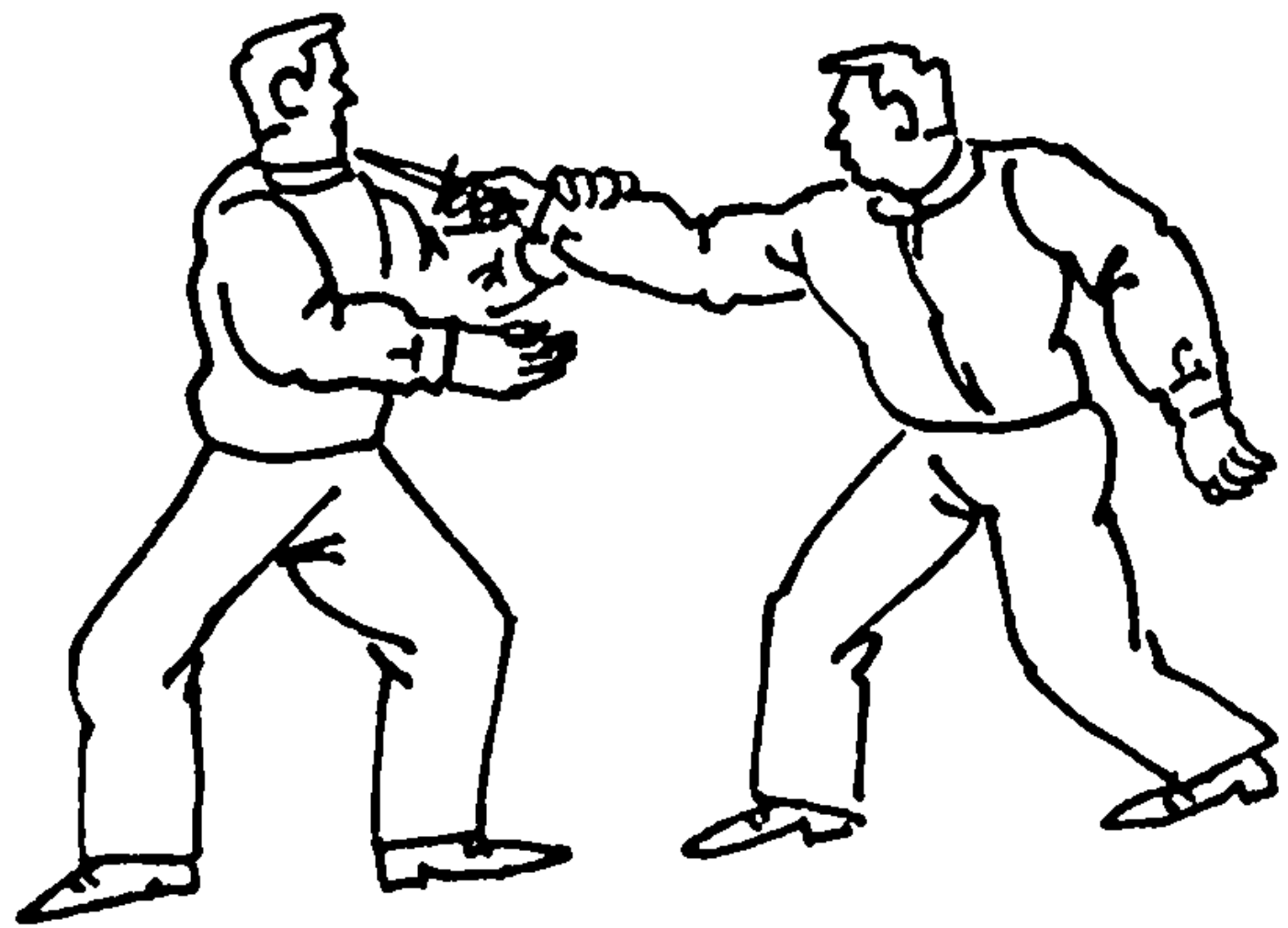

Рис. 3 Б

прием закончить ударом ноги в пах.

Ситуация третья. Противник наносит колющий удар в район груди, головы (рис. 3 А). Вы уходите полуразворотом с линии атаки и сбиваете атакующую руку в сторону с одновременным захватом за кисть (рис. 3 Б). После чего энергично выполняете кистевой залом в противоположную сторону (рис. 3 В). Оптимальное окончание — круговой удар локтем в область шеи, головы нападающего.

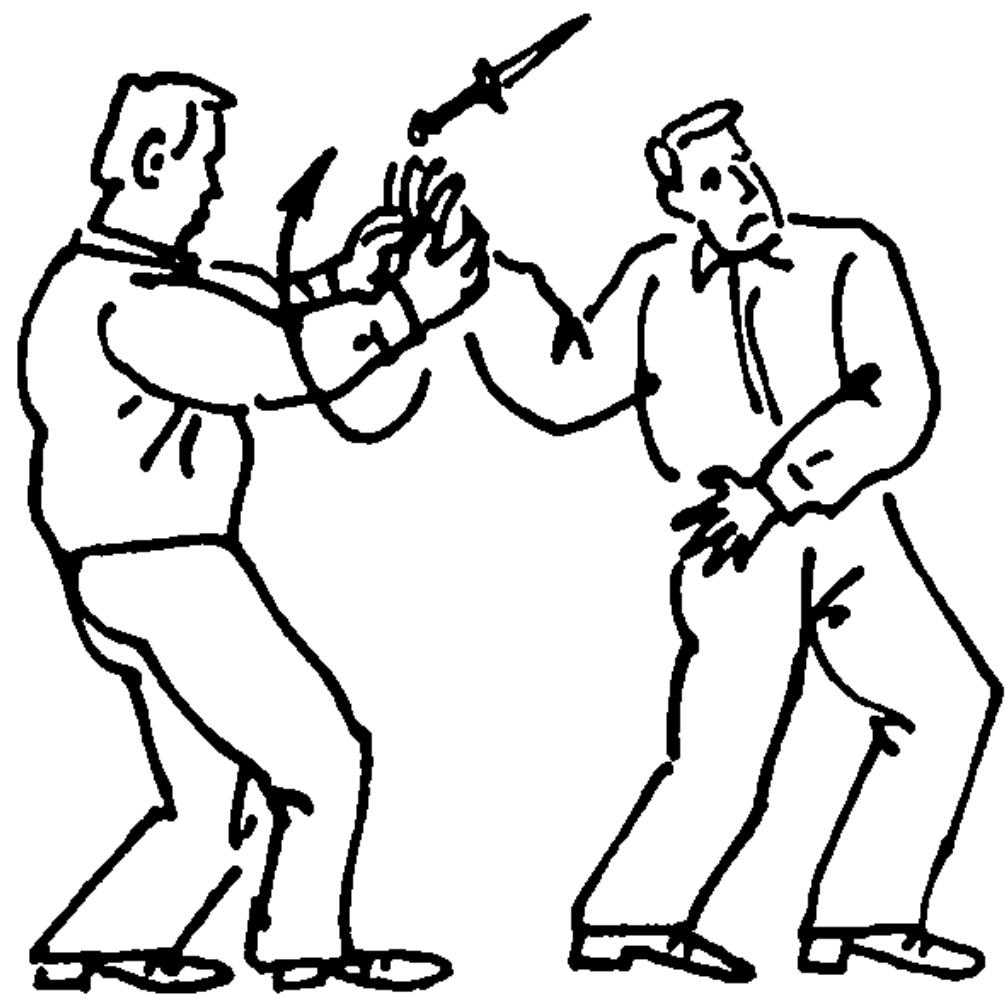

Рис. 3 В

В. ШУРЫГИН
Рисунки Н. МАЛОВА

Станислав ГРИБАНОВ,
военный писатель

ЧЕРНЫЙ ХЛЕБ ПРАВДЫ

«Подавай им черный хлеб правды, а на кой черт она им нужна, если не выгодно?» — говорил генерал А. А. Епишев, бывший начальник ГлавПУра. Историю у нас вообще переписывали неоднократно, каждый раз приспособляли ее под «требования» своего времени. При Сталине писали одно, при Хрущеве другое, при Брежневле третье. Теперь приспособливают под новую конъюнктуру. Истина же мало кого интересует. Вот и получилось, что спустя полвека после Великой Отечест-

венной войны принялись снова переосмысливать ее историю, да всегда ли честно это делается? Даже начало битвы трактуется по-разному. Скажем, раскрыли количество живой силы и техники обеих воюющих сторон. К началу войны в наших западных приграничных округах находилось 170 дивизий, в которых было около 3 миллионов человек, около 10 000 танков, 8450 самолетов, 46 830 артиллерийских орудий и минометов. Немцы в своем первом эшелоне имели столько же живой силы и в полтора-два раза меньше боевой техники и вооружения. Они развернули против СССР 181 дивизию, 2800 танков и штурмовых орудий, 4950 самолетов (в том числе около тысячи самолетов Финляндии и Румынии), 48 000 артиллерийских орудий и минометов

Оказывается, мы почти не уступали врагу в силах и средствах — и вдруг такое трагическое начало. За три недели тяжелое поражение понесли более 100 наших дивизий! Мы потеряли 3500 самолетов, 6000 танков, 20 000 орудий и минометов.. Как же могло случиться такое?

Теоретических выкладок по этому поводу больше, чем надо. Так, при культе личности историки на потребу дня придумали теорию, согласно которой Сталин будто специально заманивал немцев под Москву, чтобы там — по великому примеру русского полководца М. И. Кутузова — и сокрушить врага. Этакое своеобразное контрнаступление с потерей трех пятых всех войск, находившихся в западных приграничных округах. Оно получило наукообразную трактовку как «главный способ ведения военных действий в справедливых войнах».

А один подполковник, рассказывают, поступил в годы войны в Военную академию имени М. В. Фрунзе, увлекся историей и к 1946 году отгрохал диплом. Работа называлась «Контрнаступление в 1812 году». В ней слушатель академии ловко закрутил параллель с Великой Отечественной войной и на этой самой параллели сразу же после учебы въехал в Генштаб, в военно-научный отдел. Идейка подполковника по поводу контрнаступления кое-кому понравилась, тогда он защитил на эту тему и кандидатскую диссертацию. Потом на основе ее двинул книгу, которая попала к Сталину и весьма пришлась ему по душе. Еще бы! Все те проблемы в связи с катастрофой сорок первого года, за которую вождь народов так или иначе несет ответственность перед историей, оказывается, легко и просто объяснялись. И никаких тебе промахов, никаких ошибок — все трактовалось благопристойно, почти по-ученому. За такую книгу и Сталинскую премию не грех определить.

И вот в 1952 году догадливому подполковнику вручается медаль с профилем Иосифа Виссарионовича. Ну, а дальше пошло как по маслу. Специалист по Кутузову назначается заместителем главного редактора «Военно-исторического журнала», потом проректором Академии общественных наук при ЦК КПСС, начальником Института военной истории МО СССР,

заместителем академика-секретаря Отделения истории АН СССР Об этой своей блестящей карьере генерал-лейтенант П. А. Жилин как заместитель председателя главной редакционной комиссии сам сообщает в Военном энциклопедическом словаре

Однако минула пора культа великой личности, и вскоре после смерти Сталина акцент об «особом вкладе» в достижение победы историки и философы перенесли в сторону «нашего дорогого Никиты Сергеевича» Шеститомник «История Великой Отечественной войны» привел страшную цифру: 1200 самолетов приграничных военных округов было уничтожено немцами только за один день войны. Из них — 900 на земле. Без всякого сопротивления Объяснялось такое тоже просто: Сталин виноват, ибо по глобусу воевал! . И будто не было подписанного «нашим дорогим Никитой Сергеевичем» постановления Военного совета Киевского военного округа о состоянии кадров командного, начальствующего и политического состава округа

Вот два пункта того постановления

«1 В результате большой проведенной работы по очищению рядов РККА от враждебных элементов и выдвижения с низов беззаветно преданных делу партии Ленина — Сталина командиров, политработников, начальников кадры командного, начальствующего и политсостава крепко сплочены вокруг нашей партии, вождя народов тов. Сталина и обеспечивают политическую крепость и успех в деле поднятия боевой мощи, частей РККА .

3 Враги народа успели немало напакостить в области расстановки кадров Военный совет ставит как главную задачу — до конца выкорчевывать остатки враждебных элементов, глубоко изучая каждого командира, начальника, политработника при выдвижении, выдвигая смело проверенные, преданные и растущие кадры

Командующий войсками Киевского военного округа

Командарм второго ранга ТИМОШЕНКО

Член Военного совета

комкор СМИРНОВ

Член Военного совета

секретарь ЦК КП(б) ХРУЩЕВ»

А выкорчевывали «остатки враждебных элементов» известно как Например, по штату в Киевском военном округе было 9 командиров корпусов — всех и «обновили» Из 25 командиров дивизий — 24 Из 9 командиров бригад — 5. Из 135 командиров полков — 87 Всех командиров укрепрайонов «выкорчевали». Так же решительно поработали с начальниками штабов. На 25 марта 1938 года «обновили» 124 человека. Но это, как сообщалось в постановлении, были уже «остатки».

Не от этакой ли «беззаветной преданности делу партии Ленина — Сталина» имя Н. С. Хрущева в многотомнике «Истории Великой Отечественной войны» упоминается 129 раз.

И В Сталина — 99 раз, а маршала Г. К Жукова — 24? Каждому, так сказать, по заслугам — никто не забыт, ничто не забыто

Ну, а дальше — известно. С конца 60-х годов и почти до середины 80-х вся наша историография была покорена — «со слезами на глазах» — «Малой землей»

Об одном из героев этого плацдарма — политработнике, будущем маршале Советского Союза Леониде Ильиче Брежнев прелюбопытный материал опубликовал в книге «Триумф и трагедия» Дмитрий Волкогонов. Повторю его:

«Лектор ГлавПУРККА полковой комиссар Синявский, выезжавший в августе 1942 года в составе группы в 18-ю армию с проверкой хода выполнения приказа № 277, пишет, в частности, заместителю начальника Главного политуправления РККА Шикину о работниках политуправления Емельянове, Брежнев, Рыбанине, Башилове, что они «не способны обеспечить соответствующий перелом к лучшему в настроениях и поведении (на работе и в быту) у работников политуправления фронта. По словам полкового комиссара тов. Крутикова и старшего батальонного комиссара тов. Москвина, и другие работники подвержены в своей значительной части беспечности, самоуспокоенности, панибратству, круговой поруке, пьянке и т. д.».

Генерал Д. А. Волкогонов рассказывает дальше, как спустя годы «некоторые ретивые приспособленцы искали часть, где до войны служил Л. И. Брежнев; ту станцию, куда однажды сопровождал из Красноярска К. У. Черненко поезд к фронту с подарками ..» Искали и, как мне помнится, не нашли.

А что же Сталин? Все-таки как встретил войну человек, которому судьба предопределила вполне конкретную роль в исходе ее?

Свидетелей да очевидцев тех трагических дней не так уж и много. Не всякого Сталин на дачу к себе приглашал. Но вот сейчас иной рассказывает об этом, да так убедительно, будто и в самом деле на службе у Иосифа состоял. Например, историк Рой Медведев утверждает, что Сталин на несколько дней уединился на своей даче и никого не принимал. Только 1 июля он будто бы вернулся в Кремль и продолжал руководить страной и армией Дмитрий Волкогонов уточняет это «уединение» и по срокам, и по душевному состоянию Сталина. Он пишет, что Сталин был в шоке. «Парализующий шок,— со знанием дела поясняет профессор,— поразит Сталина лишь через четыре-пять дней, когда он наконец убедится, что нашествие несет смертельную угрозу не только Отечеству, но и ему, «мудрому и непобедимому вождю»

Через несколько страниц своей книги Волкогонов еще раз напомнит о шоке вождя, теперь уже психологическом: «В последующие дни, особенно к исходу месяца, Сталин, осознав наконец масштабы смертельной угрозы, на какое-то время просто

потерял самообладание и оказался в глубоком психологическом шоке»

Дальше — больше, и вот Сталин уже объявляется парализованным или почти таковым.

Известно, что в конце июня Молотов, Маленков, Ворошилов, Берия, Вознесенский и Микоян предложили создать Государственный Комитет Оборона, в руках которого следовало сосредоточить всю власть в стране. Возглавить ГКО предстояло Сталину, о чем они и сообщили, приехав к нему на дачу. Это было 28 или 29 июня, поскольку образование ГКО отмечено решением Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 30 июня 1941 года. Сталин выслушал тогда предложение Молотова и односложно согласился «Хорошо».

Профессор Волкогонов по этому поводу предлагает читателю такие свои мысли. «Каждый из нас,— рассуждает он,— в известном смысле, живет как бы в двух мирах: внешнем и внутреннем, закрытом, часто загадочном. Внешний — постижим. Внутренний — труднее». А вот о Сталине он заключает следующее: «После нескольких дней, в течение которых Сталин находился в глубоком психологическом шоке, почти параличе, он наконец начал приходить в себя.» Можно подумать, что сам профессор при этом параличе присутствовал. Но допустим, что он прав. Тогда напрашивается вопрос: к какому же все-таки времени он определяет состояние психологического шока у Сталина? Вначале-то, по расчетам автора, шок поразило Сталина числа 27. А тут «почти паралич» к 28 июня отсчитал уже несколько дней.

Еще не запутались? Но вот следующая импровизация Волкогонова: «Говорят, что с 28 по 30 июня Сталин был так подавлен и потрясен, что не мог проявить себя как серьезный руководитель». И это заключения пока одного только автора. Предположения, версии, догадки, сплетни можно перечислять бесконечно. Вот ведь даже посол СССР в Великобритании И. М. Майский, находясь в те тревожные июньские дни за тридевять земель от Москвы, свидетельствует, что Сталин был растерян.

Если это так важно для истории — был Сталин в шоке или не был, не проще ли прислушаться к словам тех, кто действительно знал его состояние, находясь тогда рядом с ним. Ну хотя бы к маршалу Жукову. Он-то говорит не с чужих слов, слухами не пользуется. Вот что Георгий Константинович вспоминает о том времени: «Неверно пишет этот посол о том, что Сталин был растерян — неделю никого не принимал. Шла работа по перестройке всего, поэтому не принимал. А насчет того, что он не выступал, так Молотов был председателем Совнаркома. А Сталин вообще часто не выступал. Надо было немного времени, чтобы посмотреть, как пойдут события. Поэтому он первый раз выступил третьего июля. А растерян он был два часа.»

И, наконец, ученым-то мужам взять бы да прохронометрировать события первых дней войны по тем же документам,

свидетельствам и воспоминаниям очевидцев, проследить действия человека, не так уж и неприметного в делах Отечества

Проследим действия Сталина с первых минут войны Известно, что около 4 часов утра Жуков доложил ему о бомбардировке наших городов гитлеровской авиацией Прошло полчаса — и Сталин уже в своем кабинете с членами Политбюро Все молчат, ждут его решений Он дает распоряжение Молотову — принять германского посла Получив официальное подтверждение о войне, как пишет Жуков, «И В Сталин опустился на стул и глубоко задумался»

Возможно, это и смутило специалистов по политическим портретам? А как можно было среагировать иначе — лезгинку что ли плясать?

7 часов 15 минут В кабинете Сталина одобрена и подписана Тимошенко, Маленковым и Жуковым Директива № 2 Главного Военного Совета

9 часов 30 минут Сталин снова встретился с Тимошенко и Жуковым и сообщил им о выступлении в 12 часов по радио Молотова

Затем он ознакомился с проектом указа о мобилизации военнообязанных 1905—1918 годов рождения, внес исправления, частично сократив размеры этой мобилизации Тимошенко оставил Сталину проект документа о создании Ставки Главного Командования, который он не стал подписывать сходу, а обещал обсудить на Политбюро.

В 12 часов 22 июня выступил по радио Молотов Спустя годы в беседе с писателем Владимиром Карповым Вячеслав Михайлович припомнит, как предлагал выступить перед народом и страной Сталину, как Сталин долго не отвечал, прохаживался по кабинету, а потом сказал членам Политбюро, что ему рано выступать в первый день войны, что будут еще другие возможности, а сегодня пусть выступит Молотов

— После паузы, пройдясь по коридору,— вспоминал Молотов,— Сталин добавил: вот мы-то договор соблюдали и поставки по договору осуществляли полностью и своевременно, а они, немцы, Гитлер, так вероломно с нами обошлись, нарушили договор Ну что же от них ждать? У них свои понятия о порядочности и честности. Мы их считали честными, вот еще и поэтому просчитались, а они оказались коварными Ну, ничего, Гитлер за это жестоко поплатится! Мы ему докажем, что он просчитался, мы уничтожим его!

Выступление Молотова было подготовлено в кабинете Сталина В подготовке этого выступления участвовали члены Политбюро, несколько фраз вставил и Сталин, а когда Молотов вернулся после выступления, Сталин сказал:

— Вот видишь, как хорошо получилось Правильно, что выступал сегодня ты Я звонил сейчас командующим фронтами, они не знают даже точной обстановки, поэтому мне просто нельзя было сегодня выступать Будет еще время и повод,

и мне придется выступать не раз. А эти наши командующие, там, впереди, видно, растерялись. Просто удивительно, что такие крупные военачальники и вдруг растерялись, не знают, что им делать. У них есть свои определенные обязанности, и они должны их выполнять, не дожидаясь каких-то наших распоряжений. Даже если бы не было никаких наших директив, все равно они должны были бы сами отражать врага.

Затем в 13 часов Сталин вызвал Жукова и сказал:

— Наши командующие фронтами не имеют достаточного опыта в руководстве боевыми действиями войск и, видимо, несколько растерялись. Политбюро решило послать вас на Юго-Западный фронт в качестве представителя Ставки Главного Командования. На Западный фронт пошлем Шапошникова и Кулика. Шапошникова и Кулика я вызвал к себе и дал им указания. Вам надо вылететь немедленно в Киев и оттуда вместе с Хрущевым выехать в штаб фронта в Тернополь.

— А кто же будет осуществлять руководство Генеральным штабом в такой сложной обстановке? — спросил Жуков.

Сталин ответил:

— Оставьте за себя Ватутина, — потом, как вспоминал маршал, добавил несколько раздраженно:

— Не теряйте времени, мы тут как-нибудь обойдемся.

Профессор Волкогонов замечает, что ни одно крупное решение, акция, шаг были невозможны без одобрения Сталина, он все «замкнул» на себе. Назовем еще некоторые из шагов и акций, предпринятых им в те дни — до 1 июля.

В первый же день был издан указ о введении в ряде республик и областей страны военного положения. Поздно вечером Сталин принял от Ватутина оперативную сводку Генерального штаба. 23 июля с утра состоялось решение о создании Ставки Главного Командования. Обсудили и приняли решение о введении мобилизационного плана по производству боеприпасов. Затем Сталин дважды попытался лично связаться с командующим Западным фронтом Д. Г. Павловым, но оба раза из штаба ему отвечали, что «командующий в войсках».

Несколько подробней о 29 июня.

Автор «Триумфа...» Волкогонов пишет: «Кульминацией психологического шока Сталина было его поведение после того, как он узнал о падении Минска. Прочитав утреннюю сводку Генштаба, Сталин уехал к себе на дачу и почти весь день не появлялся в Кремле.»

Как вел себя Сталин, узнав о том, что наши войска оставили Минск, писатель Иван Стаднюк рассказал в романе «Война» еще лет десять назад. Одновременно с «Триумфом...» документальную прозу о маршале Жукове подготовил и опубликовал Владимир Карпов. Передавая сцену появления Сталина и членов Политбюро в Наркомате обороны, он поясняет, что источник информации у него и Ивана Стаднюка был общий: «...и Стаднюк, и я беседовали с Молотовым, который участвовал в этом».

посещении Наркомата обороны и рассказал и ему, и мне, что там происходило» А дело, как передает Владимир Васильевич, обстояло так

«Наркому обороны Тимошенко позвонил Сталин и спросил — Что под Минском? Как там дела?»

У Тимошенко не хватило сил доложить Сталину о том, что Минск сдан, он еще надеялся, что положение будет восстановлено, поэтому сказал неопределенно:

— Я не могу сейчас доложить, товарищ Сталин. — Тимошенко не успел закончить фразу, потому что Сталин его перебил:

— А вы обязаны постоянно знать все детали, товарищ Тимошенко, и держать нас в курсе событий

В это время в кабинете Сталина были Молотов, Маленков и Берия. Некоторое время было тягостное молчание, потом Сталин сказал:

— Не нравится мне это их неведение. А может быть, мы сейчас поедem в Генштаб и сами посмотрим карты и донесения с фронтов?»

От Кремля до здания Наркомата обороны по улице Фрунзе ехать всего несколько минут. Когда члены Политбюро вошли в массивные двери, часовой, увидев Сталина и идущих за ним Молотова, Маленкова и Берия, настолько оторопел, что даже не мог спросить пропуска или что-то вымолвить. Члены Политбюро молча прошли мимо часового и поднялись на второй этаж, где был кабинет наркома обороны. В кабинете в это время были Тимошенко, Жуков, Ватутин, генералы и офицеры Генштаба, они стояли около больших столов, на которых были расстелены карты с обстановкой на фронтах »

Дальше последовал рапорт Тимошенко о том, что руководство наркомата обороны изучает обстановку на фронтах и вырабатывает очередные решения. Сталин выслушал, долго стоял у карты Западного фронта, затем, стараясь быть спокойным, сказал:

— Ну, мы ждем, докладывайте, объясняйте обстановку.

Тимошенко принялся сбивчиво докладывать, мол, еще не успели обобщить поступившие материалы, многое не ясно.

«И тут,— пишет В. Карпов,— Сталин сорвался:

— Вы просто боитесь сообщить нам правду! Потеряли Белоруссию, а теперь хотите поставить нас перед фактом новых провалов?! Что делается на Украине? Что в Прибалтике? Вы управляете фронтами, или Генштаб только регистрирует потери?!

Желая как-то разрядить обстановку и помочь Тимошенко, которого Жуков уважал, начальник Генерального штаба обратился к Сталину:

— Разрешите нам продолжить работу...»

Тут вмешался Берия, его Жуков отбрил как следует — и снова к Сталину:

— Простите меня за резкость, товарищ Сталин. Мы разберемся и сами приедем в Кремль.

Тимошенко поддержал своего начальника Генштаба.

Тут Сталин оборвал наркома:

— Во-первых, вы делаете грубую ошибку, что отделяете себя от нас! А, во-вторых, о помощи фронтам, об овладении обстановкой нам теперь надо думать всем вместе.— Помолчав, он заключил.— Пойдемте, товарищи, мы, кажется, действительно появились здесь не вовремя.

Вот ведь как все обстояло, по свидетельству Молотова. Какой шок? Какая дача?

В те же июньские дни был создан Совет по эвакуации, образовано Совинформбюро, принят Указ о режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время, подготовлен приказ о формировании Резервного фронта. Для усиления централизации в управлении государством 30 июня 1941 года был образован Государственный Комитет Обороны (ГКО) под председательством И В Сталина

Наконец, после двенадцати невероятно долгих и тревожных дней, Сталин обратился по радио к советскому народу. В основу его обращения легло постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 29 июня, в котором излагалась четкая программа отпора фашистским захватчикам

Вот что пишет о том профессор Волкогонов:

«Народ ждал выступления Сталина. В него по-прежнему верили. С ним связывали надежды. Возможно, именно это помогло Сталину освободиться от психологического шока. .»

Насколько же навязчива у автора «Триумфа..» эта идея — шок Сталина. Профессор даже не замечает, что о шоке уже писал, что читатели вполне усвоили его версию. «Документы, свидетельства лиц, видевших его в то время,— наставляет он,— говорят, что с 28 по 30 июня Сталин был так подавлен и потрясен, что не мог чем-либо серьезным проявить себя. Психологический кризис был глубоким, хотя и не очень продолжительным».

12 июля в Кремле состоялся прием посла Великобритании С Криппса, и по этому поводу автор опять считает необходимым напомнить «Сталин еще никак не мог отойти от жестокого потрясения, которое он испытал после начала войны. Ему стоило большого труда надеть на себя маску обычного величавого спокойствия»

Скоро уж месяц как идет война. А бывший профессиональный революционер, подпольщик, прямо скажем, далеко не рафинированный интеллигент, в себя прийти не может. Да где же тут логика в описании характера? Или для политического портрета не это важно? Тогда как оценивает автор «Триумфа..» обращение Сталина к народу?

«В своем обращении,— пишет Волкогонов,— Сталин долго объяснял, по существу оправдываясь, почему немецкие войска

захватили Литву, Латвию, часть Украины, Белоруссии, Эстонии...»

Словом, Сталин говорил, а народ привычно воспринимал то, что он говорил, утверждает Волкогонов и замечает, что «лишь немногие тогда были способны смотреть глубже». Профессор искренне удивляется: «величайший парадокс. Сталин совершил много ошибок и тяжких преступлений. Но благодаря созданной им системе они фантастическим образом трансформировались в сознании людей в великие деяния Мессии. »

А что тут удивляться-то? Ведь за год до подписания «Триумфа и трагедии» в печать, когда еще вовсю шла работа над портретом Сталина, доктор философии Волкогонов уже осветил этот «исторический аспект». «Русский народ, русский мужик привык, чтобы кто-то с сильной рукой властвовал», — заметил он в одной из своих газетных публикаций. Надо сказать, заметил не из первых. Версия о том, что все зло от русских, от рабской психологии русской нации, стала уже расхожей

«Я могу представить себе, какой вой подняли бы эти судьи чужих душ, если бы где-то в нашей печати было напечатано что-то оскорбительно-обобщительное о «еврейской душе», — пишет известный критик Михаил Лобанов — Этого нельзя и вообразить себе. А вот о русских, о русском народе, пожалуйста, можно писать, что угодно». И Лобанов ссылается еще на одно выступление начальника Института военной истории

«Вот, например, Волкогонов, профессор, он же генерал, он же член редколлегии журнала «Знамя» у Бакланова, отчеканивает в газете «Советская торговля» от 6 сентября, что одна из главных причин культа Сталина — «отсутствие в России глубоких демократических традиций. Сравнительно невысокая культура преобладавшего крестьянского населения создавала предпосылку для того, чтобы любая сильная личность получила поддержку широких масс. За многие столетия народ привык к единовластию в государстве». Можно было бы напомнить Волкогонову, что при «сравнительно невысокой культуре» «преобладающее крестьянское население» не создало все-таки «за многие столетия» предпосылки для репрессий, подобных временам Троцкого — Сталина. И что можно ждать от биографа этих личностей, какой глубины, исторической оснащенности, когда заранее все решено виновен несознательный народ..»

Но вернемся к обращению Сталина к народу тем памятным для многих ранним утром 3 июля 1941 года. Не только русский мужик, привыкший, по объяснениям профессора Волкогонова, к сильной руке, высоко оценил его.

«Это было поразительное выступление, — пишет корреспондент газеты «Санди таймс» и радиостанции Би-би-си Александр Верт, в годы войны находившийся в нашей стране — Причем наиболее сильное впечатление произвели вступительные слова: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои! »

Верт тоже не пропустил, что в своей речи Сталин преумень-

шил уже понесенные нами территориальные потери, но он заметил и другое, главное — то, что своим сравнительно коротким выступлением по радио Сталин «не только создал надежду на победу, если не уверенность в ней, но и сформулировал в скупых, выразительных словах целую программу поведения всей нации в военное время. Он также апеллировал к национальной гордости, к патриотическим чувствам народа. Это был великий призыв взять себя в руки и быть готовым к тяжелым жертвам .»

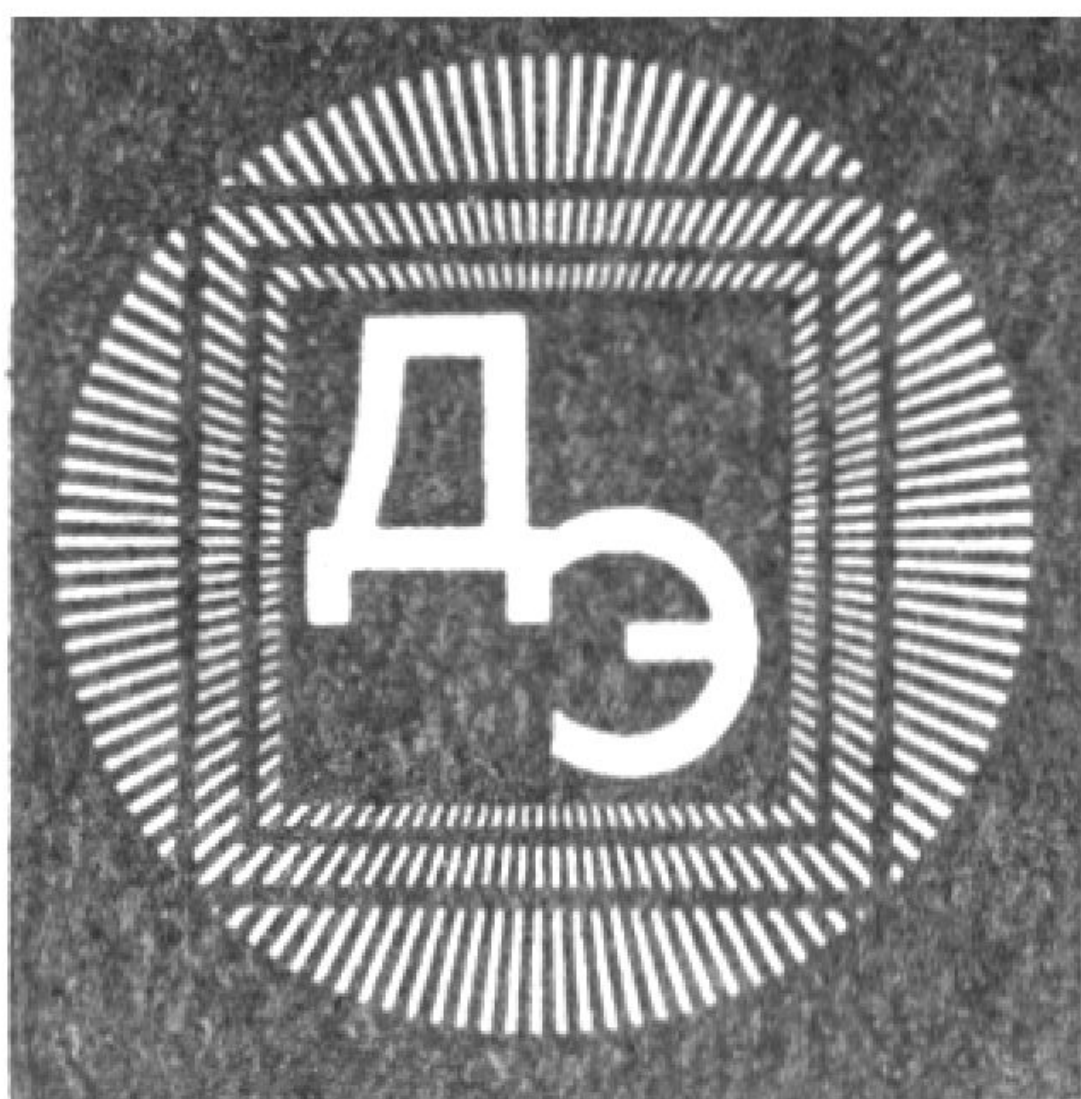
Так вот в одном событии один усмотрел желание выступавшего — «освободиться от психологического шока», другой — призвать к борьбе. С большим сочувствием и восхищением о речи Сталина отозвался и министр иностранных дел Великобритании А. Иден. Вот что сообщал об этом наш посол: «Особенно он подчеркивал ясность и решительность той линии, которую И. В. Сталин дал нашему народу в вопросе о войне. Это война без колебаний, без компромиссов, до краха Германии. Дух речи находит свое прекрасное отражение в великолепной борьбе, которую ведет Красная Армия на фронте».

Напомню и слова Константина Симонова, сказанные им по этому поводу в романе «Живые и мертвые»:

«Голос у Сталина был низкий, негромкий, — вспоминает фронтовой корреспондент, — и мог показаться совершенно спокойным, если б не тяжелое, усталое дыхание и не эта вода, которую он стал пить во время речи. И в несоответствии этого ровного голоса трагизму положения, о котором он говорил, была сила. Она не удивляла от Сталина и ждали ее».

Его любили по-разному. беззаветно и с оговорками, и любясь, и побаиваясь, иногда даже не любили. Но в его мужестве и железной воле не сомневался никто. А как раз эти два качества и казались сейчас необходимей всего в человеке, стоявшем во главе воевавшей страны».

Как же это симоновское не вяжется со всем тем, что предложил в четырех книгах о Сталине генерал Д. Волкогонов! Взяв на себя труд и немалую ответственность — донести до народа его политический портрет, автор справедливо замечает, что еще несколько лет назад о Сталине мы все знали очень мало. И дальше пишет, как по мере ознакомления с подлинными документами, материалами и свидетельствами очевидцев сам он все больше убеждался, что «даже в той области, где до последнего времени сохранялся мираж величия вождя, никакого «гения» не было». Не мне судить, был Сталин гением или нет. Смущает, однако, оговорка профессора о том, что его, автора, «можно сразу же опровергнуть ссылками на авторитеты глубоко уважаемых наших военачальников, написавших свои воспоминания о войне». Конечно, можно. Более того — легко! Да и книгу «Триумф и трагедия» генерала Д. Волкогонова не следует принимать за истину в последней инстанции

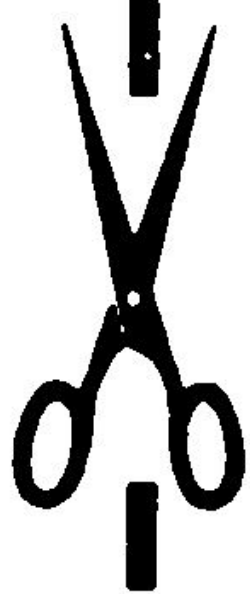
АЛИБИ (латинское *alibi* — в каком-либо другом месте). В широком понимании — отсутствие подозреваемого в момент совершения преступления в том месте, где оно происходило.

Хотя, собственно, что объяснять про алиби? Наверное, каждый наш читатель смотрел приключенческие фильмы или читал детективы, где об алиби столько говорится... А в анекдотах? Помните, муж поздно возвращается домой. «Где был?» — грозно вопрошает жена. «У Коляни, в шахматы играл», — отвечает он смиренно. Жена звонит Коляне и интересуется, чем закончилась партия. Коляня отвечает, что ейный муж еще раздумывает над ходом e2—e4, и, когда они доиграют, супруг сам ей позвонит... Алиби, как пишут в детективах, не подтвердилось, со всеми выте-

кающими из этого прискорбного факта последствиями. Хотя, скорее всего, мужа потом простят... А вот в жизни случается, что из-за отсутствия алиби расстреливают.

Но что же это за энциклопедия, если читатель не почерпнет из нее для себя что-нибудь новое? Ну, к примеру, такое: понятие алиби вы не встретите в Основах уголовного законодательства СССР, Уголовном и Уголовно-процессуальном кодексах РСФСР, да и, пожалуй, в подобных кодексах других республик. А объясняется это тем, что алиби не является исключительным доказательством по делу. И проверить его необходимо в любом случае, независимо от того, заявляет о нем сам обвиняемый (подозреваемый) или другие лица. Ведь преступники прекрасно осведомлены о том, что такое алиби. И если они тщательно готовятся к нарушению закона, то уж об алиби обязательно позаботятся.

Классический пример. Петров сознается, что 22 марта 1991 года в 12 часов в центре ГУМа, у фонтана, передал взятку Сидорову. Чтобы доказать, что Сидоров взя-

точник, следователь выясняет, где тот находился 22 марта в 12 часов. А Сидоров, оказывается, в это время обедал с сослуживцами, и трое, сидевших с ним за столом, с удовольствием вспоминают, как он веселил их свежими анекдотами. Про то, что ели, не помнят, помнят, что все четверо ели что-то невкусное, у них в столовой всегда плохо кормят.

Что делать следователю? Отпускать Петрова? Признавать, что Сидоров чист, как весеннее небо? Алиби-то стопроцентное! Да во все нет — искать дальше. И тогда выяснится, что всю эту историю преступники придумали заранее и договорились, что подбросят ее следователю, если будут заподозрены. А если фокус не пройдет, то Петров скажет: «Я дал ложные показания, испугавшись угроз следователя». Доказывай потом, что не угрожал...

Вот почему доказательство, был или нет подозреваемый или обвиняемый на месте преступления в момент его совершения, лишь одно из многих обстоятельств, подлежащих доказыванию при расследовании, причем не всегда главное.

О доказательствах идет речь в статье 69 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (аналогичные статьи есть и в кодексах других республик). Вот что в ней говорится: «Доказательствами по уголовному делу являются любые фактические данные, на основе которых в определенном законом порядке органы дознания, следователь и суд устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела...» А в статье 71 того же кодекса читаем: «... никакие доказательства для суда, прокурора, следователя и лица, производящего дознание, не имеют заранее установленной силы». И алиби в том числе.

Именно поэтому об алиби нет ни слова в наших законах. Всех фактов, по которым можно судить, было преступление или нет, не перечислить ни в каком законе. К примеру, потерпевшая в одном деле об изнасиловании утверждала, что обвиняемый, прежде чем надругаться над ней, закрыл дверь на

ключ. Молодой человек божился, что ключа от той двери у него в помине не было. А адвокат доказал, что в той двери никогда не было замка. В тот вечер все происходило по обоюдному согласию. А потерпевшей женщина захотела стать гораздо позже, когда будущий обвиняемый отказался на ней жениться. Тогда и пришла к ней мысль о ключе, как о доказательстве преступления. Следователь поверил в ключ, но не проверил, есть ли на свете тот замок, который им закрывается. Разве мог законодатель предвидеть такую ситуацию и то, что доказательством послужат ключ и замок?

Особенно точно нужно знать, есть ли у подозреваемого или обвиняемого алиби в делах об убийствах, телесных повреждениях, кражах, грабежах, разбоях, поджогах и, конечно же, о получении и даче взятки.

Припоминается такая история. Обвиняемый утверждал, что не получал взятки, поскольку в день совершения преступления находился в санатории и его там видели многие. А взяткодатель находился в Москве, и это тоже многие под-

тверждали. Суд не поверил ни в алиби взяточника, ни в алиби взяткодателя и правильно сделал. От того санатория до Москвы 20 минут езды на автобусе, а на машине и того меньше. Другие доказательства подтвердили: взятка была передана именно в тот день, на который оба преступника запаслись алиби.

Алиби как доказательство может быть получено или отвергнуто путем допроса в ходе предварительного следствия, судебного разбирательства. Показания об алиби (либо отсутствии его) у подозреваемого или обвиняемого могут дать он сам, свидетели, потерпевшие, соучастники.

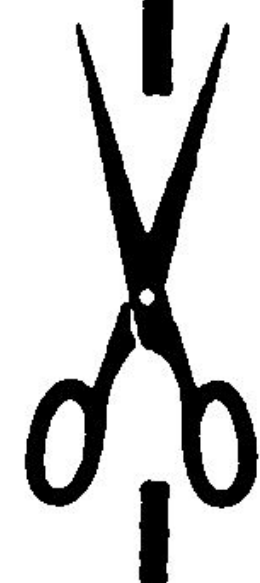
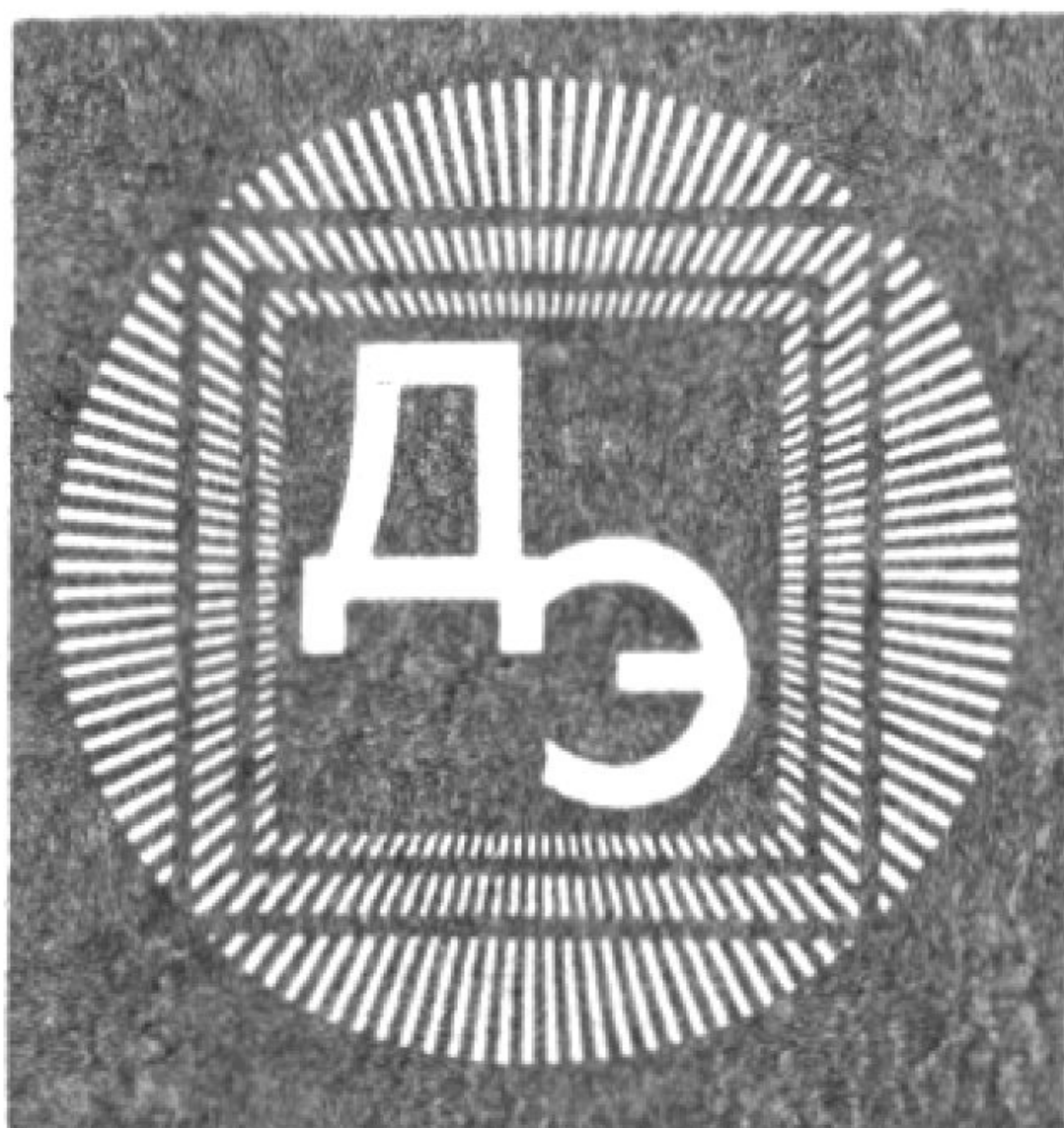
И в суде, и на предварительном следствии показания оформляются прото-

колом. Внимательно читайте протокол, попросите прочитать его следователя, если с грамотой у вас плоховато или забыли домашки. Помните, что вы можете внести поправки и дополнения. После дачи показаний, если у вас появится такое желание, можно написать их собственноручно. В протоколе необходимо подписать каждую страницу. Если допрос проводился с участием переводчика, он тоже должен подписать каждую страницу. Если не будут соблюдены эти тонкости, то ваше алиби может показаться суду не таким уж убедительным.

И вообще в уголовных делах при их расследовании и рассмотрении не бывает мелочей. Впрочем, в гражданских делах тоже. Подробнее об этом

мы расскажем в других статьях «Домашней энциклопедии». Не забывайте, что ее выпуски публикуются в каждом номере нашего журнала. А в киосках «Союзпечати» журнал не залеживается. Может быть, лучше пойти на почту и оформить подписку? В этом случае у вас появится гораздо больше возможностей узнать самое интересное о взаимоотношениях человека и закона.

ВНИМАНИЕ, ВЕТЕРАНЫ!

Условия, нормы и порядок пенсионного обеспечения, предусмотренные Законом СССР «О пенсионном обеспечении военнослужащих» для военнослужащих срочной службы, распространяются также на следующие категории рабочих и служащих, работавших в период Великой Отечественной войны в районах военных действий:

работников морского флота,

речников судов речного флота;

медицинских работников судов морского и речного флота;

вольнонаемных работников Наркомвоенморфлота;

работников Народного комиссариата связи;

работников плавающего состава промысловых и транспортных судов (включая рыбаков, рабочих и инженерно-технических работников и служащих, работавших непосредственно на судах) и летно-подъемного состава авиации Народного комиссариата рыбной промышленности СССР;

работников вольнонаемного состава линейных органов военных сообщений, находившихся на прифронтовых участках железных дорог в пределах армейского тыла действующей армии,

работников вольнонаемного состава, работавших на возведении оборонительных рубежей в органах Управления оборонительного строительства и инженерных войск;

работников вольнонаемного состава строительных и инженерных органов Военно-Морского Флота, работавших на строительстве оборонительных рубежей и военно-морских баз,

работников, состоявших в рабочих колоннах, занятых на аэродромном строительстве, проводимом командованием военно-воздушных сил округов (фронтов) и НКВД СССР;

личный состав групп самозащиты, объектовых и аварийных команд местной противовоздушной обороны и работников госпиталей и больниц Ленинграда, пострадавших от вражеских действий (от артиллерийских обстрелов и налетов авиации);

работников прифронтовых участков железных дорог;

работников фронтовых киногрупп;

работников личного состава службы специальной связи Народного комиссариата связи (независимо от места работы).

Члены семей указанных категорий рабочих и служащих имеют право на пенсию по случаю потери кормильца в порядке и на условиях, установленных Законом СССР «О пенсионном обеспечении военнослужащих» (п. 1 постановления Совета Министров СССР от 24 августа 1990 года № 847 «О категориях рабочих и служащих, имеющих право на пенсию наравне с военнослужащими и их семьями» — СП СССР, 1990, № 25, ст. 116).

● **ВЫ РЕШИЛИ В СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ ЗАЩИЩАТЬ СВОИ ПРАВА. А ВЫ ЗНАЕТЕ:**

● **В КАКОЙ СУД НУЖНО ОБРАЩАТЬСЯ ЗА РАЗРЕШЕНИЕМ ДАННОГО КОНКРЕТНОГО ДЕЛА?**

● **КАК ПРАВИЛЬНО НАПИСАТЬ ИСКОВОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ?**

● **КАКИЕ ДОКУМЕНТЫ ПРЕДСТАВИТЬ В КАЧЕСТВЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ?**

НЕТ? ТОГДА ВАМ ОБЯЗАТЕЛЬНО НУЖНО ЗАГЛЯНУТЬ В НАШУ НОВУЮ РУБРИКУ «СУДЬЯ ВЕДЕТ ПРИЕМ».

Обращение в суд — достаточно хлопотное дело. Особенно, если занимаешься этим впервые. Посудите сами, перед человеком, решившим в судебном порядке отстаивать свои законные права и интересы, возникает масса проблем. И для того, чтоб разрешить их, он должен отпрашиваться с работы, идти в юридическую консультацию, стоять в очереди на прием к судье, причем проделывать все это ему приходится не один раз: то исковое заявление написано не так, то не оплачена государственная пошлина и

т. п. Чтобы избавить наших читателей, решивших возбудить в суде дело, от лишних, ненужных хождений по инстанциям и помочь им подготовиться к рассмотрению спора с наименьшими потерями времени и средств, наш корреспондент отправился на прием к народному судье Смирновой Н. Н. и задал ей массу всевозможных вопросов по различным категориям гражданских дел. Сегодня мы публикуем часть их беседы, которая, наверняка, будет интересна и полезна тем, кто решил расторгнуть брак.

БРАК СЧИТАЕТСЯ

— Итак, Надежда Николаевна, предположим, моя семейная жизнь не удалась, и я решила развестись с мужем. Куда я должна обратиться?

— Вообще, расторжение брака производится в

судебном порядке. Но в некоторых случаях расторгнуть брак могут и органы записи актов гражданского состояния. Предположим, у вас с мужем нет несовершеннолетних детей, вы оба согласны на

развод и, как говорится, мирным путем решили вопрос о разделе имущества. Тогда ваш брак расторгается органом загса. Вы вместе с мужем относите туда заявление. Через три месяца со дня подачи заявления в назначенный вам день опять приходите в загс и оформляете свой развод. Если же у вас есть дети, либо супруг ваш не согласен на развод, либо между вами существует спор об имуществе, детях и т. п., вам прямая дорога в суд.

— А если и детей у нас нет, и не спорим мы ни о чем, и на развод оба согласны, но не хочет супруг вместе со мной идти в загс или не приходит туда в назначенный день. Что мне тогда делать?

— Идти с заявлением о расторжении брака в суд.

— И в какой же?

— Как правило, заявление о расторжении брака подается в суд того района, в котором проживает ответчик. Но существуют и исключения. Например, если ответчик живет в другом городе, поселке и т. п., а у вас, то есть у истца, есть маленький ребенок либо по состоянию здоровья вы не

можете выехать к месту жительства, ответчика, в этих случаях иск о расторжении брака можно предъявить по месту своего жительства.

— А, предположим, я не знаю, где живет ответчик. В какой суд обращаться?

— Иск к ответчику, место жительства которого неизвестно, может быть предъявлен по месту нахождения его имущества или по последнему известному месту его жительства.

— Какие документы необходимы при подаче в суд заявления о разводе?

— Само заявление в двух экземплярах, свидетельство о браке (подлинник). Но перед тем, как идти к судье на прием с этими документами, обязательно зайдите в отделение сбербанка и оплатите там государственную пошлину. Если у вас это первый брак — 30 рублей, если второй — 50. Судье вместе с перечисленными документами нужно будет отдать и квитанцию об уплате госпошлины или марки государственной пошлины на указанную сумму (хочу особо обратить внимание, марки не почтовые, а особые —

госпошлины, и продаются они не на почте, а в отделениях сбербанка). В противном случае, то есть если вы не оплатите госпошлину, судья вынесет определение об оставлении заявления без движения. Известит вас об этом и предоставит срок для оплаты пошлины. Если вы в указанный срок не выполните требование судьи, то заявление ваше будет считаться неподанным и суд возвратит его. Конечно же, после уплаты госпошлины вы можете с этим же заявлением обратиться в суд во второй раз, но сроки движения дела в этом случае будут исчисляться с даты повторного обращения.

И еще одно замечание: я назвала самые необходимые документы, которые должны быть представлены в суд в любом случае. Но, исходя из обстоятельств каждого конкретного дела, судья может попросить вас представить какие-то дополнительные документы.

— Среди документов, которые я должна отдать судье, вы назвали свидетельство о браке. Но

вдруг случится так, что оно останется у моего супруга, а тот откажется предоставить его мне для подачи заявления в суд. Как быть в этом случае?

— Ничего страшного. Обратитесь в загс, где зарегистрирован ваш брак, и получите там повторное свидетельство. В конце концов свидетельство о заключении брака может быть истребовано от вашего супруга народным судьей в порядке подготовки дела к судебному разбирательству. В крайнем случае суд истребует из загса копию актовой записи о регистрации брака.

— Как составить заявление о расторжении брака?

— В принципе, в любом суде должны быть стенды с образцами исковых заявлений по различным категориям дел. С просьбой о составлении искового заявления можно обратиться к адвокату в юридическую консультацию. Но написать исковое заявление не так уж и сложно, вы вполне можете сделать это сами. Вот образец искового заявления о расторжении брака.

В Дзержинский районный народный суд города Москвы. Истец: Иванова Ольга Александровна, 1950 года рождения, проживающая по адресу: Москва, ул. Трифоновская, д, 8, кв. 15

Ответчик: Иванов Николай Иванович, 1948 года рождения, проживающий там же.

ИСКОВОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ О РАСТОРЖЕНИИ БРАКА

25 февраля 1970 года я вступила в брак с ответчиком Ивановым Николаем Ивановичем и проживала с ним совместно до октября 1985 года.

От данного брака имею сына Александра, 18 мая 1975 года рождения, на содержание которого ответчик оказывает материальную помощь добровольно.

Совместная жизнь с ответчиком не сложилась. Брачные отношения между нами прекращены с марта 1985 года, общее хозяйство не ведется.

Причиной распада семьи является то, что ответчик на почве злоупотребления алкоголем устраивал скандалы, унижал мое человеческое достоинство. Это привело к тому, что я утратила чувства любви и уважения к мужу и не согласна на примирение.

Дальнейшая совместная жизнь и сохранение семьи невозможны. Спора о разде-

ле имущества, являющегося нашей совместной собственностью, нет. Ответчик против развода не возражает. Сын остается у меня на воспитании, и ответчик согласен.

В соответствии со статьей 33 КоБС РСФСР

ПРОШУ:

1. Расторгнуть брак между мной и ответчиком Ивановым Николаем Ивановичем, зарегистрированный 25 февраля 1970 года во Дворце бракосочетания № 1 г. Москвы, актовая запись _____

номер

2. Оплату государственной пошлины за регистрацию развода возложить на ответчика.

Приложение

1. Свидетельство о заключении брака (подлинник).
2. Справка о зарплате истца и ответчика.
3. Марка (квитанция) госпошлины.
4. Копия искового заявления.

Подпись

Дата

— Надежда Николаевна, а какие причины, основания развода нужно указать, чтобы суд обязательно расторгнул брак!

— Видите ли, закон не предусматривает каких-либо перечней оснований расторжения брака. Потому что причины здесь мо-

гут быть самые разные — это и пьянство одного из супругов, и несхожесть характеров, и крупная ссора, и подозрение в неверности, и вмешательство родителей, да мало ли что может произойти в семейной жизни. Кроме того, какую бы причину вы не указали, вас никогда ни один суд, как говорится, сходу не разведет. Потому, что для суда самое главное сохранить семью, помочь супругам достичь примирения. Поэтому суд будет скрупулезно изучать причины конфликта, выяснять, носит ли он временный или стойкий характер. Если суд придет к выводу, что конфликт носит временный характер, что возможно сохранение семьи или ее восстановление, он по собственной инициативе вправе отложить разбирательство дела и предоставить супругам время для примирения.

Предоставлять этот срок суд может неоднократно в пределах шести месяцев. И обжаловать действия суда в этой части невозможно.

Попросить о предоставлении срока для примирения может и одна из спорящих сторон, и в этом

случае суд обязан его предоставить.

По секрету скажу вам, что иногда стоит прибегнуть к такому маневру и из чисто тактических соображений, например, попытаться за это время мирным путем урегулировать спорные вопросы об имуществе, квартире. Хорошо, если у вас с супругом никаких споров нет. Но ведь это большая редкость в практике суда.

— Да. Но вы не забывайте, что наш развод предположительный. И такую ситуацию мы избрали для простоты. В следующий раз мы ее усложним и рассмотрим, как вместе с разводом разрешаются дела о разделе имущества, взыскании алиментов на детей и т. д. А пока вернемся к нашему разводу. Вот я отдала судье лично в руки (или отправила по почте) все необходимые документы, судья закончил подготовку дела к слушанию и назначил его день и час. Ответчик же в этот день в суд не явился. Можно ли рассмотреть дело в его отсутствие?

— Так как задача суда — помирить супругов, то, как правило, дело слушается в присутствии

обоих супругов. И потому, если ответчик не явился в судебное заседание, суд откладывает разбирательство дела.

— А если ответчик не будет ходить в суд? Рассмотрение дела так все время и будет откладываться?

— У суда есть, как мне кажется, достаточно действенные меры воздействия на недисциплинированного ответчика. За каждую неявку в суд без уважительной причины он может быть подвергнут штрафу до 100 рублей и даже административному аресту. Но суд может рассмотреть дело о расторжении брака и в отсутствие ответчика, если имеется письменное заявление о его согласии на это. Причем в этом заявлении ответчик может указать свои возражения против мотивов развода, если, конечно же, они у него есть.

— Хорошо, суд рассмотрел дело и установил: дальнейшая совместная жизнь супругов и сохранение семьи стали невозможны. Он вынес решение о расторжении брака. С какого момента брак считается прекращенным?

— Видите ли, само по

себе решение суда брак не прекращает. Брак считается расторгнутым с момента оформления в загсе прекращения брака на основании решения суда и получения свидетельства о расторжении брака хотя бы одним из супругов. За выдачу свидетельства о расторжении брака взимается государственная пошлина в размере от 200 до 300 рублей. Кому из супругов и в какой доле надлежит оплатить эту сумму, решает суд.

— И кому же обычно присуждаются эти выплаты?

— По-разному. Бывает, что суд взыскивает пошлину с обоих супругов как в равных долях, так и не в равных. При этом учитываются и материальное положение супругов, и наличие у них иждивенцев. Иногда суд возлагает обязанность по уплате пошлины на одного из супругов, особенно если он является виновником развода.

— А если мы с мужем договоримся, кто из нас и в каком объеме будет платить эту пошлину, суд учтет нашу просьбу?

— Да. Но такое соглашение не является для суда обязательным.

— Итак, что нужно

сделать, чтобы довести дело о разводе до конца и получить свидетельство о расторжении брака?

— После того как решение суда вступит в законную силу, то есть через 10 дней после его вынесения (если решение суда не обжаловано) либо после кассационного рассмотрения дела, разведенные супруги получают в канцелярии народного суда выписку из решения. Тот из супругов, которого суд обязал оплатить госпошлину, вносит указанную в решении сумму в сбербанк. После чего с выпиской из решения суда и с квитанцией об оплате пошлины супруги обращаются в загс по месту жительства, где и производится актовая запись о прекращении брака и выдается свидетельство о расторжении брака. Причем законом не установлено, что супруги должны зарегистрировать развод в какой-то определенный срок. Поэтому сделать это можно в любое время.

— Но, предположим,

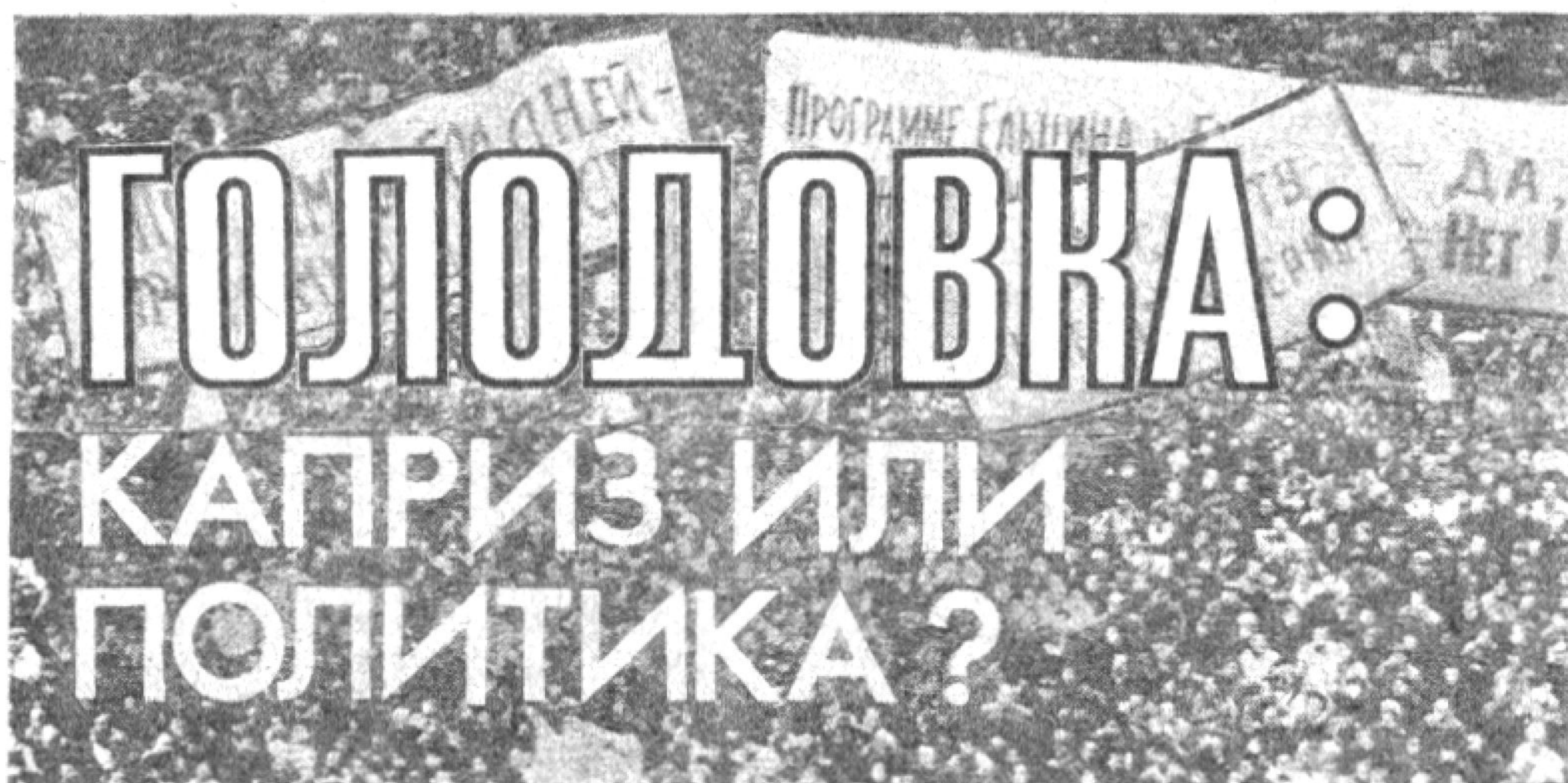
бывший супруг отказывается идти в загс или, например, живет в другом городе. Как быть в этом случае?

— Ничего страшного. Каждый из супругов не зависит друг от друга и может на основании вступившего в законную силу решения суда оформить прекращение брака в органах загса самостоятельно, причем, повторяю, по месту своего жительства.

— И последний вопрос. Суд вынес решение о нашем разводе. А мы с супругом после этого помирились. Нужно ли отменять решение суда?

— Да нет, в этом нет необходимости. Помирившиеся супруги при условии, если ни один из них не получил свидетельства о расторжении брака, должны подать в суд заявление о прекращении исполнения решения суда. Суд вынесет соответствующее определение, прекратит исполнение, в результате чего решение о разводе утратит свое значение.

Вячеслав КОВАЛЕВ

Совсем недавно проведение митингов и демонстраций по инициативе граждан являлось чем-то непривычным, неожиданным, манящим своей смелостью и непредсказуемостью последствий. Нарастание митинговой активности рождало новую политическую ситуацию и заставляло законодателя к ней приспосабливаться. Общественность требовала демократического законодательного урегулирования новых массовых форм выражения общественного протеста, государство шаг за шагом вводило бушующие массы в рамки правовых норм.

С течением времени митинговая стихия пошла на убыль, несмотря на отдельные мощные всплески активности граждан. Даже в демократическом Ленинграде

периодически проводимые митинги редко насчитывают более 3—4 тысяч участников. Наступает не только психологическая усталость граждан, о чем часто пишут в прессе, но и привыкание, утрачивается очарование новизны.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 июля 1988 года в целом урегулировал порядок подготовки и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций. В нем регламентированы основные формы массовых акций. Формы, в общем-то привычные и понятные каждому. Действительно, даже в застойный период трудно было найти человека, который не поучаствовал бы в праздничных демонстрациях, митингах на предприятии или, тем более, в работе собраний. Однако

за рамками правового регулирования на сегодняшний день остались нетрадиционные способы выражения гражданской активности. К ним, например, относятся политические голодовки.

Что мы знали о политических голодовках в прошлые годы? Весьма немного. Время от времени газеты и телевидение сообщали о них в разделе «Международная жизнь». Помнится, все внимательно следили за драматическим поединком североирландских заключенных, объявивших голодовку, и британским премьер-министром. Заключенные террористы мужественно настаивали на выполнении своих политических требований, «железная леди» также мужественно отстаивала законность и не поддавалась на общественное давление. Гибель людей в результате сознательной голодовки потрясала наше воображение, однако сама форма протеста оставалась чем-то экзотическим, чуть ли не ирреальным для нашей действительности. О политических голодовках в собственной стране пресса не сообщала, хотя неформальные «волны сознания» доносили сведения о них. Впрочем, то, что не существовало на газетных страницах, как бы не существовало и в жизни.

Новые времена — новые нравы. Политические голодовки стали неотъемлемой частью политической практики. Если в таком вопросе возможны шутки, то, надо

сказать, голодающие «вошли во вкус». Можно ли было раньше представить, что голодающие студенты в Киеве смогут подтолкнуть к отставке одного из руководителей республики? Разве что в кошмарном сне. А вот их московские коллеги отрекаются от пищи во имя того, чтобы призвать к активной политической жизни дремлющее московское студенчество.

Общественная реакция на политические голодовки различна. Так, всемирно известный украинский доктор заметил, выступая в парламенте страны, что голодающие киевские студенты совершают благое дело — экономят продукты для сограждан. Эта оценка вызвала бурный протест группы украинских депутатов. Плюрализм есть плюрализм.

Как бы то ни было, опыт политических голодовок накапливается. Поэтому все чаще высказывается мнение, что пора бы их законодательно урегулировать. Действительно, еще совсем недавно не вписывалась в правовые нормы такая форма активности граждан, как пикетирование. Однако в 1989 году пикетирование было признано Верховным судом СССР, а также Президиумом Верховного Совета Латвии одной из форм демонстрации и в настоящее время законодательно урегулировано.

Прежде всего необходимо определиться, возможно ли вообще правовое регулирование голодовок? А если

возможно, то нужно ли и в каком объеме, какими средствами? Для этого, в свою очередь, требуется анализ самого явления.

Итак, что такое голодовка, причем приобретая общественное звучание? Форма демонстрации или нечто иное? Обратимся за ответом к определению демонстраций, данному задолго до времен перестройки. Так, согласно третьему изданию Большой Советской Энциклопедии, политические демонстрации до установления социалистического строя — одна из форм революционной борьбы пролетариата. А в СССР и социалистических странах — выражение торжества, преданности социалистическому строю, наглядный показ достижений и успехов. И, соответственно, средство выражения гнева и протеста против происков международного империализма.

В приведенном определении пропагандистский элемент явно преобладает над серьезным анализом. Словари русского языка, политически более нейтральные, определяют демонстрацию как явное выражение определенной позиции. Причем не обязательно коллективной. При таком подходе голодовки вполне можно рассматривать как одну из разновидностей демонстрации.

В качестве таковых голодовки обладают важнейшим качеством демонстраций — публичностью, то есть открытостью, гласностью. Дей-

ствительно, без гласности голодовка теряет всякий смысл, а сами голодающие становятся лишь последователями П. Брэгга — известного популяризатора лечебного голодания. Политические голодовки — не просто акт прекращения приема пищи. Это — обязательно публичное прекращение, действие, стремящееся вызвать определенный общественный резонанс. Именно такой резонанс превращает голодовку из частного дела в общественное. Причем публичность достигается разными способами. В одних случаях — проведением голодовки в общественных местах. Например, перед зданием учреждения, органа государственной власти и т. д. Так, два оппозиционных депутата проводили голодовку в помещении парламента Эстонии. Бывает, что голодающий располагается на своем рабочем месте. В других случаях голодающие могут находиться и не в общественных местах, тогда публичность обеспечивается информацией о проведении голодовки, ставшей достоянием гласности.

Следующее качество демонстраций — их критический характер, понимаемый широко как средство вскрытия общественных противоречий и постановки проблем. В этом смысле политические голодовки, пожалуй, самая острая форма демонстрации. Если митинги, шествия, пикеты могут проводиться с целью одобрения или под-

держки, то голодовки — всегда форма протеста или требования.

Наконец, третье свойство демонстраций — их способность влиять на подготовку, принятие и реализацию управленческих решений в обществе. Оно в полной мере присуще и голодовкам. Причем голодовки — это самое драматичное, страстное средство воздействия. Именно его драматизм так сильно влияет на общественное мнение и заставляет должностных лиц внимательно относиться к требованиям голодающих.

Нужно отметить и еще одно свойство, заметно отличающее голодовки от других разновидностей демонстраций. Это — высокая степень персонификации демонстрирующего. Она проявляется, во-первых, в обнародовании четкой индивидуальной позиции каждого участника голодовки. При проведении массовых мероприятий частное мнение, позиция сливаются с коллективным. Так, на митингах мнение значительного числа их участников может и не совпадать с поддержанными резолюциями, если не в основном, так в частности, причем не всегда второстепенных. Однако резолюция рассматривается как выражение воли всего митинга. Определить четкую индивидуальную позицию каждого участника массовых манифестаций весьма проблематично.

При проведении полити-

ческих голодовок позиция каждого — налицо.

Второе проявление так называемой персонификации — возможность выражать свою позицию только лично. В отличие, например, от пикетирования. Действительно, мы прекрасно знаем, что далеко не всегда совпадают мнение самого пикетчика и позиция, выраженная на плакате, с которым он стоит. Помнится, в одной телепередаче журналист пытался выяснить, в чем же состоит суть требований, заключенных в лозунгах. Объяснить этого пикетчик не мог. При этом смотрел на плакат так, как будто видел его впервые. Сейчас уже ни для кого не секрет, что пикетирование зачастую проводят люди, привлеченные за определенное вознаграждение. Возможно, и нашлись бы энтузиасты, которые за вознаграждение согласились бы поголодать публично. Однако эффект такой акции снизился бы до нуля, поскольку действия именно конкретной личности позволяют надеяться на успех.

Несколько слов о политическом характере голодовок. В одних случаях такой характер очевиден. Например, голодовка, направленная против политики органа государственной власти или управления. В других — выдвигаемые требования носят, на первый взгляд, индивидуальный характер. Например, протест против незаконного, по мнению голодающего, увольнения или незаконного

решения суда. Однако и в этом случае публичные голодовки приобретают политический оттенок, поскольку выражают протест против бессилия или нежелания общественной системы разрешить частный конфликт. В частном случае отражаются общезначимые процессы.

Итак, политические голодовки вполне могут быть рассмотрены как одна из разновидностей демонстраций. Целесообразно ли в таком случае регулировать их в законодательном порядке? В ряде случаев — да.

Однако не путем простого подведения политических голодовок под воздействие союзного Указа, как это было с пикетированием. Голодовки имеют свои особенности. Так, все остальные виды массовых и индивидуальных демонстраций связаны с использованием общественных помещений, зданий или территорий. Поэтому Указ требует предварительного заявления организаторов демонстраций в исполком. Голодовки же далеко не всегда проводятся в общественных местах. Поэтому устанавливать универсальный характер подачи заявлений бессмысленно. Такие заявления целесообразны в тех случаях, когда голодовка проводится на площадях, в общественных зданиях и т. д.

Вероятно, моя позиция вызовет негодование у определенной части читателей. Голодовка — жест отчаяния, а вы предлагаете ее бездушно регулировать. Да, за-

частую и жест отчаяния. Однако периодически на экранах телевизоров появляются люди, которые совершенно спокойно сообщают о своем намерении провести голодовку и устанавливают четкие сроки, например один — два дня. Как видим, они не расположены голодать до победного конца, а относятся к голодовке как к обычной политической акции.

Кроме того, при использовании общественных мест возникает потребность обеспечения общественного порядка, а зачастую и защиты прав самих голодающих. Причем на практике сходные акции при нарушении общественного порядка могут и прекращаться. Достаточно вспомнить палаточный городок протестующих приезжих в Москве, ликвидированный по решению местных властей.

Наконец, заявление или уведомление органа государственного управления о намечаемой голодовке порождает у соответствующих должностных лиц определенную ответственность, в частности, за проверку данного протеста. Плюс дает дополнительную огласку проводимой голодовке.

Сложен вопрос об административном прекращении политических голодовок. Во-первых, что понимать под прекращением? Можно удалить голодающих с площади или из общественного здания. Это — первый и не всегда окончательный вариант прекращения. Существует и

более радикальный — питание в принудительном порядке. Допустимо ли правовое регулирование в данном случае? Думается, да. Именно в силу особой остроты проблемы.

Второй вопрос: возможно ли по закону допустить принудительное питание. Ответ не так прост, как кажется на первый взгляд. Бесспорно, принудительное питание связано с насилием над волей голодающего. Однако оно помогает сохранить голодающему жизнь. Можно представить и ситуацию, ког-

да ближайшие родственники посчитают такой вариант единственно возможным. Не рискну предлагать что-либо окончательное и однозначное. Во всяком случае законодателю пора задуматься.

Таким образом, дальнейшее совершенствование законодательства о собраниях и демонстрациях не должно пройти мимо проблемы политических голодовок. Они должны быть урегулированы в том объеме и таким способом, которые предопределены их специфической природой.

ЮРИДИЧЕСКИЙ

ПРАКТИКУМ

Задача № 1

Алексей Власов считал себя единственным наследником умершего отца. Однако двое его племянников Петр и Олег также претендовали на наследство и полагали, что все имущество должно быть разделено на три равные части. Алексей убеждал племянников, что наследником могла бы быть их мать, родная сестра Алексея, но она умерла два года назад, поэтому теперь все имущество принадлежит ему.

Решите спор.

Задача № 2

В завещании Стоянов указал, что лишает своего сына права на наследство. Поэтому после его смерти законными наследниками оказались только его родители. Мать Стоянова считает такое решение сына несправедливым и хотела бы отказаться от своей доли в пользу внука. Против этого категорически возражает ее муж. Он говорит, что последнюю волю умершего нарушать нельзя.

Может ли мать отказаться от своей доли в наследстве без согласия другого наследника?

«БАРИН НАС

Каждый день пороги различных органов, учреждений и организаций, редакций газет и журналов переступают тысячи граждан. Почтальоны приносят туда мешки писем. Подобная картина наблюдается по всем городам и весям страны на протяжении долгих лет. Что движет авторами и посетителями? Только ли любовь к эпистолярному жанру, страсть к путешествиям или склонность к сутяжничеству?

Думается, нет. Попробуем проанализировать заявления, наиболее часто встречающиеся в этом потоке. Они и показывают истинную причину. До сих пор у нас искусственно ограничиваются самостоятельные действия личности по защите своих законных прав и интересов. И при всяком их ущемлении на работе, в конфликтах с торговлей, нашим ненавязчивым сервисом, жилищно-коммунальными службами, в различных «конторах» человеку остается только один, довольно унизи-

тельный путь: писать «слезницы» в различные адреса и покорно ждать помощи, досаждая время от времени докучливыми напоминаниями. Образно говоря, уповать, что «вот приедет барин, барин нас рассудит».

Существующее положение ставит любого гражданина в полную зависимость от разного рода бюрократических учреждений, от чиновников, в них обитающих, от степени их вмешательства или невмешательства в решение проблемы. На закон, разумеется, почти никто и внимания не обращает. Вот лишь несколько конкретных примеров.

«Пишу в надежде, что, может быть, вы мне можете. Так уж получилось, что у меня нет никаких документов. Когда я родилась, родители меня не зарегистрировали. И вот уже 27 лет я живу без единого документа. Но вы не подумайте, что я сидела сложа руки. Пыталась получить паспорт и не раз. Сбирала необходимые

РАССУДИТ»

справки, обращалась в загс, но дальше этого дело не двигалось. То справки не те, то их срок истек, то вообще отказываются со мной разговаривать.

И эта канитель длится с 1980 года. Я уже потеряла всякую надежду, что когда-нибудь получу паспорт. Последний раз меня попросили принести копию свидетельства о браке родителей, но они не были зарегистрированы. И еще. Моя мать, Лаевская Надежда Лукьяновна, умерла в 1966 году, и теперь требуют справку о ее смерти. Каких-либо записей о ее смерти не сохранилось.

В настоящее время я переехала из колхоза в город Актюбинск, но, как вы понимаете, работать не могу. От меня требуют следующие документы:

1. Автобиографию;
2. Заявление (о получении свидетельства о рождении);
3. Извещение;
4. Объяснительную (отца);
5. Справку с места работы;

6. Справку с места жительства;

7. Выписку из похоронной книги;

8. Копию паспорта сестры;

9. Копию свидетельства о рождении дочери;

10. Заявление свидетелей (три человека);

11. Копию трудовой книжки;

12. Заявление о восстановлении записи акта о рождении;

13. Две фотографии.

Все это я уже предъявляла и не один раз. Потом срок справок истёкал, я собирала новые, опять предъявляла и... все сначала. Теперь мне вообще негде брать документы, так как я не имею работы и прописки.

Что мне делать? Как жить дальше?

ГЕЙКО Светлана
Васильевна,
г. Актюбинск»

«Мне восемьдесят второй год. Я ветеран войны, дважды тяжело ранен. Работал заведующим отделом райкома партии, председателем райиспол-

кома, первым секретарем райкома партии. В 1969 году вышел на пенсию.

Дома не усидел и с 1971 года почти 15 лет проработал ответственным секретарем общества охраны памятников истории и культуры. Ушел я с этой должности по состоянию здоровья.

Все эти годы правление общества перечисляло мою зарплату на мой лицевой счет в сберкассу. За эти годы было перечислено что-то около 18 тысяч рублей. Я жил на пенсию по военной инвалидности, а потом на государственную пенсию. Вкладом же своим думал помочь семье.

Вот тут-то и начались мои беды. Дело в том, что я верил в честность работников сберкассы и не проверял перечисления на свой лицевой счет. Когда же наконец сверил документы, то не досчитался большой суммы денег. Я пришел в сберкассу и попросил проверить мои подсчеты. Бухгалтер провела меня в комнату, где сидели какие-то женщины. Я сказал им о своей недостаче и еще пошутил: «Скажите, может быть такое явление, когда непорядочный человек может подделать ордер на получение денег?»

Одна пожилая женщина, как потом выяснилось, заместитель заведующего, фамилии ее я так и не узнал, сорвалась с криком: «Вы клевету наводите на нас и на сберкассу, мы вас передадим в суд за клевету! Вы чего сюда зашли, вы не имеете права сюда заходить!» Отвечаю, что меня сюда привела бухгалтер. Снова крик: «Она тоже не имела права. Вон отсюда!»

Я со слезами на глазах им ответил: «Я вас никого не обозвал, и зря вы шум поднимаете. Благодарю вас за прием и ласку, а положенные мне деньги надо отдать». И ушел.

На второй или третий день я зашел к заведующей сберкассой Кобзиной Людмиле Михайловне. Она еще кричала мне: «У нас денег не крадут!» Три раза я ходил к ней и ничего не добился.

Первый раз они мне сказали, что ликвидировали денежные документы за десять лет. Поэтому я должен понять, что давность уже прошла и решить сейчас вопрос выплаты и начисления уже никак невозможно. Потом посоветовали обратиться к прокурору или в суд. Я сказал, что никуда не пойду. Будь они прокляты, эти деньги!

Все-таки пошел второй раз. Кобзина посчитала по моим книжкам, ордерам и лицевым счетам и сказала, что я уже получил 10 тысяч рублей. Я спросил про остальные. Она ответила, что за мной числится 6 тысяч рублей. Я сказал, что не надо сочинять глупостей, так как это мои личные вклады. Она умолкла.

Третий мой приход закончился тем, что Кобзина подняла шум: «У вас старость бредит. Я не хочу с вами разговаривать. Подавайте в суд». Я на ее крик и грубости сделал замечание, что в советском учреждении ответственный работник не имеет права кричать на посетителей. Разговор закончился моим обмороком.

Да, когда я просматривал документы, заметил: ордер особыми чернилами и почерком выписан на мое имя, и на нем совсем не похожая на мою подпись. Но когда я в другой раз хотел увидеть этот ордер, его уже не оказалось.

Своих денег я так до сих пор и не получил.

МАРУНЕНКО
Михаил Максимович,
г. Гайсин
Винницкой области»

«Помогите найти убийц моей тринадцатилетней дочери Юлии Пивненко. Подскажите, куда мне обратиться, чтобы добиться справедливости и наказания убийцам.

С первой же минуты опознания девочки в морге нас, пользуясь нашим горем, нашим состоянием, начали обманывать... По версии судмедэксперта получилось, что девочка покончила жизнь самоубийством путем повешения...

Когда племянник и невестка выразили недоверие по поводу такой экспертизы и попросили еще раз посмотреть девочку, СМЭ ответил отказом, сказав, что увидите, когда будете забирать. Ему надо было, чтобы мы подписали справку.

Когда мы приехали забирать дочку, то не узнали ее. Девочка была вся побитая, правый бок черный и ссадина, стопа правой ноги вывернута, челюсть и нос выбиты. Кроме санитарки, в морге никого не было. Теперь нам говорят, что не надо было девочку забирать...

По городу мгновенно разнесся слух о девочке-самоубийце. В местной газете срочно напечатали заметку, не дождавшись заключения экспертизы,

что девочка покончила с собой.

Целый месяц сотрудники милиции уговаривали нас согласиться с их версией самоубийства, и только потом было возбуждено уголовное дело...

Не удивительно, что в нашем районе так много убийств остаются нераскрытыми и списываются на самоубийства. На нашей улице за этот год уже третье убийство. Это те, что мы знаем. А что не знаем? Нас бесконечно успокаивают, что идет следствие, люди работают. Но мы уже убедились, что ничего не делается, лишь тянется время.

А как понять такой факт? Заключение экспертизы составлено настолько неопределенно, что можно думать и об убийстве, и о самоубийстве. Что же это за экспертиза?..

Еще раз прошу Вас: помогите советом, действием. Я понимаю, что с такими просьбами к вам обращаются многие. Но кто-то же должен мне помочь.

ПИВНЕНКО
Татьяна Ивановна,
г. Мариуполь
Донецкой области»

Вот такие письма. За ними стоят разные люди, с разными бедами, заботами, неурядицами и горем. Но общее их состояние одинаково: «униженные и оскорбленные». Они вынуждены покорно просить различные иерархические инстанции о помощи, о защите своих прав.

Самое же печальное — эти неурядицы влекут за собой цепочку все новых и новых. Скажем, та же Светлана Васильевна Гейко из Актюбинска. Не имея документов, она не только лишена возможности иметь жилье и работу. Мимо нее проходят все наши новации с распределением товаров: торговля по паспортам, по визиткам, карточкам и талонам. Вот уж действительно: человек лишен куска хлеба насущного из-за различных идиотских инструкций. Как там у поэта: «Без бумажки ты — букашка, а с бумажкой — человек!»

И это еще не все. Поведение Гейко подпадает под действие статьи 198 Уголовного кодекса РСФСР, предусматривающей уголовную ответственность за нарушение правил паспортной системы.

Примерно такая же си-

туация и у Маруненко Михаила Максимовича из Винницкой области. Помните, работники сберкассы настойчиво уговаривали его обратиться в народный суд. Они знали, что делали.

Этот конфликт разрешается статьей 78 Гражданского кодекса РСФСР:

«Общие сроки исковой давности

Общий срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено (исковая давность), устанавливается в три года, а по искам государственных организаций, колхозов и иных кооперативных и общественных организаций друг к другу — в один год».

И здесь закон не на стороне человека!

С подобными ограничениями столкнулась и Пивненко Татьяна Ивановна из Донецкой области. На ее взгляд, факты убедительно опровергали официальную версию самоубийства дочери, выдвинутую следователем. Мать настойчиво требовала дополнительной проверки всех обстоятельств гибели девочки. Но тщетно, ведь закон и здесь облегчает существование правоохранительным органам. Проверку может назначить только... сам сле-

дователь. Об этом гласит статья 184 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР:

«Порядок назначения экспертизы

Признав необходимым производство экспертизы, следователь составляет об этом постановление, в котором указываются основания для назначения экспертизы, фамилия эксперта или наименование учреждения, в котором должна быть произведена экспертиза, вопросы, поставленные перед экспертом, и материалы, предоставляемые в распоряжение эксперта...»

Все, бюрократический круг замкнулся!

Редакция пыталась всемерно помочь авторам писем. Мы обращались в союзные Прокуратуру и МВД, приводили различные аргументы, пытались воздействовать на эмоции. Чтобы пробить лед равнодушия прокурорских работников, мы переправили им фотографию Юлии Пивненко, полученную от ее матери. Даже на черно-белом любительском снимке видны сломанные нос и челюсть подростка, синяки и ссадины...

Но эти трагические подробности не затронули сердца блюстителей зако-

на. Нет, формально все правила были соблюдены. Выезжали люди, проверяли, а потом встречались с заявителями и объясняли, что закон здесь не нарушен.

Вы обратили внимание, что, объясняя позицию журнала, мы опять же ссылаемся не на строгие нормы закона, а на эмоции, авторитет издания? Нас, журналистов, читатели упрекают, сравнивая с петухами. Дескать, проку карекали, а там хоть солнце не всходи. И, действительно, официальные инстанции все чаще и чаще отделяются равнодушным молчанием на критические выступления журнала.

Мы лишены возможности как-то реально воздействовать на объект критики. Можем лишь, образно говоря, пальчиком погрозить. Да конторам эти угрозы, видимо, как слону дробинка!

Вот к чему приводит полная зависимость человека в защите своих интересов от органов власти, от учреждений, якобы надзирающих за соблюдением законности. Гражданин из активной личности превращается в униженного и желчного просителя, сутягу со стажем. И, поскольку подобная

практика стала системой, мы уже давно превратились в бесправную нацию жалобщиков...

А теперь давайте пофантазируем. Представим, что наш советский суд защищает **любые законные** интересы граждан по их заявлениям. Допускаю, что количество дел в судах вначале резко возрастет. Но, вероятно, стоит провести два-три процесса над бюрократами, да еще публично, с широким освещением в средствах массовой информации, да с реальным наказанием, как перспектива судебного преследования заставит оперативно выполнять свои обязанности всех нерадивых чиновников.

Что будет, что будет?! Все вопросы решаются точно в срок. Отпадает необходимость писать во все концы, не нужно ходить и унижаться по различным конторам, высвободятся тысячи сотрудников, занятых сейчас рассмотрением бесчисленных заявлений. И все только потому, что человек сможет сам активно отстаивать свои законные интересы.

Вероятно, так и должно быть в правовом государстве, к созданию которого мы все очень стремимся.

Н

НАБЕРЕЖНЫЕ. Известно немало случаев, когда управляемые неосторожными водителями автомобили падали в воду. Это и побудило организаторов дорожного движения сначала за рубежом, а затем и у нас в стране ввести специальный предупреждающий знак. Его индекс 1.10 в Приложении 1 к ПДД. Водитель, повстречавший этот знак, должен снизить скорость и быть готовым «вписаться» в кривую поворота, что особенно важно в дождливую и снежную погоду, а также в гололедицу.

НАГРУЗКА НА ОСЬ ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА. У каждого автомобиля, прицепа есть предел, после которого лишний груз опасен. ПДД требуют избегать такой ситуации (п. 23.1). Кроме того, к давлению колес перегруженного транспортного средства совсем «не индифферентны» сами дороги, мосты, эстакады, путепроводы, различные временные настилы и пр. Объезд в таких случаях обязателен, особенно если установлен запрещающий дорожный знак, обозначенный индексом 3.12 в Приложении 1 к ПДД.

НАПРАВЛЕНИЯ ДВИЖЕНИЯ. Указывают предписы-

вающие дорожные знаки под индексами 4.1.1—4.3. Об ограничениях же их действия говорится в разделе 4 Приложения 1 к ПДД. Водителю полезно знать о нераспространении действия знака 4.1.1 на повороты направо во дворы и на прилегающие к дороге иные территории (п. 4.1.1 Приложения 1 к ПДД). Специальные дорожные знаки информируют водителей о направлении движения: по полосам (пп. 5.8.1—5.8.8 Приложения 1 к ПДД), перед населенными пунктами или транспортными развязками (пп. 5.20.1—5.21.2 Приложения 1 к ПДД), при необходимости объезда (пп. 5.31—5.32.2, 5.34.1—5.34.2 Приложения 1 к ПДД). Информационная табличка, указывающая направление главной дороги на перекрестке, описана в ПДД в п. 7.13 Приложения 1.

НАРУКАВНАЯ ПОВЯЗКА. В качестве отличительного знака регулировщики показывают водителю, чьи указания, касающиеся порядка движения, он обязан выполнять (п. 1.4 ПДД).

НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ. Определение этого термина дается в разделе 2 ПДД. Для водителей, а в некоторых случаях и для пешеходов в населенных пунктах и за их пределами движение

организуется неодинаково. Простейший случай — ограничение предельной скорости движения либо, соответственно, выбор места для перехода проезжей части

Дорожный знак 5.22 информирует водителей о названии и начале населенного пункта, в котором действуют требования Правил дорожного движения, устанавливающие порядок движения в населенных пунктах. А знак 5.24 извещает о начале населенного пункта, в котором на данной дороге такие требования не действуют. Знаки 5.23 и 5.25 отменяют действие, соответственно, знаков 5.22 и 5.24

А сейчас я перечислю случаи, когда действия водителя зависят от того, находится он в населенном пункте или за его пределами: при выборе скорости (пп. 11.2 и 11.3 ПДД); при пользовании ремнями безопасности (для инвалидов, водителей автомобилей связи, оперативных служб и такси) — п. 3.3 ПДД; при пользовании звуковым сигналом (пп. 8.5 и 8.6 ПДД); при остановке и стоянке на левой стороне дороги с односторонним движением (п. 13.1 ПДД), перед железнодорожными переездами и в местах с ограниченной видимостью дороги (п. 13.8 ПДД); при разъезде с автобусами и троллейбусами, начинающими движение от обозначенных остановок (п. 18.3 ПДД); при пользовании фарой-прожек-

тором и фарой-искателем (п. 19.5 ПДД).

НАЧАЛО ДВИЖЕНИЯ. Ответственный момент, когда водитель обязан принимать специальные меры безопасности. Например, убедиться, что никому не создаст помех, подать предупредительный сигнал. Полностью с этими мерами знакомят пп. 8.2, 9.1, 9.2, 9.8 ПДД.

НАЧАЛЬНИК ДИСТАНЦИИ ПУТИ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ. Важное лицо, которое может в определенных случаях разрешать (запрещать) движение через переезд транспортным средствам с особыми техническими характеристиками. Например, автопоездам, тягачам, везущим нестандартный груз. Об этом говорится в п. 16.8 ПДД.

НЕДОСТАТОЧНАЯ ВИДИМОСТЬ. Определение этого термина дает раздел 2 ПДД. Напомним об отдельных требованиях, вступающих в силу в условиях недостаточной видимости: п. 5.3. ПДД рекомендует пешеходам по возможности пользоваться световозвращающими элементами (прикрепить к одежде); пп. 8.10 и 19.3 ПДД требуют включения габаритных или стояночных огней аварийной, световой сигнализации, а при их неисправности — отвода транспортного средства за пределы дороги; о пользовании противотуманными фарами (наравне с ближним или дальним светом фар) говорится

в п. 19.4 ПДД, а об исключительном пользовании задними противотуманными фонарями — в п. 19.6 ПДД; на необходимость оборудования велосипеда приборами наружного освещения указывает п. 24.3 ПДД; запрещает перегон животных п. 24.9 ПДД, а эксплуатацию транспортных средств с негорящими фарами и задними габаритными огнями — п. 25.6 ПДД; п. 26.14 напоминает об особом обозначении груза, выступающего за габариты транспортного средства; специальной сигнализации у места дорожных работ, а также обозначения оставленных на дороге предметов, машин и т. п. требуют пп. 27.5, 27.6 ПДД.

НЕИСПРАВНОСТЬ. Оправдывает вынужденную остановку в местах, где она не разрешена. Об этом говорится в разделе 2 ПДД. Если вам пришлось сделать вынужденную остановку из-за неисправности автомобиля, вы должны попытаться устранить неисправность, а если это невозможно, следовать к месту стоянки или ремонта с соблюдением мер предосторожности (п. 25.5 ПДД). Однако, чтобы этого не случилось, нужно заранее проверить или испытать машину. О неисправностях, которые могут иметь место и при которых запрещается эксплуатация транспортного средства, можно прочитать в разделах 1—7 Приложения 3 к ПДД.

НОМЕР дороги (маршрута), по которому водитель может выбрать верное направление к цели, описан в п. 5.29.1 и п. 5.29.2 Приложения 1 к ПДД. Есть для этого и соответствующий элемент дорожной разметки (п. 1.22 Приложения 2 к ПДД). Регистрационный номер трамвая, троллейбуса фигурирует в п. 26.4 ПДД.

НОМЕРНОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЗНАК. Обязательно ли устанавливать его на мотоцикле, автомобиле, мопеде, велосипеде? ПДД знакомят с соответствующими нормами в пп. 3.2, 24.2 и 26.3 ПДД. Требование сообщить номерной государственный знак своего автомобиля при доставлении в лечебное учреждение пострадавшего содержится в п. 4.4 ПДД. Запрещение загоразивать номерной госзнак грузом сформулировано в п. 23.2 ПДД, а покрывать его защитными материалами — в п. 26.3 ПДД

В. ЕРЕМЕЕВ,
майор милиции

**Лариса ЗАХАРОВА
Владимир СИРЕНКО**

Лариса Захарова и Владимир Сиренко — авторы детективных романов и повестей, среди которых «Покер у моря», «Пинки-инки» в стиле диско», «Браслет иранской бирюзы», «Внедрен, действует», «Год дракона» В 1991 году вышел остросюжетный роман «Игра легковых», в центре которого схватка разведслужб, дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны

Роман «Петля для полковника» удостоен премии МВД СССР

По роману «Три сонета Шекспира» снимается художественный фильм

Лариса Захарова — закончила Московский государственный университет, работала в редакциях газеты «Труд» и журнала «Советская милиция»

Владимир Сиренко родился в г. Полтава, закончил Ленинградский университет, работал в прокуратуре, на радио, в АПН, он — Главный редактор журнала «Человек и закон»

Много лет супруги живут вместе и растят двух сыновей

I

Ночью погибла Ольга. На рассвете дворничиха Роза позвонила Титовым в дверь, разбудила бабушку и повела Нику во двор, где на замусоренном газоне, под кустом сирени, лежала Оля. Как врач Ника была не нужна. Как подруга.. Ее утешала мысль, что сердце у Ляльки разорвалось раньше, чем разбилась голова. Так часто бывает, когда падают с высоты. Зачем Ляля это сделала?

Бабушка сидела на кровати, свесив голые ноги. Уже все знала. Она покачивалась всем телом, как китайский болванчик, и сокрушенно кивала головой, приговаривая:

— Ляля-Ляля, я ж говорила .. Я знала Лялька — глупая девочка ..

Заметив, что Ника вернулась, бабушка встрепенулась и резко сказала:

— А ты, небось, и рада. Теперь пятьсот рублей отдавать некому. Ишь, хоть бы слезинку проронила Конечно, где ты была, там все слезы высохнут, это точно И родного отца хоронила, не всхлипнула. Думаешь, не помню? Я все про тебя помню. Кто хоронить-то Лялю будет? Может, мне пойти помочь?

— Пойди,.. — отозвалась Ника, стоя уже в передней Надела плащ и косынку и пошла из дома Как всегда, в семь. И ни минутой позже. «Господи,— думала она, торопясь к метро,— за что бабка так меня ненавидит? Из-за нее я нигде не бываю, я

за ней смотрю, все для нее делаю. Прежде хоть к Ляльке можно было подняться — душу отвести. А теперь?» — и Ника подумала, как же она будет теперь без Ляльки. И у кого теперь перехватывать деньги.

С утра, на удивление, пациентов было мало. Ника отправила медсестру Наташу в магазин за молоком и булочками, заперла кабинет и подвинула телефон поближе.

— Леночка, это я. Посмотри еще раз анализы Красновой Ольги Михайловны. Это точно? Совершенно точно? Спасибо. Конечно, она волнуется, а ты как думала. Значит, ничего нет. Все, спасибо.

Дома словно ничего не изменилось за день. Бабушка, все так же босая, неодетая, сидела на кровати. Только уже не покачивалась, а горько плакала.

Да что же это такое! С чего? Бабка Лялю терпеть не могла. Шлюха, прости господи, давалка, — вот что такое Лялька для бабки.

— Самое главное, — всхлипнула бабушка, — самое главное. Никто обо мне не помнит, а вот Лялечка помнила. Помнила на пороге смерти, — и вдруг слезы на ее лице почти высохли, и она спокойно, даже с нотками деловитости в голосе, закончила. — Звонил покупатель от Лялечки Сысоев Анатолий Петрович. Послезавтра он будет в Ильинке с пяти до шести вечера. Ты отпросишься, Ника?

У Николь упало сердце. Впрочем, ей давно пора быть к этому готовой. Ничего не изменишь. Она вышла на балкон, закурила, хотя делала это редко. Посмотрела вниз. Как Лялька могла!

«Зачем, зачем? — не понимала Ника. — СПИДа не оказалось. А может быть, ей просто все надоело? Вот мне давно все надоело, и ей могло надоест. Но я же не бросаюсь вниз... Хотя. Может быть, даже было бы лучше. Ни бабки, ни долгов, ни воспоминаний. Ни-ка-ких. Это же блаженство! Фу, — Ника отстранилась от перил, — упрямое наваждение, пошло прочь! Надо жить. Потому что существует у человека такая обязанность».

II

Сухоручко и Большаков знавали в Москве два-три заведения, не до конца утратившие послевоенное очарование плюша и пальмы. Особенно они уважали маленький ресторанчик в старом парке и знаменитые «Бега». В первом — всего двенадцать столиков, днем — никого лишнего. А на «Бегах», как на бегах, люди, лошади. Там маму родную не найдешь и в лицо не узнаешь.

Лапина пригласили в ресторанчик в парке. Объяснили, как найти, заблудиться не должен. Разговор предстоял основательный, к тому же Большаков не очень верил, что с этим

голове закипела каша, настоящая латышская путра, куда положено сыпать помаленьку всякой крупы, что найдется в доме, можно добавлять мясо, картошку, рыбу, очень, кстати, выгодное блюдо по нынешним временам Сумятица нынешних идей, мнений, суждений — та же путра. Только путру не всякий съест.

Игорь не раз наблюдал физиономии гостей Балтии, когда перед ними ставили горшочек с варевом даже в шикарных ресторанах Рижского взморья

— Сколько мне будут платить? — решил уточнить Игорь. Ведь связался он с Сухоручко только из-за обещанных хороших денег. Бедность замучила. Башмаки нужны. В старых уже нельзя ходить. А для любого прибалта обувь — это все. Ноги должны быть в тепле и сухости. Башмаки же нынче только по коммерческим ценам...

— Оклад, остальное — сдельщина, в зависимости от сложности задания, — ответил Большаков. — Будешь доволен, — и кивнул официантке, чтобы несла горячее

«Его нужно будет сразу обратить в дело, — думал он о Лапине — И притом среди бела дня, под угрозой появления спецназа. Сразу определим, на что способен, как головка шурупит, сколько процентов чувства самосохранения реализуется. Говорят, Толик кому-то что-то презентовал не то в райисполкоме, не то аж в Моссовете, и поэтому никак не решается наш вопрос. Значит, надо Толика наказать. Конечно, риск велик. Но оправдан ли этот риск?» Утешало, однако, знание американской истории. Там тоже, между прочим, всякое крупное состояние, всякое мощное дело имело в основании своем и преступления, и жертвы, и спекуляцию, и чего только не имело. Однако двухсотлетняя демократия позволила все темное подзабыть. Жаль, русская память крепкая. У нас так и норовят помнить все дурное, призвать за него к ответу хоть и по истечении всех сроков давности. Нет, верно говорит «комдив»: самый верный путь — это путь Хаммера. Поймал золотую рыбку в мутной водице — и в сторону, не зарывайся, ил засасывает. Вспомнив о «комдиве», Большаков вспомнил и о времени. Макс обязательно захочет посмотреть на новенького. И смешно же мальчишки прозвали Макса — «комдив». Вообще не очень подходит Макс — босс, патрон. Макс же стал еще подозрительнее, чем прежде, когда постоянно проживал здесь. На слово не верит. Во всем должен убедиться лично, руками потрогать, в глаза посмотреть. Может, чтобы там спать спокойнее, не переживая за происходящее тут. И ждать он не любит. Надо ехать.

Напоследок под сладкое выпили еще шампанского. Тут-то Лапин и согласился. Практически на все. Он долго и сумбурно силился объяснить, почему принимает предложение, пытался выдвигать собственные условия, что казалось ему самым важным, и он несколько раз допытывался у Сухоручко,

принимаются ли его условия Сухоручко советовал плотнее закусывать и подсовывал приторный шоколадный торт

Потом сели в такси, которое стояло прямо в парке, возле служебного входа в ресторанчик Сели и поехали

Дорогой Игорь немного вздремнул, потому что его память четко зафиксировала только два момента: посадку в такси и широкие красивые двери потрясающе огромного, похожего на крепость, дома Его провели к замысловатому лифту через круглое, очень странное помещение, похожее на базилику католической церкви, с росписью по потолку и стенам, только вместо святых — ударники производства и колхозники сталинской поры. Пьотом он оказался еще перед одними дверями — такими же шикарными. Они раскрылись, как волшебный Сезам, сами. И его затолкали в большую квартиру Таковую большую, что только сделай шаг через порог, это сразу видно: двери, двери, стекла, витражи. . Чисто автоматически Лапин толкнул одну из дверей Комнатка за ней была маленькая, уютная, с манящей оттоманкой между книжным шкафом и зашторенным окном Игорь сразу лег, забыв закрыть за собой дверь, и вырубился

Но вдруг он почувствовал, что над ним кто-то склонился Он силился открыть глаза, но веки не разжимались, и поэтому он блаженно заулыбался, будто старался понравиться человеку, который рассматривал его. А голоса начали слышаться явственно

...Макс с тщанием поддевал шарф под замшевое пальто от Кардена — Москва не Париж и даже не Ванкувер. Холодно. А кроме того, под просторной одеждой легче скрыть одну существенную деталь туалета: бронежилет. Вот и вырядился как пижон. Он смотрел в зеркало и слушал — Большаков досказывал детали:

— . . и пьет, как лошадь, но крепок. Хотя в пьянстве не замечен. Шаткость положения матери мы учли Привяжем его не только деньгами, пообещаем прописку, хату, воссоединение семьи, все как полагается. Он сентиментален.

— Поэтому бросайте его только в сухие атаки. Большой, сильный и красивый... как этот, у них, как его... Ну, герой их эпоса?

— Лачплесис, — подсказал Большаков.

— Вот именно Тот, помнится, дракона из чисто идейных соображений освеживал. Вот пока вы и подкидывайте ему идеи, укрепляйте в вере в справедливость и чувство долга. И деньги подкидывайте, как надо, не жмитесь. Я таких люблю, не хотелось бы сразу терять Завтра возьмите его на рынок, а если он наложит в штаны или хуже — попытается улизнуть, ликвидировать немедленно. И дело с концом.

Сказав так, Макс оглянулся. Чисто интуитивно.

Прямо на него из полутьмы смотрели два огромных со-

вершенно голубых глаза. Очень испуганные, безобразно жалкие

«Сломался», — отметил Макс, но не порадовался, ему вдруг стало жаль чего-то ценного, что он хотел бы приобрести вместе с этим парнем. Да вот только что?

III

Утром пришлось идти к главврачу. Потому что Ника захотела не просто отпроситься с утреннего приема, а уехать в Ильинку на целый день. Кто бы знал, как она устала! Конечно, со стороны глядя, с чего ей уставать? У нее нет, как, например, у старшей медсестры, мужа-кузнеца и трех взрослых сыновей, которых надо кормить и кормить, то есть стоять в очереди и кормить, а потом снова бежать в очередь. У нее нет, как у физиотерапевтики Леночки больного ребенка, с которым нужно постоянно мотаться по специалистам, подыскивая новых консультантов-светил. И вообще, считается, Титова — одинокая. Что такое бабушка? Бабушка не в счет, как однажды пояснили Нике в одном официальном учреждении. Бабушка не прямая родственница Дальняя, получается. Но все равно, она жутко устала. Хотя бы от самой себя. От монотонности, одиночества, склок и стычек.

Ника не стала выдумывать никаких чрезвычайных обстоятельств. В конце концов вся жизнь — сплошь чрезвычайные обстоятельства, одно к другому тесным рядом. Она рассказала главврачу Татьяне Михайловне все как есть. Про бабкиного покупателя, отсутствие денег на бензин и про то, что дом-то надо хоть немного привести в порядок, коль собрались человеку его показывать. Татьяна Михайловна все поняла в одно касание и разрешила написать заявление. Подмахнув бумажку, сказала

— Смотри в оба. Чтоб покупатель тебя не надул. Не про- дешевеи

Ника подумала, что все равно выше той цены, на которой настаивает бабка, не запросить. Невозможно. И будет странно, если покупатель вообще согласится на эту цену. Ника представить себе не могла, чтобы у нормального советского человека было сразу столько денег, даже если он лауреат или работал за кордоном. Даже если он кооператор или вор. Но этого она, конечно, Татьяне Михайловне не сказала, потому что сын Татьяны, Никин ровесник, уже председатель медицинского кооператива и, говорят, недавно купил «Мерседес». Правда, подержанный. Ника в это не слишком верила. Про тех, у кого заводятся деньги, всегда много болтают. Ведь болтали же про нее

Счастливая, Ника уже собиралась покинуть гостеприимный кабинет, но нельзя же уйти молча, и она сказала звенящим голосом.

— Татьяна Михайловна, миленькая, я сколько хотите от-
дежурю, в любые праздники, на гриппе, где надо

Та только рукой махнула

— Не заверяй . Я тебе и так верю, солдатик ты мой

И Нике вдруг показалось, что лицо у Татьяны Михайловны, обычно такое строгое и значительное, вдруг смягчилось и стало домашним.

Ника вышла из электрички, прогулялась по родной своей улице Поленова, знакомой до последнего усохшего куста, и, когда толкнула калитку из серого, давно не крашенного штакетника и прошла через участок к дому, ощутила необычный восторг и безграничную любовь к полустанку, к расквашенной серой дороге, к разномастным заборам, покосившемуся крыльцу своего дома, протекающей крыше, к треснувшему стеклу в оконце второго этажа, к каждому цветному стеклышку веранды, ибо только так и можно любить родные места, родной дом. Теперь к ее любви, может быть, единственной, еле живущей в душе, прибавилась тоска скорой разлуки, которая, как известно, обостряет чувство Ника села на сыроватое после вчерашнего дождя крыльцо, обняла склонившийся к ступенькам ствол рябины,— когда сажали, не думали, что сильно разрастется,— и заплакала от умиления и жалости к себе Никто не увидит ее здесь, и можно, наконец, не сдерживаться. И это, это последнее — дом судьба решила у нее отнять! Плача о доме, Ника плакала о матери, об отце, о бабушке, о бабке — никого, никого, ни живых, ни мертвых, уже не вернуть в ту жизнь, которая текла здесь когда-то — нормальная, самая обыкновенная жизнь семьи, в которой было все, что нужно каждому человеку. И не разбейся эта жизнь вдребезги, и она, Ника, была бы другой, жила бы иначе, и не нужно было бы ей, молодой, сильной, умной, даже красивой по-своему, по-своему талантливой, оплакивать в одном ряду покойников и отступников и себя безысходно и горько. И пока электронные часы с музыкой — сингапурская штамповка, дешевка, но Нике они нравились и она их носила — не проиграли начало моцартовского турецкого марша, напоминая, что жизнь идет и надо двигаться вместе с ней, она горевала, борясь с воспоминаниями. Надо, однако, встать, открыть дом, навести хоть какой-то порядок в комнатах, чтоб не разило бедностью и заброшенностью Надо готовиться к встрече ЭТОГО. Ника принялась за дело. Истопила печь, развела камин, чтобы прогреть дом скорее. К пяти.

Но и в шесть Сысоев не явился Прошел еще час. Ника разозлилась и пошла разогревать тушенку и варить макароны Какое ее дело, что он запаздывает Торчать тут голодной по его милости она не намерена В конце концов она не так уж и нуждается в этом человеке, чтобы поджидать его, кусая губы от нетерпения. А точность — вежливость королей И уж коль ты та-

кой по-королевски богатый, коль готов выложить жуткие деньги, будь и вежливым... Эту и более едкие фразы она готовила к первым минутам встречи

Ника с большим вниманием посмотрела «Спокойной ночи, малыши». Закурила для полного своего удовольствия сигаретку из последнего заветного блока «Мальборо», который специально держала здесь, на даче, и встала с кресла, чтобы переключить телек на первую программу, на «Время», и именно в эту минуту ей показалось, что она в доме не одна

IV

Москву Игорь знал плохо, ему было трудно понять, куда его везут. Приехали к рынку. Лапин успел прочесть надпись над железными воротами «Колхозный». С этой минуты начался жуткий сон.

От кошмара всегда есть надежное средство — проснуться и, если сумеешь, перекреститься, воззвав к Силам Небесным. Но Игорь проснуться не мог. Он не спал. А в подсознании сидело: если воспротивиться, могут убить, как сказал тот человек в красивом замшевом пальто. И поэтому лучше не искать границы между кошмарным сном и кошмарной явью.

Их явно ждали. Как только Игорь и Сухоручно прошли сквозь ворота, дюжие мужики в грязных белых халатах с отсутствующим видом закрыли чугунные створки и набросили объявление: «Санпрофилактика». Игорь заметил, как из павильона повалил недоумевающий народ. Мужики в белых халатах бойко выпроваживали покупателей, указывая на какие-то баллоны, там и сям слышалось слово «дезинфекция» и еще одно, нагоняющее ужас, — «дозиметрия»... Продавцы рынка очумело смотрели на происходившее, бойкие бабоньки приставали с вопросами. Кое-кто начал поспешно убирать товар. «Санитары» заперли оба выхода из павильона и сбросили халаты. Они встали шеренгой в позах боксеров, готовых к схватке. Игорь невольно оглянулся. Оказалось, он сам стоит точно в такой же шеренге, пересчитать сотоварищей не успел, понял их слишком много, чтобы улизнуть, пока не поздно. Сухоручко толкнул его в спину, скомандовал:

— Усатого, в ушанке, в бочку! Чтоб навсегда забыл сюда дорогу! — а сам бросился на мужика, в предчувствии беды спрятавшего голову в картофельное ведро..

Игоря охватил какой-то странный, неведомый прежде кураж. Будто темная кайнова сила, побежденная цивилизацией, вдруг проснулась в нем, помрачила сознание. Те, кто стоял рядом, те, кто был в противостоявшей шеренге, уже бежали, прыгали, кидались на растерянных, перепуганных людей. Раздался крик, вой, визг, плач, стенания. К потолку полетели помидоры, картошка, яблоки, по полу потекло молоко, застучала, подскакивая, фасоль, шлепнулся творог. Игорь едва не упал, поскольку

знувшись на сметане В броске краем глаза он видел, как на бабах помоложе рвут платя, будто намереваются насилловать, как кто-то прячется за мясной тушей, как повис в воздухе топор для рубки мяса

Усатого в клеенчатом фартуке Игорь схватил поперек живота, приподнял над полом и с лету окунул головой вниз в бочку с огурцами, в рассол, на большее его неразвитое, а в этот момент будто сонное воображение оказалось неспособно Мужик дергал ногами, исходил судорогами Игорь держал крепко, только приходилось уворачиваться, чтобы тот не заехал сапогом по лицу Игорь думал, что надо держать, пока не захлебнется, а вдруг помрет — и было жутко, самого себя страшно: держит кошмар, не проснуться.. А разум восставал — на яву такого не бывает, не должно быть. И не с ним это.

В темном углу истошно верещала девчонка — ее насильовали Она вырвалась, побежала, скрючившись, приговаривая: «Мамочки, ой, мамочки.»

Ее причитания оказались сигналом отбоя. Топор, поднятый над мясником, отлетел к стене. Бабы похватались за голые груди и полезли под прилавки Игорь понял: хватит. Выдернул мужика из бочки, поставил на ноги Тот моргал, с усов свисала укропина. «Ой, напивси..» — прошептал он, развернулся, хотел врезать Лапину по физиономии Игорь увернулся и заехал мужику по челюсти так, что тот снова повалился на свою бочку

— Слушайте, господа торговцы,— заговорил кто-то в мегафон, Игорю показалось. голос Большакова.— Больше ни вы, ни ваши перекупщики не должны пересекать порога этого рынка В Москве для вас площадок немало Тем, для кого сегодняшней урок пройдет даром, напоминаю: жизнь одна, и ее бывает крайне легко потерять Всего хорошего, господа купечество

Дверь павильона разом растворилась, и толпа дюжих мужиков двинулась к выходу. Побежал и Игорь, поражаясь глупой простоте, примитиву насилия, его бессмыслице И никто даже не сопротивлялся! Вон какой дюжий красавец кавказских кровей подбирает раскиданные мандаринчики. Неужто боялись, что будут стрелять? А ведь действительно, наверное, могли стрелять, Могли, да, могли, теперь все можно По Риге маршируют фашистские последыши в серой форме, в Москве гуляют организованные бандиты

Машину Сухоручко поставил в каком-то дворе Игорь думал забежать во дворик, но Петька потянул его к остановке троллейбуса, заставляя идти спокойно, не привлекать к себе внимания.

Прыгнули в первую же подошедшую машину Но на следующей остановке вышли

— Нам нужна «девятка»,— сказал Сухоручко — Теперь еще одно дело в Останкине, и на сегодня — шабаш

— Слушай, объясни, что к чему. Так же нельзя, просто ничего не понимаю.

— А не бери в голову. Помни только одно: если надо, значит, надо Милок, за всеми этими мандаринами и огурцами такая большая игра, что не наших мозгов это дело, клянусь тебе. Тебе платят по высшей ставке — ты выполняешь задание. Вот и вся логика, вся соль. И не засоряй голову

— Нет, объясни

— Ну, есть такой человек, — нехотя сказал Сухоручко, — который контролирует рынки. И все «купцы» платят ему дань. Он сделает с ними похуже того, что мы, если они зажмут хоть центик

— Директор рынков?

Сухоручко весело расхохотался:

— Короче, этот мужик нам мешает, не отдает рынок. Хотя есть все бумаги, чтоб этот рынок вообще снести, а на его месте строить наше предприятие. Моссовет подписал. Но в городе есть власть посильнее. С ней и боремся. Так что, если ты сечешь, что эта власть гангстерская, считай: мы делаем благородное дело. Вот ты дал дома в зубы мужику в эсэсовском мундире. Мужик получил средние телесные. Ты ж, когда на него кидался, понимал, что кидаешься на противника? Иначе бы не кинулся, верно? И дела в милиции на тебя бы не завели, и в Москву тебя бы мать не отправила спасаться... И вообще, не дури. Делай, что велят. Сейчас поедем к любовнице того мужика, который рынки некоторые держит... Ее надо хорошо нашарашить.

— Что?

— Напугать. Эта баба потом в доходчивых выражениях объяснит своему постельничьему, что мы от него желаем и что связываться с нами не следует.. А если эта мера не поможет, придется прибегать к крайним. Что не хотелось бы. Мокрое дело — штука неприятная. Поэтому и взвесь, Игорек, что к чему и какова твоя ответственность за результат, и какая должна быть изощренность и изобретательность, чтоб нам потом не пришлось ждать мужика в темном переулке с наганами. Понял, в чем соль?

Подошел «девятый» троллейбус

— Слушай, Петро, а как я попаду к той бабе?..

Игорь надеялся, что из мероприятия может ничего не выйти. Ну, например, женщины дома не будет или она дверь не откроет. Зачем ей открывать дверь незнакомым людям?

— Все предусмотрено, — бросил Петька, явно не склонный к дальнейшим объяснениям. — А детали по пути растолкую.

Вышли они на конечной. Лапин заметил, что посадки здесь нет. Остановка дальше, и там стоит довольно приличная толпа. Сухоручко довольно долго вглядывался в эту толпу, выругался, замер. Лапин огляделся. Забор в сталинском стиле, чугунная резная решетка, за забором — увядающая густая растительность. Прямо — двор кирпичной пятиэтажки, такой грязный, что и вообразить невозможно. Мало того, что не мощеный, не метеный, на него будто содержимое помоечных контейнеров вывалили

и сто лет не убирают. А через небольшой просед — чинно чистенькая гостиница, явно интуристовская. Словом, Москва — город контрастов.

Насмехаясь над столичным градом, Лапин не заметил, как от гостиницы к ним навстречу пошла женщина. Не молоденькая, но еще молодая и ладная, в дорогом меховом полушубке. Так сказать, одета не по погоде, а по сезону. Сухоручко крикнул, помахал ей рукой. Подходила она с улыбкой.

— Привет, — сказал женщине Сухоручко.

Шли они гуськом и молча. Женщина — посреди, будто под конвоем. Шли дворами, такими же жутко грязными, как и тот, что первым бросился в глаза. В Риге таких дворов не существует. Уж за это Лапин мог поручиться.

Как он скоро понял, они добрались до конца улицы, впереди за последним домом он разглядел железную дорогу. Видно, улица упиралась в тупик. Опять заплеванная двор, такой же вонючий подъезд. Неужто этот рыночный «сверхдиректор» не мог свою бабу поселить где получше? Был бы Лапин на его месте. его принцесса жила бы напротив Кремля. Иначе к чему рисковать, грабя и убивая, обогащаться? Вся улица в серых пятиэтажках, как во вшах.

Поднялись на пятый этаж. Последний.

— Ну, все, — вдруг сказал Сухоручко — Держи, Игорек, — он протянул ему моток клейкой ленты «скотч» и нож десантника. — Действуй, но не пережми. Я рядом, — и он начал спускаться по лестнице.

Лапин встал сбоку двери. А женщина в меховом жакете — прямо под «глазком». На ее звонок долго не отзывались. Лапин понадеялся, что хлопоты напрасны, но замки с той стороны двери уже защелкали. Дверь приоткрылась, и из-за нее раздался удивленный возглас:

— Зойка, ты чего?..

Лапин метнул свое тело прямо на Зойку в меховом жакете, втолкнул ее в квартиру, и сам буквально влетел туда. Схватил хозяйку за волосы, прижал голову под мышкой и заклеил рот «скотчем». Наводчица пронзительно вскрикнула. Тогда он другой рукой уцепился за ее меха и втолкнул в ближайшую дверь. Оказалось — в туалет. Пригрозил:

— Пикнешь — убью!.. — и показал десантный нож, который поднес к подбородку хозяйки, конечно, убивать не собираясь. Он и представить себе не мог, что сможет себя преодолеть настолько. — Не дергайся, — предупредил, чтоб выглядеть все же грозно; задание же надо выполнять, чтобы потом, действительно, не заставили убить «сверхдиректора». Женщина пыталась вырваться. Она дико вращала глазами и хрипела. Пришлось заломить ей руки за спину и обмотать кисти «скотчем». Потом, как велел Сухоручко, бросил ее в ванну и связал по ногам. Теперь самое время поговорить.

— Или я тебя утоплю, как кутенка, — он потянулся к кра-

нам,— или слушай — Женщина от ужаса забилаь, извиваясь всем телом — Твой этот — начал Лапин, не узнавая собственно го голоса

И примолк Он услышал, что открывается входная дверь Один замок щелкнул, второй начал поворачиваться Он помнил успел дверь закрыть ногой и плотно, собачки замков ухнули залпом У Сухоручко нет ключей, не может быть Значит, пришли Значит, влии! Быстро — ванную на щеколду и в комнату Он заметил там хорошие длинные портьеры, балконную дверь Она была приоткрыта Комната была небольшая И Лапин мгновенно увидел темный угол между мебельной «стенкой» и окном, столик с телефоном. Спрятался

Он не мог видеть, кто вошел, только по шагам понял, что двое Услышал негромкий, несколько обескураженный голос — Галь, Галя.. Где ты?

— Может быть, она еще на работе? — человек говорил с восточным акцентом.

— Пойди позвони.

Лапин автоматически отметил, что сидящая в туалете наводчица не подает признаков жизни.

В комнату зашел молодой черноволосый человек в кожанке. Он уверенно направился к телефону. Хотел снять трубку, невольно вскинул глаза и... увидел Лапина Доли секунды они смотрели друг на друга, глаза в глаза. Черноволосый открыл уже рот, чтобы закричать, но Лапин бросился на него мягким кошачьим прыжком; одну ладонь на рот, другую — на гортань, потом голову подмышку и резко дернул её вверх. Черноволосый рухнул мертвым. Лапин снова забился в угол.

— Армен, эй, Армен, ты чего притих?

Чем это занят обладатель хриплого баритона, что медлит, не входит?.. Если бы Лапин был уверен, что он еще немного протянет, занятый чем-то в кухне, он бы выскользнул на балкон и... все.

— Армен, говорю, помоги... — и только когда Армен не отозвался вторично, раздались шаги, и в комнату зашел немолодой, сорока с небольшим, представительный мужчина в хорошем английском костюме. Не иначе — сам «сверхдиректор». «Да мне памятник моя шобла поставит... и загранпаспорт выпишет.. » — какое-то бешеное ликование охватило снова Лапина. Как на рынке. Ликование и кураж. Он сейчас единым взмахом решит все вопросы Он всегда хорошо бросал нож. Возьмет с Сухоручко аккордно... много-много .. и все. И больше ни-ни .. Второй раз не везет, везет только новичкам... Это закон.

Попадание было точным. На светлую шерсть пиджака поползла с шеи толстая темная струя Что-то булькнуло, и человек упал. У него только чуть дернулась правая нога. И все

Игорь зажмурился, сжал кулаки, словно крепился изо всех сил, вышел из укрытия. Распахнул пиджак «сверхдиректора», ощупал карманы. Ничего интересного Кроме, пожалуй, удосто-

верения Начальник строительного-монтажного управления Сысоев Анатолий Петрович А при чем тут рынки? Впрочем, верно говорят, неважно, где и кем работать, важно, как устроиться Что еще? Сигареты «ТУ-134» Неужто на табаке экономил? Неужто американские в коммерческом не мог купить? А вдруг Петька наврал, и никакой он не рыночный воротила?.. Не гангстер... Да и наличности в бумажнике не густо — всего триста шесть рублей. Прирезал не того из страха, под горячую руку? Только этого не хватало!.. Может, записная книжка поможет разобраться? Лапин полистал, полистал: ничего, кроме записки, достойного внимания не обнаружил. Записка свежая, не мятая. И тоже так, ни то, ни се: «Пос. Ильинка, ул. Поленова, д. 31, 22 сентября от 17 до 18 Анна Павловна Титова». Адресок. Ладно А что в кожанке у черноволосого?

У черноволосого обнаружилось удостоверение беженца на имя Оганесяна Армена Тиграновича, макаровский пистолет, тысяча семьсот рублей и полтысячи долларов. Лапин понял, что Сухоручко не врал. У честных трудяг долларов и пистолетов не водится. Рядом с трупами валялся кейс. Замок сломался легко. В кейсе лежал холщевый мешок. Лапин взял и удивился его весу. Развязал. Оторопь взяла. Ну, был он однажды дитем с матерью в Алмазном фонде, был. И там такое видел. А как это может тут находиться? Бриллианты, изумруды, рубины... Серьги, кольца, кулоны, браслеты, медальоны. Как это все вяжется с жутким домом, маленькой квартиркой? С грязной улицей, глухой окраиной, вонючим подъездом? Неужели это богатство Сысоев нес этой бабе? Такие подарки разом? Добра хватит, чтоб растянуть на всю жизнь, на все праздники, включая профессиональные. Да нет, конечно, это не в подарок принесено. Ну, выдал бы он ей колечко, и будя. Он сюда эти штуки на хранение нес. Значит, здесь, в квартире, есть еще кое-что. Лежащие на дне кейса пачки долларов уже не производили на Игоря впечатления. Тем более пачки советских рублей, хоть и штук тридцать, не меньше, все сотенными и пятидесятками. Еще Игорь увидел набор отмычек. Похоже, для автомобилей разных марок.

Игорь взглянул на часы и поразился. В этой квартире он всего. . пятнадцать минут. А кажется, вечность прошла. Посмотрел в окно. Скоро должно начать смеркаться. Дождаться темноты и дать отсюда ходу, а пока тут можно еще поработать.

Стянув с Сысоева окровавленный пиджак, Лапин зашел в ванную. Баба эта, Галина, так и лежала, ноги посинели от холода, лицо почернело от страха. Глаза вот-вот из орбит вылезут. Щитовидка, что ли, в одночасье сыграла? И вдруг выпученные глаза закатились. Сознание потеряла? Значит, поняла, что другу вечная память.

Лапин быстро привел ее в чувство, пустив в лицо струю холодного душа под самым сильным напором. Она застонала жалобно.

— Я тебя живой оставлю, если скажешь, где тайник,— спокойно проговорил Лапин, хотя его трясло и даже немного мутило

Галина вскинулась, попыталась закричать и, вроде, опять отключилась. Но по дрожанию век Лапин понял: симулирует, да еще и за ним подсматривает. А та, в туалете, наверное, действительно в отрубе. Молчит!

— Хватит, а то кипяток пушу... или. .— он огляделся, увидел на полочке щипцы для укладки волос,— или щипцы тебе в одно место раскаленные вставлю! Будешь отвечать на мои вопросы! Кивком головы — да или нет. Тайник в кухне? В комнате?

Отрицает, замотала головой.

— На балконе? В ванной? В унитазе?

То же самое.

— Не знаешь? Это хочешь сказать?

Кивнула.

— Тебе не показывали? Сама не искала?

Кивает

Ладно. Не убивать же ее. Женщина. И зачем? Если надо дойдет до следствия, ей, самой повязанной с гангстерами, молчать и молчать. Так что не бог как опасна. Для устрашения Лапин все-таки воткнул щипцы в розетку. И пошел искать.

Простукивал, прощупывал, заглядывал. Но ведь должен же быть смысл тащить эти ценности именно сюда! И потом... Этот, с удостоверением беженца, бандюга с большой дороги, сразу, едва порог переступил, побежал к телефону. А его командир в кухне застрял. Значит, особенно тщательно надо искать в кухне.

Так.. Что тут может быть интересного? Ну, полки. Ну, какая-то фиговина, на передней панели написано «Центр». Нажал на кнопку, выкатилась каретка-тумбочка с разными приспособлениями. Кофемолка, мясорубка. Может, у тумбочки второе дно? Повертел, постучал, попытался разобрать. Железка, даже не полая. Негде прятать. Дальше. Холодильник. Опять мимо. Столы, стены — все ерунда. Нашел отвертку, снял верхнюю крышку электроплиты, вспомнив, что между нею и духовкой довольно объемное пространство. В армии тоже были электроплиты, приходилось чинить. Странно, но плита производила такое впечатление, что ею почти не пользовались. Хотя.. Одинокой женщине мало надо. А мужик ее по ресторанам водил. Вытяжка. Тоже лоханка ничего себе? Возни с ней много, но ничего, еще не стемнело, время есть.

Игорь с трудом снял коробин со штанг. Дома приходилось это проделывать, когда мама заменяла уголь или стирала прокладки, но их вытяжка была явно легче. Игорь насторожился. Осторожно снял крышку, поднял прокладку и замер. Вместо активированного угля на прокладке из банковских пачек, сплошь сторублевок, лежала куча золота. Именно золота. Уже

не кольца, серьги, браслеты, но и не слитки. Монеты царской чеканки, а в основном золотой лом. Приглядевшись, Игорь понял, что, видно, покупали малоценные вещи и утрамбовывали, чтоб компактней хранились. Или легче вывозились. Отдельно лежали цепочки. Просто королевские, с палец толщиной. Так и подмывало взять и нацепить одну. Кураж не покидал его. Он был готов расхохотаться, чувствуя себя обладателем несметных сокровищ. Золото и деньги он ссыпал в мешок с драгоценностями, деньги уложил в кейс, сноровисто собрал и водрузил на место вытяжку. Теперь, если уголек достанут, снова смогут пользоваться. А то ведь, конечно, не включали. Думали, навеки сломана. Лапин даже представил себе, как хозяйка приставала к любовнику, чтоб свез в ремонт, а он отнекивался. Да нет, знала она все, прекрасно знала, такая вот железная баба. Свою задачу выполнила, тайну сохранила. Теперь Игорьку Лапину нужно свою задачу решать: вместе с тайной в обстановке строжайшей секретности дать отсюда тягу. И задача эта совсем не проста.

Наверняка Сухоручко видел, как Сысоев с телохранителем сюда вошли. «Значит, Петька считает меня трупом,— подумал Лапин.— Но, может, и надеется. Значит, может и ждать до сих пор. Но вывалиться в объятия Петьки с этим?..» — Лапин понял, что этого, взятого с бою, на штык, спасая свою шкуру, он не сможет отдать никому. А Сысоев только с одним охранником перевозил свое состояние? Сомнительно. Должны быть еще люди, должны быть! Игорь толкнул балконную дверь, выполз на балкон, осмотрел окрестности. Лес — очень хорошо, но, с другой стороны, самое удобное место для засады. Двор — совершенно пустой. Детский сад — это не в счет. Дорога... Две черные машины. С людьми или без людей, не видно. Совсем рядом с балконной решеткой пожарная навесная лестница. Вот с чего они не сводят глаз, охранники! И с подъезда, само собой.

Уполз обратно в комнату. Нужна хорошая бельевая крученая веревка. И нужна черная маскировка. Где взять? Игорь начал рыться в шкафу-стенке. Ничего путного, только пятьсот рублей и черные колготки. Деньги он брать не стал. Колготки бросил на пол. Нашел еще черные спортивные штаны. Черный плащ. Плащ, конечно, мал донельзя, но приспособить можно.

Еще раз осмотрел убитых. Прихватил пистолет — в его ситуации вещь полезная. Вспомнил про записочку. С какой стати в ней указано сегодняшнее число? Что это может быть за записочка, зачем она Сысоеву? А вдруг это адрес, где хранится основной капитал? Надо проверить. Если удастся завладеть всем. Это же... даже страшно поверить и представить... Это же... Свобода! Хоть тут, хоть там. Он уедет. На все четыре стороны. Язык он знает. Очень прилично знает английский, так и сяк немецкий. Все-таки в Латвии вырос.

А сейчас нужна веревка. Опять придется топтать в ванную. Галина затряслась в безмолвных рыданиях, как только увидела его. Он махнул ей рукой, мол, не трону, лежи спокойно. Снял

бельевую веревку Длинная, хорошая веревка Пошел на кухню Порыскал по ящикам, нашел шампуры для шашлыков Пять минут работы. Крюки вышли что надо Теперь переодеться в черное и по-пластунски — вперед! Штаны трещали по швам, но трикотаж растянулся, влез Накинул плащ на плечи и завязал на шее рукава Колготками замотал голову. Сквозь ажурные выкрутасы видно неплохо

Как же повезло, что этаж последний! Вережка быстро и легко закинулась на крышу. Крюки посздили, поелозили, но уцепились надежно. Лапин отлично лазил по канатам, этого у него не отнять. Сейчас он заберется на крышу, а спускаться надо будет с торца дома Именно эта сторона не видна ни со двора, ни с улицы А если засада в лесу, то вряд ли его ждут с крыши, скорее всего за входом в дом

Хорошо закрепил крюки за край кровли и начал спуск. Ручку кейса держал в зубах. Челюсти ломило, но терпел На секунду стало страшно, когда понял, что пора прыгать. Важно обрезать веревку самому, чтоб потом ее конец не бросался в глаза. Полоснул ножом веревку, сгруппировался, упал удачно Прополз метров двести, над головой закаркала ворона. Игорь невольно поднял голову и обнаружил, что очутился на территории детсада. Можно снимать маскировку. И идти смело, абсолютно независимо. Двигаться и все. Без задних мыслей. Хорошо бы, конечно, снять «стражу на Рейне»... И тут его осенило.

Он увидел магазин. Значит, раз есть магазин, должен быть телефон-автомат. В Риге, по крайней мере, так. Однако будка оказалась не у магазина, а у дома напротив, последнего дома улицы, стоящего к проезжей части фасадом. И это к месту, отметил Лапин. Направляясь к будке, он прошел мимо «Волги», водитель которой дремал, откинувшись на спинку сиденья. Лапин зашел в будку автомата и набрал 02.

— Улица Малая Садовая, дом восемнадцать, квартира двадцать восемь... Случилось что-то ужасное. Убийство, наверное, там стреляли... Кто я? Я к соседям заходил. Но моих друзей не было дома, а выстрелы я слышал четко именно из указанной квартиры. Фамилия моя... Королев Сергей Павлович . Я не москвич, извините, проездом.. — и повесил трубку.

Из будочки — сразу в подъезд, в ближайший. Встал к окну на лестничной клетке второго этажа и принялся ждать

Сирены завопили минут через семь Черная «Волга» мигом рванула с места, словно у нее стоял мерседесовский движок. И не навстречу милицейским машинам, разумеется, — во двор запетляла.

Потом Игорь увидел, как на дорогу выбежал откуда-то Сухоручко. Появились еще ребята. По знаку Петра бросились врассыпную. Ну вот, теперь все ясно.

Под милицейскую суету Игорь спокойно дошел до гостиницы, занял очередь на такси. Купил в ларьке газету и читал, пока не сел в авто. Будто между прочим спросил у шофера, как попасть

на станцию Ильинка. И тот довез до Казанского вокзала. У него заканчивалась смена, за город ехать он не хотел.

В камере хранения Лапин нашел свободный шкафчик-автомат, набрал пятизначный номер замка — номер квартиры и дома, в которых жил с матерью в Риге. Кроме него, комбинации этих цифр не мог знать никто

V

Когда наряду милиции удалось вскрыть квартиру на Малой Садовой, в ней оказались два убитых мужчины и две женщины, живые. Хозяйка, связанная, лежала в ванной. Вторую обнаружили в туалете. Поведение ее было странным. Пыталась утопить в унитазе полторы тысячи рублей сотенными купюрами. Старший лейтенант вызвал «скорую», психоневролога и судмедэксперта.

Поджидая коллег, Иваницкий занялся установлением личностей потерпевших. Следователь Гришин допрашивал женщин. У убитых никаких документов при себе обнаружено не было. Хозяйка квартиры, машинистка НИИ электроприборов Галина Федоровна Трошина, утверждала, что один из них ее друг, Анатолий Петрович Сысоев. Второй — его приемный сын Армен Оганесян. В тот же день она ждала их и свою подругу Зою Николаевну Сидорову на обед. Однако никаких следов приготовления к обеду не просматривалось. Трошина объяснила, что не успела ничего приготовить, так как в квартиру, когда она открыла дверь Сидоровой, ворвался неизвестный. Он связал ее и запер в ванной, начал издеваться. Видимо, он и расправился с гостями, которым сам открыл дверь.

Относительно попытки уничтожить довольно странным способом деньги Сидорова пояснила, что очень испугалась, как бы ее не убили из-за этой крупной суммы. Заявила, что принесла их подруге на сохранение, так как дома возможности хранить деньги нет — муж-пьяница все пропивает, на книжке по нынешним временам деньги она не хранит, как бы не пропали, слухи разные ходят

О причинах нападения на свою квартиру Трошина не могла представить более или менее связных объяснений.

Психоневролог зафиксировал у обеих женщин глубокий стресс и посоветовал оставить их в покое. И вдруг Трошина попросилась в больницу. Такое Иваницкий наблюдал впервые, чтоб человек сам в психушку просился.

Начальник райотдела полковник Зубатко приехал и возмутился. Почему до сих пор не обратились за показаниями к соседям потерпевшей? Кто тот заявитель, назвавшийся чьим-то приятелем? Почему это не установлено?

Помощник прокурора обратил внимание на следы недавнего съема воздухоочистителя в кухне. Пригласили понятых, начали обследовать аппарат. Записали в протокол, что аппарат находится в нерабочем состоянии, так как недоукомплектован рядом

необходимых деталей. Зубатко сидел над лежащей на полу разобранной вытяжкой в тяжелой задумчивости. Трошина отвечать на его вопросы отказалась, а кто еще мог пояснить, как в складках мешка для активированного угля могли оказаться золотая запонка без камня, мятый корпус женских золотых часов и тонкая золотая цепочка. Трошина только пожимала плечами. Она понятия не имела, почему в вытяжке лежало золото и кто его туда мог положить — ведь вытяжка давно не работает, испорчена.

И тогда Зубатко спросил, с какой целью в квартире установлена бронированная дверь

— Воров боюсь.

Ответ, конечно, был дан по существу.

Соседи Трошиной по лестничной площадке недавно пришли с работы и сказать, что происходило от шестнадцати до семнадцати часов — именно в это время, настаивал судмедэксперт, наступила смерть Сысоева и Оганесяна, — не могли. Никто из них не ждал никаких иногородних друзей. Конечно, заявитель мог соврать. Сейчас люди предпочитают исполнять гражданский долг исподтишка, дабы не попасть в историю. Значит, знал тот парень про убийство, а вот обстоятельства преступления сознательно искажил. Очевидцем был? Соучастником? Сидорова и Трошина продолжали утверждать, что нападавший действовал в одиночку. Тогда можно предположить, что стрелял Сысоев или Оганесян. Но стреляных гильз и следов пуль в квартире не нашли.

Видимо, дело было так. Сидорову грабитель выследил. А может быть, знал, что она идет в гости к приятельнице. Вероятно, дожидался ее в парадном. Скорее всего преступник знал, что в квартире Трошиной существует тайник. Даже знал, что тайником служит вытяжка. Знаком ли он был хозяйке дома? Она это отрицает.

Все крайне странно. Люди не топят деньги в канализации, не хранят благоприобретенные ценности в кухонной вытяжке. И не сам ли преступник вызвал милицию? Но зачем? И почему он не связал Сидорову? Он был уверен, что она не помешает?

VI

— Точность — вежливость королей, — угрюмо сказала молодая женщина, застывшая в напряженной позе у столика с телевизором, и резко ударила по панели управления — экран погас. — Что ж, заходите... Цена вам известна?

— Цена на что?

Женщина насторожилась еще больше:

— Вы — Сысоев?

— Нет, я Лапин.

— Вы не покупатель? — она презрительно сморщилась — Тогда как вы сюда попали?

По ее возмущенному лицу Лапин понял: ему сейчас укажут на дверь, и торопливо сказал:

— Ваша калитка была открыта, в окнах горел свет, и я пошел на огонек. Честно говоря, я хотел бы снять дачу.

Молодая женщина усмехнулась:

— Сезон не подходящий несколько...

— Дело в том, что мне негде жить,— Лапин улыбнулся, ему понравилось лицо женщины: из тех, которые сразу внушают доверие.— И если вы мне не разрешите здесь переночевать, придется идти под ближайшую елку.

— Вы что, бомж?

— Нет. Я рижанин. Сотрудник одного совместного предприятия. Но дело в том, что на работу-то меня взяли, с места сорвали,— Игорь начал совершенно вдохновенно фантазировать, чего от себя не ожидал; кажется, он никогда не был столь многословен.— Я приехал, а жилье обещают к двухтысячному году. Общежитие меня, пардон, не устраивает. У меня в Риге была отличная трехкомнатная квартира на бульваре Райниса.

Ему показалось: девушка взглянула доброжелательнее и даже с интересом. Прибалты всегда вызывают в средней России интерес, это Игорь давно заметил. Он поднажал:

— Русским в Прибалтике страшновато становится. Вот я и попался на удочку. Я боюсь, что те, кто там еще чего-то выжидает, будут целовать танки, на которых им придется эвакуироваться.

— На танке эвакуироваться невозможно В крайнем случае, на бэтээре. Что, так скверно? Стало быть, вы беженец?

Игорь едва не поперхнулся собственным дыханием. Это тот, над загадкой смерти которого сейчас ломают голову менты, беженец Ну нет, он не желает быть схожим с ним.

— Не то,— отрывисто, почти грубо ответил Лапин, несколько потеряв над собой контроль.— Я уехал... по соглашению,— он понял: нельзя выбиваться из только что сочиненной легенды, и продолжил тем мягким задушевым тоном, в каком выдерживал разговор с первой минуты.— Дело в том, что моя мама — партийный работник,— заявил он не без гордости.— И она мне помогла. Советско-канадское предприятие, туда не всякого возьмут

Оказывается, он не только многословен, еще и словоохотлив. Не иначе, нервы начали «отпускать», разрядка...

В общем, он не лгал Мама ему действительно помогла убраться из Латвии. Помогла перевестись из Рижского политеха в Московский автодорожный, где сейчас дело уже полным ходом шло к отчислению за непосещаемость. Но здесь об этом рассказывать непрестижно. Здесь хотят иметь дело с приличной публикой Это просматривается в каждой черточке милого лица юной дамы

— Что-то у вас не все складывается: предприятие, Рига,

двухтысячный год...— сказала она с сомнением и наконец отошла от телевизора. А Лапин так и стоял на пороге комнаты, прислонившись плечом к косяку двери.— Что делать?..— продолжала девушка, уже стоя у буфета.— Мне говорили, что бездомным следует давать кров — это по-божески. И электрички в это время у нас на станции почти не останавливаются. Но что-то у вас не складывается

— А сейчас у всех все не вяжется,— хмыкнул Лапин.— Время учит импровизации, заставляет жить одним днем. Между прочим, у вас вкусно пахнет. Тушеночкой ..

Девушка посмотрела на него с веселой искоркой в темных глазах, раскрыла буфет и достала старый хрустальный графин, глядя на который Игорь неожиданно умилился. Такой или очень похожий был у бабушки. Мать потом, после бабушкиной смерти, старорежимное барахло не то раздарила, не то продала, а может, даже выбросила. В ее современной квартире, где все из Москвы, из «Лейпцига» и «Ядрана», старью места не находилось. А здесь хранят. Надо же! В графине плескалась ярко-зеленая жидкость. Неужели его здесь собрались даже угостить? Так, значит, тут не особенно удивляются непрошеным гостям? Выходит, его предположения имеют некоторое основание. Это не просто дача.

«С виду он даже добродушен и простоват,— размышляла Николь, стараясь не показать своей робости.— А вот нагруби я ему, что будет? Укажи на дверь, а он в драку... Мне с ним не совладать. Здоровый бугай. Пока буду подыгрывать, а там...»

Она поставила графин на стол, расправила скатерть, достала из буфета две тарелки старого сервиза, пошла к двери, жестом попросив Лапина посторониться.

Игорь пошел за ней. На террасе она накинула телогрейку. И тут Игорь увидел, как она отлично сложена. Старенькие брючки подчеркивали и талию, и бедра, свитер великолепно облегал маленькую грудь. Она взяла фонарик, старую холщовую сумку, открыла дверь и спустилась в сад. Игорь тоже вышел на крыльцо. Свет окон далеко не проникал. Относительно светло было только перед крыльцом, а девушка ушла в глубь участка. Игорь прислушался. Где-то скрипнула железная дверь. «Дверь сарая или гаража»,— подумал Лапин. Минут через пять хозяйка дачи вернулась с полной сумкой чистой и отборной крупной картошки.

— Никак своя? — поинтересовался Игорь.

Девушка кивнула.

— И кто ж у вас ее растит?

— Я...

— Да у вас руки не по этой части.

— Руки у меня на все случаи жизни,— она засмеялась невесело.— Надеваю перчатки и — вперед.

Она подняла к нему лицо, и Игорь увидел в ее глазах замерзшую сталь:

— У вас документы есть? Покажите.

Лапин без колебаний вытащил удостоверение СП, выданное Сухоручко Там все честь по чести, солидная советско-канадско-австралийская фирма с мудреным американизированным названием, расшифровать которое даже Большаков не взялся.

— Значит, вас зовут Игорь А меня Николь Ника короче Если действительно хотите есть, берите эту сумку, идите на кухню, я дам вам кастрюлю, нож. А тушенка у меня осталась Надо только подогреть

Игорю показалось, что, прогулявшись за картошкой, девушка со странным именем стала держаться с ним совсем иначе, явно увереннее, даже с некоторым превосходством. Что, из гаража она с кем-то связалась? Но обычно у нормальных людей телефон в доме Игорь припомнил обстановку комнаты и террасы. Там телефонного аппарата он не видел. Но он может стоять в других комнатах — дом большой, а в гараже — параллельный. Так бывает у деловых людей.

В кухне Игорь сделал все так, как делала мама. Когда картошка закипела, посолил, перед концом варки добавил дольку чеснока и половину листика лаврушки. И все думал: уже не придерживает ли его эта Николь, заманивая ужином, до прихода своих людей, которые займутся прояснением истинной цели его визита весьма серьезно. Но не трусить же ему! Внешне все спокойно, а подозрения могут завести далеко. И потом, а куда ему сейчас идти?

Когда он принес сваренную картошку и тушенку в комнату, на столе уже появились приборы, хлеб, две маленькие стопки, миска с квашеной капустой и тарелка соленых помидоров.

Николь, сидя на корточках у камина и подбрасывая поленья, сказала ему:

— Вы наливайте, я тоже немножко выпью, иначе ночью мы тут вспотеем, дрожавши. Дом не протоплен. Кстати, я на Рижском взморье у вас была. В военном санатории. Только забыла, как станция называется, где находится санаторий.

— Дубульты. Старый военный санаторий там. Понравилось?

— Неплохо. Только слякотно. И не выкупаться в море, как следует. А что производит ваше предприятие?

— Электронику,— выдал Лапин первое, что пришло в голову.— Электронику и бытовую технику.

— Ясно...

По ее интонации Лапин понял, что ни электроника, ни военный санаторий ее не интересуют, она просто проверяет его. Ему даже стало обидно, коль такая милая девушка терпит его присутствие лишь из-за очередных комбинаций московского «андеграунда» или, проще, подпольной жизни. Нет, тут, конечно, не все чисто. Но он и сам не так прост и пуглив, чтобы по первому сигналу опасности давать тягу. Еще не известно, чья возьмет. Но продолжал держаться «душа нараспашку».

Ника села к столу, и они выпили.

— Слушайте, что это за божественный напиток? Его хочется смаковать.

— Это обыкновенный спирт, настоянный на смородиновых листьях.

— Откуда у вас?

— Я хирург. Мне положено Случается порой экономия Или вы предпочли бы, чтоб я остатки уничтожила соответственно акту?

— Еще и акт? — усмехнулся Игорь — Кто это все напридумывал?

— Не знаю. Берите помидоры, тоже своего огорода.

— Слушайте, Ника, вы действительно продаете дачу? Какой смысл? Она же вас кормит...

Ника пожалала плечами, опустила глаза в тарелку:

— Это бабушкина дача. Она вольна делать с ней все.

— А вы что же — без права голоса? Бабушкина дача .. а вы батрачите?

— Ну, что вы... Да, мне очень жаль этот дом, этот сад... Но . С деньгами плохо И никаких перспектив.

Ника взяла графин и разлила еще по рюмочке.

Игорь отметил, что голос ее звучал горестно и совершенно искренне. Так не лгут Или она искусная актриса, или, все его подозрения — чушь собачья.

— Послушайте, сдайте мне эту дачу,— предложил он ей — Я буду хорошо платить, честное слово А Сысоев все равно не придет, он раздумал

— Вы знакомы?

— Нет. Элементарная логика Вы договаривались, а он не явился. Значит, передумал

— Может быть, что-то случилось... Еще позвонит ..

— Мне кажется, когда совершаются серьезные сделки, «что-то случилось» отменяется. Если бы я покупал дачу, других дел просто не вел бы в тот день. Ника, я человек степенный, одинокий, и здесь мне нравится. Могу даже за свой счет произвести мелкий ремонт. Крыльцо-то у вас того А что в кухне творится? Печку надо подмазать. И камин ваш дымит. Я все могу сделать сам. А там, глядишь, разбогатею, куплю у вас дачку.

— Могу поделиться некоторым наблюдением: скорые деньги скоро уходят.

— Собственный опыт?

— Да так.. Хотите еще настойки?

— Я спать хочу, честно говоря. День был непростой.

Ника предложила ему лечь тут же на тахте. От подушек и белья тянуло чем-то неуловимо деревенским не то печным дымком, не то прелой листвой, не то дождевой сыростью Сама Ника пошла спать на второй этаж. Уходя, она сказала сурово:

— Завтра я еду в Москву, подниму вас в семь. И единственная просьба: не вздумайте приставать ко мне ночью. Я этого не люблю.

Игорь проснулся около пяти совершенно отдохнувшим. Он, вспомнив все, что произошло с ним вчера, ужаснулся. Да, он, конечно, пал. Его вынудили пасть. Он вздохнул, вспомнил окровавленную фигуру, распростертую на старом потертом паласе, с обгаренным пиджаком, застывшим взором. Усилием воли отогнал видение и подумал: почему Сысоев претендовал на этот старый дом? Такие люди замахиваются на палаццо и виллы. Если, конечно, он потом тут не намеревался что-то отгрохать. Но зачем, когда с возможностями Сысоева проще без возни купить шикарную дачу какого-то иммигранта, что, кстати, на Рижском взморье практикуется сплошь и рядом? Зачем Сысоеву понадобилась именно эта дача? А может быть, здесь вот что. Ника и ее бабулька ни при чем, совершенно святые люди. На даче бывают редко. Забор здесь у них высокий, сплошной. Место глухое. Сразу за забором лес. Соседей можно месяцами не видеть, не слышать. Участки вон какие огромные. Пока тут никого нет, можно устроить чудный тайник. И никому в голову не придет искать. А Сысоев был мужик с воображением. Не всякому втемяшится вытяжку под тайник оборудовать. Так и тут. Ну, кто догадается, что в сарае или в гараже у двух безобидных женщин, бабушки и внучки, какой-то мафиози, используя их недогляд, хранит свои миллионы? Но сколько веревочке ни виться, конец будет. Вот почему захотелось Сысоеву эту дачку. Эту и только эту...

Версия показалась Лапину вполне реальной. Он встал, оделся, схватил со стола холодную картофелину, прожевал, чтоб смело закурить первую сигарету, набросил телогрейку Ники и пошел обследовать сад.

Стальное предрассветное небо изливало на землю тусклый свет, однако достаточный для беглого осмотра местности. Дом, сарай, гараж. Компостная яма. Теплица. Две собачьих будки, одна на боку валяется. Большая бочка с дождевой водой. Посадки... Хозяйка, видно, старательная. Фруктовые деревья свежесвыбелены. Малинник подвязан как положено, и как положено подрезаны кусты смородины. Лапин мог судить: видал образцы высокой культуры садоводства. По этой части в Латвии крепкие традиции. Мужика бы сюда хорошего, хозяйственного да работающего. А почему Ника не замужем? Неужто желающих не нашлось? Странно. Или она сама слишком разборчива? А вообще она, видно, девчонка любопытная. Не то ей сам черт не брат, не то чересчур доверчива, не то бедна, как Золушка, не то не знавала блистательные времена, а может быть, она просто нормальный, спокойный, интеллигентный человек, не утративший способности к другому человеку отнестись по-человечески? Игорь прикинул, сколько ей может быть лет. Явно старше его. Лет двадцать шесть — двадцать восемь. А вдруг у нее беда? Если живет с бабкой, нет денег, так у нее, что, родители померли? Погибли?

Как, однако, поразился Игорь, все взаимосвязано в этом гнус-

ном мире. Не брось он нож в Сысоева, исключительно в целях самообороны, как он считал, и в глаза бы ему не увидеть Нику. И путаться всю жизнь со всякими Кэт да Мими. Не зная, где, в ком искать что-то подлинное Ника, должно быть, нежна и, как все нежные люди, беззащитна. Поэтому и сказала, чтоб не лез. А представить какого-то нахала? Он бы воспользовался. Игорь будто забыл, сколько раз он сам пользовался случаями. В студенческом лагере, однажды лежа в поезде, а уж сколько походов совершено по юрмальским пансионатам к случайным пляжным знакомым — вообще не перечесть. Но сейчас ему казалось, никогда такого с ним не было и быть не могло.

Игорю захотелось сделать для Ники что-то приятное. Ну, например, приготовить завтрак. Он вернулся в дом, поставил чайник, принялся за чистку картошки. Жареная хрустящая картошечка, что может быть лучше? И время уже подходило к семи. Надо будить Нику. Убавив газ под сковородкой, Игорь осторожно, чтобы не скрипнула лестница, пошел в мансарду. Верхняя часть двери в комнату, где спала Ника, была застеклена. Шторки, наверное, уже сняли на зиму. Сквозь стекло Игорь увидел узкую девичью постель, Нику, спящую на боку, к нему лицом, с ладонью под щекой. Он уже хотел постучать, приготовился улыбнуться и замер. Ника шевельнулась, подушка упала, и из-под второй, на которой лежала милая женская головка, выглянул черный зрачок револьверного ствола. Игорю стало жутко. Он повернулся и начал так же тихо, как поднялся, спускаться вниз.

VII

Капитан Сиволодский принял к производству дело об убийстве на Малой Садовой улице. Ознакомился и понял; что это преступление уже отнесено к разряду организованных рукой мафии, а жертва видится ни больше, ни меньше, чем «крестным отцом» очередной отечественной «коза ностра». И какие же основания? Золотишко в вытяжке кухонной нашли. Допрос хозяйки квартиры ничего следствию не дал. Допрашивали ее подругу. Странная дама. Деньги топила в унитазе. Однако о ней известно, что зарабатывает она мало, муж у нее бытовой пьяница, хоть и ведущий инженер на крупном заводе, живут от зарплаты до зарплаты, муж ее еще и за водкой гоняет. Нет, уничтожать полторы тысячи сэкономленных, как заявлено, денег такая женщина не стала бы. Даже из страха. И вот что еще интересно. Как только этих женщин милиция отпустила после задержания, обе они в тот же день легли в неврологическую клинику, известную москвичам как «соловьевка».

Конечно, обе пережили нервный стресс. Но это не основание для госпитализации. И еще любопытная деталь. Почему Сидорова достаточно теплым днем была одета в меховой жакет?

Сиволодский позвонил в Гидрометцентр СССР и уточнил, какой была погода 22 сентября. Да, скорее плащ наденешь, ну,

легкое пальто, а не полушубок. Тут что-то не так. И потом полушубок из хвостов лисицы стоит несколько тысяч. И выходит, у «бедной» Сидоровой полторы тысячи в кармане и почти десяток — на плечах? Откуда?

Сиволодский изучал документ за документом. Внимательно пролистал записную книжку Трошиной, хозяйки квартиры на Малой Садовой. И вдруг — Краснова Ольга.. Уже не та ли это Краснова, что дней десять назад выбросилась из окна при неоясненных обстоятельствах?

Сейчас известно: Краснова Ольга Михайловна была профессиональной проституткой, имела отношение к незаконным валютным операциям. И вот новость — ее знакомство с Трошиной...

Несколько месяцев назад до отъезда в командировку полковник Быков расследовал несколько убийств, совершенных абсолютно схожим образом. Женщин либо выбрасывали с высоты, либо топили в ванне, вскрывая вены. Ясно, гибель жертв маскировалась под самоубийство. Все погибшие были связаны с преступным миром. Трошину тоже отправили в ванну, но... Хотя, судя по всему, времени, чтобы расправиться и с ней, у убийцы было предостаточно. Получается, Трошину намеренно оставили в живых? С какой целью?

Фоторобот составить не удалось. Сидорова и Трошина поразному описывали убийцу. Кто же из них умышленно путал следствие?

Сиволодский решил, что ему надо как следует ознакомиться с делом по факту смерти Красновой Ольги Михайловны. Подчас занимаешься спекулянткой с малаховской толкучки, а дело в карточном шулере с поездов казанского направления.

А пока следует допросить Сидорову.

Никак не мог понять Сиволодский, почему она в теплый день надела меховой жакет. И от отправился в «соловьевку».

Жакета из хвостов лисицы на Сидоровой, конечно, уже не было. Щеголяла в сером больничном халате. На Сиволодского посмотрела долгим томным взором и улыбнулась:

— Наконец-то можно иметь дело с интеллигентным человеком, который все поймет,— сказала она сладенько-сладенько...— А то прямо замучили подозрениями. Всем, чем могу, помогу вашей работе, всем, чем могу, посодействую... Только давайте найдем укромный уголок.

Таковой нашелся в ординаторской. Вполне уютно: диванчик, два кресла, худосочная пальма и пейзажик на стене.

Сиволодский приступил к делу явно не с той стороны, на которую ориентировалась Сидорова. Он спросил:

— У вас, Зоя Петровна, есть очень красивый и дорогой меховой жакет. Ваш муж видел эту вещь?

Сидорова побледнела, улыбка исчезла, глаза потухли. Сиволодский почувствовал, что попал в точку, и продолжил:

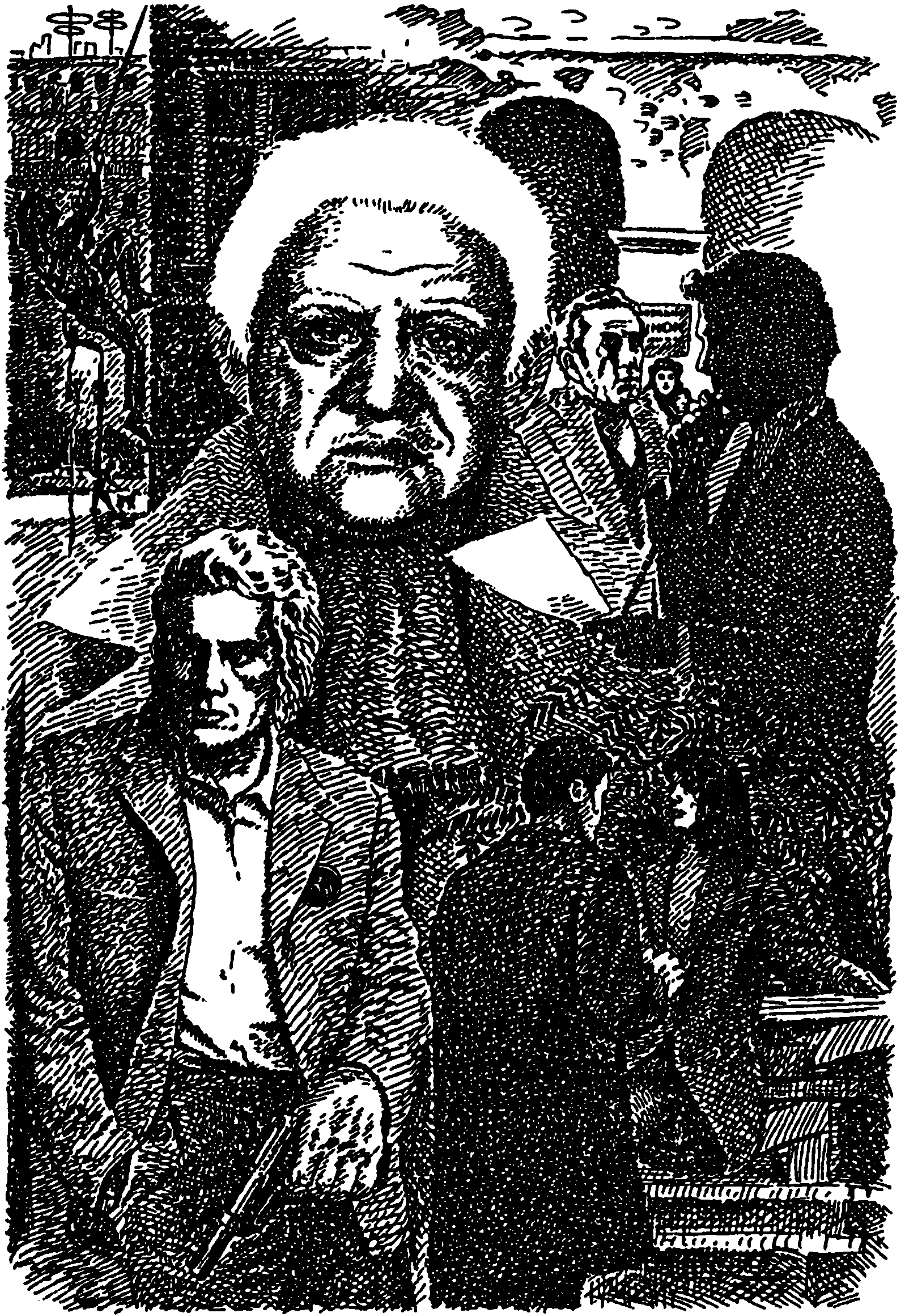

Рис. Б. НИКИФОРОВА

— Не видел. Не потому ли, что вы приобрели жакет в тот день, когда был убит Сысоев? Я прав?

Она кивнула

— И где эта вещь сейчас?

— В ломбарде. Квитанция у меня с собой.

— Хорошо. Откуда полторы тысячи?

Сидорова возмущенно повела плечами:

— Это мои деньги. Расплачивалась за жакет, и эти остались.

— Вы знали Краснову Ольгу Михайловну?

— Нет. Кто она?

— Профессиональная проститутка, погибшая несколько дней назад. Чем-то не угодила своим патронам, естественно из преступной группировки валютчиков.

— А я при чем?

— Вы читали Мопассана?

— Конечно,— ответила совершенно сбитая с толку Сидорова.

— Помните, его рассказ о даме, которая получала от многочисленных любовников плату за услуги драгоценными вещицами? Мужа она уверяла, что все ее украшения — бижутерия, купленная по их средствам. И вы, когда рано или поздно принесете домой свою шубку, скажете мужу, что она из искусственного меха?

— Это на что вы намекаете? — с деланным возмущением выпалила Сидорова.— Я порядочная женщина!

— Я намекаю, Зоя Петровна, лишь на ваш скромный семейный бюджет. Поэтому, когда я сейчас перейду к следующей теме нашего разговора, советую вам быть со мной откровеннее. Это в ваших интересах. Это вы сейчас же и поймете

Сидорова автоматически кивнула, соглашаясь. О, она явно готовилась отстаивать свои интересы до конца, как бы ни шел вопрос. Это у нее на лице было написано.

— В прямой связи с вашим внезапным обогащением находится странно снисходительное отношение к вам преступника. Я слушаю вас, Зоя Петровна...

Она понурилась, молчала, смотрела на Сиволодского затравленно. Явно не знала, как спастись. А Сиволодский повольготнее устроился на диване, будто действительно приготовился слушать длинную занимательную историю.

— Не думайте обо мне плохо, товарищ капитан. Но, знаете, когда человеку грозят, что его сожгут в лифте, зарежут в ванне, сбросят с высоты... Этот человек становится другим. С плохими мыслями. Именно так мне угрожали, если я откажусь помочь одному человеку попасть к Трошиной. Но, если соглашусь, получу приличный гонорар. Так и говорили: гонорар

— Почему вы не обратились в милицию?

Она махнула рукой.

Сиволодский раскрыл папку и начал писать протокол, не прерывая ее рассказа.

— Вообще, я должна была сразу уйти из квартиры. Так договаривались с тем, кто меня шантажировал. Но когда я увидела, что белобрысый вытворяет с Галей, я закричала, и он втолкнул меня в туалет и запер. Я поняла, если пикну, действительно убьет,— и замолчала.

Сиволодский видел: ей больше нечего сказать.

— Опишите этих людей. Можете?

— Могу. Я уже описывала убийцу.

— По вашим словам, он высокий светловолосый красивый парень. Ходовой штамп. Так же, как у Трошиной: невысокий, кряжистый, темный. Кто из вас прав?

— Права я. Я не лгу... Что мне врать Галине-то есть, наверное, смысл. А какой, вы у нее спрашивайте.

— Вы поможете нашим специалистам как следует, я могу надеяться? Фоторобот нужен, Зоя Петровна.

— Конечно. Знаете, тот человек, который отдавал мне жакет и деньги в холле гостиницы «Останкино», мне показалось, знаком со швейцаром. И еще... Я услышала и думаю, не ошибаюсь, швейцар ему сказал: «Петр ждет на остановке». Но кто из тех двоих, кто ждал меня на остановке, Петр, я не знаю.

— Скажите, Зоя Петровна, почему, на ваш взгляд, преступление совершено в квартире именно Трошиной? Почему к ней так рвались преступники?

Сидорова глубоко задумалась. В ее лице появилась отрешенность. Взор ушел вглубь, как у человека, тихо грустившего о чем-то навсегда ушедшем, невозполнимом.

Зоя Петровна вспомнила. Это было так прекрасно, так удивительно. Такое случается один раз.

...Отдыхала она в паршивеньком профсоюзном Доме отдыха в Лиселидзе, что недалеко от Гагр. Одна радость: юг да море. И вот им организовали экскурсию на озеро Рица, в Новый Афон и на Пицунду. Все прелести Абхазии разом. Ну, что Рица? Вода и вода. Только в горах. И дорога страшная. Ни в ресторан, ни в шашлычную на Рице не попали. Поглядели издали на забор бывшей дачи Сталина и поехали вниз. А все голодные — жуть... Сухой паек давно от скуки дорожной сжевали. Надеялись попасть в ресторанчик на Пицунде. Куда там. Едва удалось пристроиться под «грибками» у каких-то шашлычников. А вокруг все так красиво! Как в другой жизни. Именно в этот момент на лице Зои Петровны появилось щемяще-романтическое выражение, окончательно сбившее Сиволодского с толку, никак он не мог понять ее молчания, хватит уж собираться с мыслями. А она вспомнила корпуса, куда не пускали никого лишнего, бары на крышах... Даже лунная дорожка на море там ей казалась совсем не такой, как в Лиселидзе.

Их группа, матеря шашлычников, ела дубовый шашлык, запивая дешевым портвейном. Зоя Петровна увидела иностранцев, которые спокойно шли в корпус. Пристроилась к ним. Уж

больно интересно было, как, что там внутри, в корпусах. Шмыгнула в лифт. Он довез ее до самого верха. Вышла, смотрит, двери шикарные, а на них табличка на всех импортных языках сразу: бар. Иностранцы — туда. Зоя — за ними. Сразу поняла: не только иностранцы тут кутят, еще и грузины сидят за столиками, пьют, орешками закусывают, по-русски разговаривают. И вдруг все как зашущукаются, засуетятся, заговорят по-своему. Побежали к дверям, будто кого-то встречать, бармену один что-то по-грузински крикнул. И входят. Его-то, Толю, она еще тогда не знала. Но Гальку Трошину узнала сразу, слава Богу, сколько лет сидят на работе стол в стол. Хоть и была Галька практически неузнаваема. Платье длинное, с декольте. меховой палантин, наверное, из голубой норки. Другого меха такой расцветки Зоя Петровна просто не знала. И были на Гальке бриллианты. Да, конечно, это были бриллианты, а не яблонексовская бижутерия из «Власты». Колье, браслет, серьги, кольца... Галька в руках держала хорошенькую-прехорошенькую сумочку. Но не это главное. Лицо у Гальки стало совсем другим. Таким, что подойти к подруге Зоя Петровна не решилась. Холодное, надменное, царственное лицо. Будто она сейчас вот-вот руку протянет и прикажет: взять ее! Потом Галька и Толя сели за столик, вдвоем. А те джигиты в белых рубашках встали у стойки бара и глаз с их столика не сводили. Бармен всех бросил. Только этими двумя занимался. Чего он только не приносил Галине и ее Толику! Зоя Петровна почувствовала себя так мерзко, таким ничтожеством... Опустила глаза и тихонечко ушла.

С тех пор в душе ее поселилось странное чувство. Нет, она не завидовала Трошиной. Нельзя же всерьез завидовать Джине Лолобриджиде или Валентине Терешковой. И нельзя сказать, чтобы это чувство было враждебным. Ничего плохого Галина ей не сделала. Но к привязанности подмешалась странная ненависть, сделавшая эту привязанность будто крепче. Не отделаться, пока не разгадаешь тайны. Как наваждение. И все силилась понять, с какой стати Галька на работу ходит, на машинке тюкает?..

Из отпуска Галина явилась загорелой, но все в том же платье из шотландки, в котором всегда ходила на работу, в ушах и на пальцах у нее была все та же бирюза в серебре, которую вместе покупали на экскурсии в Кубачах

— Вот что, товарищ капитан, — грустно проговорила наконец Сидорова, — Я не знаю, где хранит Трошина свои драгоценности и меха, но она самая богатая женщина Советского Союза. Или ее любовник — главный советский миллионер. Разве вы этого еще не поняли?

VIII

Лапин забрал из камеры хранения сысоевский кейс и поехал обратно в Ильинку

По дороге от станции он встретил только двух веселых собак,

занятых друг другом Даже не твякнули. Легко перемахнул через забор дачи, опасаясь лишь одного, как бы забор не рухнул от его прыжка. Но ничего, крепкий забор, устоял. Столбы-то поставлены на века, из железобетонных труб. Да, тут собирались жить не одним поколением. Не знал, конечно, первый хозяин, какие времена захлестнут его наследников.

Первым делом Лапин направился в гараж, там решил пристроить свою драгоценную поклажу. Нырнул в яму, под днище двадцать четвертой серой «Волги», посветил фонариком, который прихватил еще утром незаметно от глаз Ники.

Яма была обшита досками. Он обстучал стенки и скоро нашел пустоту. Она обнаружилась как раз там, где были выложены не длинные доски, а обрезки. Три узкие короткие доски складывались в дверцу Лапин подцепил нижнюю, сунув в щель нож. Это действительно была дверца, она легко отошла на умело заделанных петлях. За дверцей Игорь увидел довольно просторную нишу, на первый взгляд, совершенно пустую. Игорь решил, что это шкафчик для инструментов, чтоб автослесарю было удобно их доставать и было куда положить на скорую руку Крайне предусмотрительно однако. Прекрасное место для хранения его капиталы. Однако что-то помешало уложить кейс. Игорь просунул руку, начал шарить, нащупал углубление, в нем тряпицу: махровое полотенце оказалось. Потянул ветошь к себе Пальцы уперлись во что-то твердое. Развернул кусок старого полотенца. Пистолет! Его марку определить на глаз не смог В свете фонаря на рукоятке блеснула табличка: «За личную храбрость. Генералу Титову от маршала Жукова. 24 марта 1944 г. Первый Украинский фронт». М-да... Так это оружие деда Ники! Она же Титова... И тут Игорь все понял. Ловко она вчера им повертела! Это значит, не собиралась она из гуманистических порывов «пригреть сиротку». Испугалась она, что вполне естественно. А держалась отлично, молодец. Знала, есть у нее средство защиты Вот оно... И ей обязательно вчера было нужно пойти за ним в гараж Нашла отличный повод, дабы не вызвать подозрений пришельца. Поставила поллитровку спиртяги, и сама за картошечкой отправилась, так сказать, организовывать закусон. И, уж вооружившись, в наглую принялась документы проверять, каверзные вопросы подкидывать. Игоря и смех разобрал, и восхищение проняло. Вот это девица! Настоящая внучка боевого генерала Сокол виден по полету... А ведь пистолетик наследникам, конечно, следовало сдать Понятно, дарственная помешала. Все утро Лапина подмывало сказать Нике: «Не стоит держать под подушкой оружие, девушка. И спать неудобно, и наволочка потом от смазки не отстирается». Молодец, что смолчал, похвалил себя Лапин, вернул пистолет на место.

Игорь вылез из ямы, думая, куда же теперь прятать кейс. Оглядел верстак Вот к нему Ника точно не притрагивается. Под верстаком лежал мешок, в каком обычно возят картошку Лапин вышел с ним на волю, тряхнул. Вздрыбился столбик пыли, и толь-

ко. Почти чистый мешочек. Ну, что ж, сгодится на первое время. Бросил кейс в глубину мешка, завернул потуже, уложил сверток под верстак в самый дальний угол, хотя с другой стороны Игорь не то слышал, не то читал, будто вещь, лежащую на виду, особенно трудно найти

Сделав одно дело, принялся за главное. Начал обследовать участок. Ну, на огород, клубничные грядки, прочие сельхозугодья времени тратить не стал. Он пошел туда, где еще сохранились от бывшего леса дикорастущие деревья. Сделал щуп из твердой проволоки — нашел в гараже. Разбил местность на квадраты и начал прощупывать пядь за пядью. Пустая вышла работа. Решил исследовать старые просторные дупла деревьев. Залезая на раскидистую столетнюю липу, немного оцарапал лицо, и это было досадно, потому что опять итога никакого. Добираясь до нижней ветки корабельной сосны, над которой сияла приличная дыра, встретил дятла и ужасно испугался, как бы он не клюнул в глаз. Но дятел, видно, тоже струхнул. Потоптался, потоптался по гладкому стволу, рассмотрел получше ползущего вверх человека, туда-сюда склоняя яркую головку, и улетел. На обыск участка, гаража, сарая и теплицы у Игоря ушло около трех часов. Было уже начало второго, когда он понял, что продолжать поиск на участке бессмысленно. Либо Сысоев здесь вообще никогда не был, либо нужно осматривать дом, что сейчас неуместно, не взламывать же замки, не быть же стекла, когда этот дом могут тебе сдать — какое-то восьмое чувство подсказывало Игорю, что Ника или уломает свою бабу, или обойдется без ее разрешения.

По будним дням МПС придумал для машинистов пригородных электричек трехчасовой перерыв. Уставший, наломавшийся, голодный Лапин сел на крыльцо дома, потому что уже не знал, куда деть оставшиеся до первого московского поезда сорок минут. Станция недалеко, он быстро дойдет. И обратный билет имеется. И вдруг он подумал, что Сухоручко мог прекрасно знать, с чем явится Сысоев на квартиру своей возлюбленной. Вполне мог знать и умышленно не сказать, чтобы не испугать, чтобы Игорь не дрогнул. Одно дело — напугать бабу, совсем другое — «замочить» мужика при оружии, телохранителе и ценностях. Значит, рассуждая так, вполне можно прийти к выводу, что, коль Лапин до сих пор, — а вот-вот и сутки сравняются, — не появился, значит, умыкнул сокровища. Нет, нельзя позволить, чтобы подозрение висело над тобой, да еще грозило дознанием, которое куда как пострашнее милицейского, а там, глядишь, и расправой. Надо Петра с сотоварищами облапошить. Значит, надо явиться со святыми, перепуганными глазами, с руками чистыми и трясущимися. Да, надо являться на ту квартиру. Надо им показать, что ты ни при чем. Рассказать, как давал деру, все бросив. Разумеется, если начнутся конкретные вопросы, сказать, что ни денег, ни ценностей в глаза не видел, а удираю, единственно спасая собственный живот. Милицейская сирена вопила на

всю улицу, и в квартире была слышна, тут-то он и дал ходу Нет, такой вариант не годен. Слишком много времени прошло с момента убийства до появления милиции. Если он бежал с места преступления страха животного ради, то бежать должен был в тот же миг. Надо потребовать от Сухоручко, чтобы выдали другую одежду. Бабы же дадут его приметы. И чтоб Сухоручко деньгами снабдил так, для вида, нельзя же скрываться без гроша за душой. А Сухоручко, знает — у Лапина ни рубля. И все Петька сделает, сообразит же, если потянут Лапина, и тогда, не исключено, самому ответ держать придется.

На Котельниках Лапина ждали. Он и представить себе не мог, насколько важным звеном стал в событиях минувших суток. Мрачный Большаков подошел вплотную, посмотрел с прищуром, чуть задрав голову, — был он Лапину ниже плеча, — скривил губы и спросил:

— Как тебе удалось уйти?

Игорь поведал, сместив время и опустив подробности.

— Зачем же, сатана, тебе понадобилось руки в ход пускать?

— А что мне оставалось делать? Признаться, что пришел по вашему заданию нашарахать две кошелки? За дружеской беседой с импозантным мужчиной дожидаться, пока милиция за мной приедет? Добровольно сдать властям?

— Да, действительно... — буркнул Сухоручко — Ладно, ребята, давайте обедать. Надоело все к такой-то матери. Весь день на нервах. Будем довольствоваться малым. Хотя получили и больше расчетного. Что ты оттуда вынес, Игорек?

— Собственные обмаранные штаны, — зло ответил Лапин.

Из кухни лились соблазнительные запахи. И его ярость разобрала. Эти двое явились сюда, видно, погурманствовать, за столом посидеть, он им буквально под руку подвернулся, и теперь они еще и допрос учиняют, а должны расшаркаться с благодарностью.

Ну что ж, он тоже может быть и подозрительным, и желчным:

— Ты, Петро, должен был надежную страховку мне оставить. А сам бежал, как заяц. Этих двоих ты был обязан в дом не впускать, коль желал, чтоб дело сошло гладко. Сам говорил — мокруха ни к черту. И вынудил не подстраховав. Или ты скажешь Сысоева в глаза не знаешь?

Сухоручко промолчал. Большаков погрозил Петру пальцем, мол, справедливые упреки. И сказал уже без яда в голосе:

— Хорошо все, что хорошо кончается. Убрал конкурента вчистую. Только скажи, где ты всю ночь кувыркался?

— Именно кувыркался, потому что явки на крайний случай мне Петр не дал. Но если я отвечу, что ночевал в доме, готовом под снос, вы же все равно не поверите. А пришлось.

— И где такой домик?

— Я плохо знаю Москву. Перебрался через пути, схватил такси, была у меня последняя пятерка, такси шло в парк, я сказал: мне в ту же сторону. Ехали по улице, я увидел указатель

«Ивановская» и стрелку. Сказал: мне на Ивановскую улицу. А там шел, шел и набрел.

— Тимирязевский район,— кивнул Большаков,— очень может быть. Ну, а эти полдня там болтался?

— Здесь, вот в этих ваших необъятных дворах, все смотрел, нет ли засады, нет ли милиции. Сюда и то боялся идти. И я не скажу, Геннадий Михайлович, что все уже хорошо кончилось. Мне надо...

— Понимаю. Ладно.— Чувствовалось: Большаков перебарщивает в недоверии к словам Игоря.— Подумаем. Пошли обедать.

На обед были поданы: черная икра в крутонах, уха из осетрины, свиные отбивные с зеленым горошком, салат из помидоров, болгарского перца, огурцов и сельдерея, печеные яблоки со взбитыми сливками, испанская мадера в мудреных бутылках.

Блюда приносила расфранченная дама лет сорока; она, видно, и обед готовила.

— Красиво жить не запретишь...— буркнул Игорь, вспоминая вчерашний скудный ужин с Никой.

— Куда там! — усмехнулся Сухоручко, набивая в рот целый крутон.

— Я сегодня был в гостях у знакомых,— с ноткой откровенности поведал Большаков.— На хладокомбинате. Хорошо ребята трудятся. Ударно. Тонн пятьдесят черной икорки уже сгноили. Сорок тонн севрюги списали... Это не те времена, когда их девятая база каждый день за попку щипала — давай, давай... Теперь всяк себе голова. Хозрасчет, прямые связи. Хочу — по коммерческим ценам в магазин, хочу — по удвоенным коммерческим — добрым друзьям. Вот и получил я от их стола к нашему столу по прямым связям то, что плановым тленом не тронута... Привилегии накрылись, а мы от деликатесов никогда не отказывались. Ты чего не пьешь, Лапин? Мадерка и точно похожа на кровушку... Да ты не брезгуй, воспринимай как тренировочный заплыв.

Игоря замутило. Он отодвинул от себя тарелку с нетронутой янтарной ухой и сказал:

— Я принял решение, для меня единственное. Вы мне заплатите за вчерашние трудности, и я ложусь на дно. Где я буду, как я буду — дело мое. Появлюсь, когда сам успокоюсь и буду убежден, что кошмар на этой улице тополей отнесен к нераскрытым. Что, действительно, по словам Геннадия Михайловича, хорошо то, что закончилось хорошо. И я снова — ваш. Но месяц, два...

— Он в принципе прав,— сказал Сухоручко Большакову,— Трошина — кремень, но эта дрянь Зойка не то что за тридцать серебрянников, за полушку... А его приметы легко запоминаются.

— Мне нужна одежда. . В том числе и теплая,— продолжил Игорь.

— Это можно,— хмыкнул Большаков.— Чего-чего... У нас богатая костюмерная. Комедия с переодеванием входит в наш

репертуар Алла, да накорми ребенка хоть десертом.. И помоги изменить внешность

Женщина поставила перед Игорем хрустальную креманку Печеное яблоко под взбитыми сливками Лапин съел с удовольствием. Вспомнился родной дом, маленькие кафе на Дзирнаву, милый подвал ночного кабачка «Юрас перле» Кроме вина, запить было нечем, Игорь же не хотел, чтобы Ника уловила запах, а что они сегодня встретятся, он не сомневался, и попросил кофе

— Минуточку,— ответила казавшаяся бессловесной дама по имени Алла.

И, действительно, через минуту она принесла дивный кофе Тоже, наверное, украденный по прямым связям. А через пять минут она пригласила Игоря в одну из комнат, сплошь уставленную трехстворчатыми шифоньерами

Дама критически осмотрела Лапина

— Без Иры не обойтись,— констатировала Подошла к столику с телефоном, который терялся среди шкафов. В трубку дама сказала ровно четыре слова

— Ируша, срочный клиент. Довести

Что такое «довести»? Что за пароль или код? Впрочем, Игорь и думать не желал о тайнах этой квартиры

Алла усадила его на маленький стульчик, какой обычно бывает в примерочных ателье, и распахнула первый шкаф. Там рядами висели костюмы, двойки и тройки. Коричневые, серые, синие. Вытащила темно-синий в тонкую светлую полосу. Закрывает шкаф, открыла следующий. Там на специальных брючных вешалках болтались штаны всех покроев и цветов: джинсы, бананы, бермуды. На колени Игорю упали синие американские джинсы и белая куртка из джинсовой ткани, вся в заклепках и молниях. Потом появились свитер-водолазка, теплый пуловер, рубашки в упаковках с иероглифами. Японские, наверное, или гонконгские. Игорь увидел среди иероглифов одно английское слово: коттон. Дорогие, стало быть, рубашечки. Потом Алла выдала несколько пар носков и четыре галстука в тон костюму. В последнем шкафу висела теплая одежда. Женщина долго изучающе смотрела на Игоря. В это время раздался звонок в дверь, и она выглянула из комнаты.

— Ирочка, ты во всеоружии? — спросила она, и Игорь услышал звонкий девчоночий голосок:

— Алла Филипповна, фирма веников не вяжет...

Вошла девушка в коричневом нейлоновом халатике. От нее пахло парикмахерской.

— Он? — бесцеремонно кивнула в сторону Лапина.— И до какого градуса?

— Кардинально,— ответила Алла, как теперь выяснилось, Филипповна.

«Ей бы носить другое имя,— подумал вдруг Игорь,— Настасья. Тогда присутствие в этом доме было бы полностью оправдано».

— Пойдемте в ванную,— строго сказала девушка из парикмахерской.— И не выдрючиваться. Я угождаю не клиенту, а делу,— и она рассмеялась.

Игорь представить себе не мог, что Ира собирается делать с ним, но покорно поплелся следом, другого выхода у него не было. Есть резон изменить внешность, лишь бы не слишком изуродовали.

Голову ему мыли оттеночным шампунем.

— Мисс, вы полегче,— пробурчал Лапин.— Я хоть и голубоглазый, но не «голубой».

— Молчите, клиент, все будет о'кей, потом сами спасибо скажете. Влипли, что ли? Ну, так терпите. Как говорят французы: чтобы быть красивым, надо страдать. И чтобы стать неуловимым...

Из натурального яркого блондина он превращался в пепельноволосового денди. Полудлинные, свободно ниспадающие волосы летели на кафельный пол. Потом загудел фен. Укладка даже шла ему. Вышло неплохо. Игорь Лапин стал больше похож на джентльмена, чем на биндюжника.

— Покажите руки,— властно приказала парикмахерша.

Он покорно протянул ей ладони.

— За руками вы следите, как ни странно. Обойдемся без маникюра. Что, греблей занимались или культуризмом?

— Греблей.. — неохотно признался Игорь.

— Гребцы все следят за ручищами, инструментарий все-таки,— и опять она вызывающе расхохоталась, а потом крикнула: — Алла Филипповна, с вас полстольника!

«Ничего себе»,— поразился Игорь.

Появилась Алла Филипповна, протянула Ире деньги и спросила Игоря:

— Вы на сегодня предпочли бы повседневное обличье?

— Что? — не понял Лапин, но до него быстро дошло, и он кивнул.

— Переодевайтесь,— она указала на одежду, аккуратно сложенную на столе, и вышла.

Игорь поразился, глядя на себя в этих синих джинсах, коттоновой сорочке, белой джинсовой куртке с заклепками и молниями.

— Костюм и белье в портпледе,— пояснила Алла Филипповна, указывая в угол, где стоял легкий матерчатый в зелено-красную клетку чемоданчик.— Пальто вот это, стеганое, двустороннее, очень удобное. Всегда можно поменять цвет.

Лапин облачился. Поразительный глазомер у этой дамы. Все сидит, как на него шитое.

— Еще пожелания будут?

— Да. Мне нужна рабочая одежда.

Алла Филипповна надменно улыбнулась, ушла еще куда-то. Он услышал ее голос и голос Большакова. Вернулась она со свертком.

— Здесь комбинезон из облегченного полубрезента и куртка-«афганка». Одежда, примелькавшаяся в толпе. Вот деньги с вычетом за услуги,— она протянула конверт. Игорь даже не пересчитал. Разве это сумма по сравнению с его состоянием? И он пошел на выход. Ни Большаков, ни Сухоручко не подошли, чтобы проститься. Наверное, завершали обед под испанскую мадеру.

Часы возле Библиотеки иностранной литературы показывали половину пятого. Он должен был звонить Нике на работу после трех.

IX

Первой, кого Николь встретила, переступив порог поликлиники, была Вера, стоматолог. Вера остановилась, глядя на Нику, и спросила:

— Что это с тобой?

Ника недоуменно пожала плечами. Вера подмигнула:

— Ты — прямо не ты, а твоя младшая сестра. Щечки розовые, глазки сияют... Влюбилась, что ли? — и, перетянув еще туже халат на талии, двинулась в сторону рентгенкабинетов. А у Ники на душе вдруг возник неприятный осадок. Хотя, в принципе, с чего?

Влюбилась... Если серьезно, в ее жизни были две решающие встречи. Такие, которые помнятся, из-за которых страдаешь. И все давно умерло...

Сначала был Юра. Юра Друзицкий. У него отец тоже был военврач, как и ее отец. Познакомились они в военном санатории, в Дубултах. Юра начал за ней ухаживать. А ей-то было всего шестнадцать. И, что самое смешное, родители не возражали. Хоть и гуляли они с Юрой под дождичком ночи напролет. От тех ночей, вполне целомудренных, осталось в памяти головокружительное очарование нового для ее девического состояния самопознания. Юре было уже двадцать пять, кое-что он в жизни уже повидал и вел себя с ней, как с взрослой. Он пробудил в ней чувственность, хотя ничего, решительно ничего, кроме долгих объятий и томительных поцелуев, между ними не происходило. Отцы в это время играли в преферанс, а матери занимались собой. Происходи дело в наши дни, а не десяток с гаком лет назад они с Юрой уже наверняка бы по нынешним нравам сто раз переспали, не создавая проблем на пустом месте. Ах, как же она страдала тогда! Так можно страдать только в шестнадцать лет. Хорошо, что ума и чувства самосохранения хватило достойно закончить школу. Потом она узнала, что месяца через три после точки на их романе Друзицкий благополучно женился. Ощущение было от известия — все потроха вынули, перелопатили и обратно уложили не в том порядке.

Впрочем, что Бог не делает, все к лучшему.

Потом был Кирилл, майор ВВС. Чем-то он напоминал Друзиц-

кого, с которым Ника впервые почувствовала, что значат для женщины мужские руки, мужские губы.. Потому, наверное, ее потянуло к нему чуть ли не с первой минуты знакомства. А может быть, просто пришла зрелая осознанная любовь. И если бы тогда сразу, не полагаясь на более удобное время, на более нормальные условия.. Но все кончилось прахом. Улетел ее летчик. Обещал писать, и писал немного, а потом.. Ника не получила даже новогодней открытки. Но все ждала. От нового года до восьмого марта, от восьмого марта до первого мая. Ни с кем не знакомилась, что переросло во вредную привычку. И если честно, ждала еще позавчера. Но вдруг познакомилась с парнем. Именно с парнем. Его как-то сложно назвать молодым человеком — за этими двумя словами стоит что-то рафинированное, утраченное в нынешних молодых особях мужского пола. И мужчиной его еще нельзя назвать. Какой он мужчина — взрослый мальчик, парень. Он не похож ни на Юру, ни на Кирилла. Но что-то в нем есть такое, притягательное. Как сказала бы невропатолог Светочка, расскажи ей Ника о своих женских впечатлениях: «Э, мать, да ты просто напоролась на свой физиологический тип». Светочка после развода с мужем, с которым у нее, судя по прозрачным намекам, не все складывалось в интимной жизни, находится в непрерывном поиске этого самого «своего физиологического типа», да как-то все впустую.

«Надо сдать Игорю дачу,— решила Ника.— Не связываясь с бабкой. В рабочем порядке. Человеку жить негде. А бабка против живых денег не устоит. Игорь ведь предлагает триста рублей в месяц!» Ника была уверена: за такие деньги в Москве можно хоромы снять.

Медсестра Наташа посматривала на Нику с видимым удовольствием.

— Вот если бы всегда так...— сказала она, прежде чем пригласить больного.

Прием шел как обычно. Только вот ждала Ника звонка от Игоря. Три фурункула, один закрытый перелом пястной кости. Это ж надо так дать в зубы соседу по квартире, чтобы сломать собственную руку!

— Сосед, небось, следующий по очереди? — спросила Ника, уже представляя либо сломанную, либо вывихнутую челюсть.

— Не,— ответил больной,— он ничего... Даже не в обиде.

Ну и дела...

Потом приходила старушка из серии «беззащитное существо» — совершенно чеховская: и кусочка проглотить не может, и с утра только кофий пила. Ника сочувствовала ей, но ничем не могла помочь. По хирургической части у старушки все оказалось в норме. Из карточки Ника поняла, что к ней старушку направил участковый терапевт: видно, чтоб отвязаться. Ника дала направление на анализы и выписала витамин В-прим в инъекциях. Иначе пациентка уйдет в гнев — доктор лечить не хочет. А та удалилась умиrotворенная, готовясь к серьезным

исследованиям и действенному лечению. И вдруг в кабинет зашла Татьяна Михайловна, главврач.

В кабинете сидел больной, но Татьяна Михайловна сказала властно и холодно:

— Николь Владимировна, зайдите немедленно, сейчас придет Сергей Ильич...

Так... снимают с приема и даже подмену дают. Что случилось? «Беззащитное существо» жалобу накатала? Такие могут.

По коридору Татьяна Михайловна шла быстро и, как казалось Нике, гневно, поэтому Ника уже начала сочинять оправдательную речь. Но вдруг Татьяна остановилась, обернулась, в ее лице выразилось сострадание, и она сказала:

— Ника, к вам пришли из МВД. Что у вас могло случиться?

— Татьяна Михайловна, у меня все в порядке, честное слово. Я не знаю.

— А чего побелела? — глаза Татьяны презрительно сощурились.

— Не знаю. Просто неприятно. И неожиданно

— Гм... Ника, сейчас опять стали смотреть за спекуляцией и разгонять толкучки.

— Господи, да мне и продавать уже нечего. Все спустила. Живу на зарплату,— она непонимающе пожала плечами. И совершенно равнодушная, то есть готовая ко всему, она зашла в кабинет главврача.

— Капитан Сиволодский,— представился молодой человек.— Из отдела по борьбе с организованной преступностью. «Этого только не хватало! Она тут при чем?»

— Я слушаю вас,— сказала Ника. А что она еще могла сказать?

— Николь Владимировна, вы извините, что я вас потревожил, но... У меня тоже работа спешная. Я по поводу самоубийства гражданки Красновой.

Ника облегченно вздохнула. Татьяна Михайловна, застывшая у двери, будто собиралась выйти, не мешать, но ведь хотелось ей знать, в чем дело, тут же вышла — эту историю со слов самой Титовой она знала подробно, и ее она не трогала, так как не касалась сотрудников вверенной ей поликлиники.

— Я уже рассказывала,— сказала Ника.— Но коль вы пришли, могу повторить. Причин самоубийства я не только не знаю, но и не вижу. Настаивать, что произошло убийство, не имею права, так как никакими сведениями не располагаю. Хотя, конечно, если иметь в виду род занятий Ольги, то всякое можно думать. Она боялась СПИДа, потому что последнее время общалась с одним немолодым дамским угодником, бывшим советским гражданином. Она его терпеть не могла, но и не смела от него избавиться. Почему, не знаю. Я все это говорила уже в райотделе. Вообще, вы знаете, не надо копаться в ее жизни, это нехорошо. Она была добрым, очень отзывчивым человеком.

— Да что вы так волнуетесь, Николь Владимировна?

Ника поняла, что, действительно, ее захлестывают воспоминания о Ляльке, что она не может сдержать боль, но постаралась взять себя в руки:

— Мы были дружны с детства. Я ее любила. Она меня тоже. Она мне помогала иногда. Я так и осталась ей должна пятьсот рублей. Ее жизнь была трудная, доля унижительная, но она могла все понять. Благополучные люди часто лишены этого простого свойства. Знаете, вы лучше сами задавайте вопросы.

— Вы видели этого человека, которого Ольга Михайловна не переносила?

— Да. Однажды я поднималась с ним в лифте. Сразу догадалась, что это он. Среднего роста. Несколько полноват, выпирающий живот. Цвет лица желтовато-коричневый, как у человека, постоянно пьющего, немного, подчеркиваю, но постоянно. Загар, конечно, есть, но вот этот оливковый оттенок кожи, который дает готовая к циррозу печень, запомнился и обратил мое внимание. Тем не менее преотличные волосы, пышная шевелюра, очень ухоженная. И у него не было галстука. Шейный платок. Он носил шейный платок. Она звала его Максом.

— Ольга Михайловна полагала, что он мог заразить ее СПИДом?

— Да. Почему-то боялась, что именно он. Она вообще его боялась. Хотя говорила: он хочет существенно изменить ее жизнь. Не в смысле брака, он делал ей деловое выгодное предложение, не знаю, на каких условиях, но именно поэтому Ольга не решалась принять это предложение, смущали условия, о которых она не рассказывала. Я это знаю только потому, что помогала Ольге получить анализ на СПИД. Вируса иммунодефицита у нее не нашли.

— Вы уверены? А если бы она была больна, она пошла бы на самоубийство?

— Не думаю. Если вам нужны подробности осмотра тела, я могу представить. Я оказалась возле Ольги первой. Как врач... Меня вызвала наша дворничиха.

— Давайте еще поговорим об этом Максе. Что вы еще помните?

— Я ничего конкретного о нем не знаю. Я вообще не знаю никого из Ольгиных знакомых. Впрочем... Не уверена, что это ее близкий человек, но она рекомендовала его моей бабушке в качестве покупателя нашей дачи. Сысоев Анатолий... Забыла отчество. Ольга дала ему наш телефон. Он позвонил уже после ее гибели. Пообещал быть на даче вчера, чтобы посмотреть дом. Просил ждать его от пяти до шести, но не приехал.

— И больше вы ничего о Сысоеве не знаете?

— Ничего. Надеюсь, появится.

— Дача-то хорошая? Сколько бабушка за нее хочет, если не секрет?

— Какой секрет. Дача. Так, обыкновенная. Только участок

большой. Генеральский. Дед был генерал. А сколько бабушка хочет, стыдно говорить.

— А все-таки?

— Семьдесят тысяч,— Ника нервно хихикнула.

— Этот покупатель, Сысоев, согласен был с этой суммой?

— Не знаю. Мы же так и не встретились. Но бабушка ему цену назвала по телефону сразу. Он согласился посмотреть дом.

— Бабушка с ним не встречалась?

— Насколько мне известно, нет.

— Краснову вы о нем не расспрашивали? Ну, каковы его возможности, например, что хочет он.

— Во-первых, он объявился после гибели Ольги и, кажется, даже не знал, что ее больше нет. А потом, скажу откровенно, я не хочу, чтобы дача продавалась, хотя стараюсь добросовестно соответствовать намерению бабушки. А лишние разговоры на эту тему мне неприятны. Я вообще не хотела бы знакомиться с людьми, которые будут жить в доме, где я выросла и куда я больше не смогу прийти.

— Не хочется продавать дачу, да?

— Что еще вас интересует по факту гибели Ольги?

— Многое, Николь Владимировна, многое. Что-нибудь конкретное о предложении Макса она говорила? Он предлагал за границу уехать на работу? В конкурсе участвовать? В наркобизнесе?

— Не знаю. Я всегда стеснялась входить в подробности жизни Оли. Она говорила, я слушала. И все. Я ничего не знаю больше того, что она мне иногда сама рассказывала.

В этот момент с противным скрипом медленно приотворилась дверь, и в проеме показалась головка медсестры Наташи.

— Николь Владимировна, там вам звонят. Мужчина...

Ника так посмотрела на Сиволодского, что он не смог ее не отпустить.

Х

Лапин поехал на Казанский в такси. Билеты купил в автоматической кассе. Зашел в один вагон, перешел в следующий и вышел из электрички, чтобы сесть в другую. Принял меры предосторожности. Оставил и эту электричку, когда на параллельных путях остановилась другая. Игорь посмотрел на табличку в головном вагоне: «На Голутвин». Он уже усвоил: в Ильинку можно доехать поездами, следующими до станций «47-й километр», на Раменское и в этот вот городок с малосимпатичным названием. Ехать в Ильинку ему было еще очень рано, ведь Ника закончит прием в восемь, пока доберется, будет в лучшем случае половина десятого. Но деваться все равно некуда. В Москве оставаться опасно. А путать следы в его интересах, поэтому он вышел из электрички на Голутвин и пошел к

той, которая через двадцать минут отправлялась на Раменское. Пересек платформу и именно в этот момент заметил, что за ним следят Только этого не хватало! Ну, нет. Ильинку он не засветит. Он вернулся в голутвинскую электричку. Пока можно и там посидеть, почитать газетку. Пусть думают, что он намылился на неблизкий путь Минут через пятнадцать зашумели заработавшие двигатели электровоза, в вагон набилось порядочно пассажиров, и Игорь рванул к дверям, опасаясь, как бы они не захлопнулись перед его носом. Вырвался, побежал к подземному переходу на другую платформу и увидел, как за ним, именно за ним, бегут от той же голутвинской двое. Что у них на уме? Узнать, где он собирается отсиживаться? Или тот, в замшевом пальто, уже дал приказ его ликвидировать? Поживем — увидим. Пистолет лежит в кармане. До Раменской электрички он решил не бежать, все-таки одно направление, преследователи сообразят, куда он торопится. Нырнул в двери вагона, даже не поинтересовавшись куда идет поезд. И только когда состав тронулся, узнал, что на Гжель. Не совсем в другую сторону, как ему объяснили, но в сторону от Ильинки.

Он вышел в Люберцах. Заметили или нет его маневр преследователи, так и не понял.

Подошел к расписанию, вычитал, что следующая электричка только через двадцать минут и только до Малаховки. Малаховка, так Малаховка. Он прогуливался по платформе, зорко оглядывая лица мужчин, ожидавших поезд Вон они, те, один под часами возле билетной кассы, второй у таблички «Остановка первого вагона». Ладно, как-нибудь

Малаховка оказалась местечком вальяжным. Рынок, магазины, даже ресторан. Потоптался по рынку, не столько присматриваясь к овощам, грибам, фруктам, живым курам и замороженным котяткам в лукошках, сколько к людским лицам. Преследователи на глаза не показывались. Через второй выход он убрался с рынка, оказался у входа в ресторан Пахло в ресторане, конечно, не так аппетитно, как в квартире на Котельниках, но он не собирался здесь обедать. Он просто снял пальто, вывернул его наизнанку, надел и снова вышел на улицу Поплутал по магазинам. Увидел кинотеатр. Зашел в кассы. Продавали билеты на фильм «Первая кровь». Стояла очередь. Сплошь подростковая. В этой очереди его можно увидеть за версту. Тут не спрячешься. Опять пошел к перрону, но буквально споткнулся. Почему они решили, что он обязательно поедет дальше? Почему они опять ждут его на перроне — один у кассы, другой у остановки первого вагона? За железнодорожным полотном он увидел автобусную остановку. Мимо шла женщина с двумя тяжелыми сумками

— Мне надо на Быково, — сказал он ей. — Автобусом доеду?

Она помотала головой и прошла мимо, не остановившись. Странные люди все-таки москвичи. Никогда от них ничего толком

не добьешься А вот и электричка Будь что будет Не ночевать же ему здесь!

Электричка подошла, он сел Поезд начал быстро набирать скорость, в миг за окнами пролетели станции «Удельная», «Быково», «Ильинка» Первая остановка — платформа «Отдых» Игорь вышел Вышли и те двое, он сразу увидел их, хотя на этой платформе вышло немало пассажиров, чуть не полпоезда. Все устремились к автобусам Игорь тоже. И те мгновенно пристроились в очередь на остановке Тогда Игорь пошел пешком Улица прямая, зажатая заборами и высоченными соснами Куда-нибудь выведет. Он шел и шел, пока не оказался на улице, где прямо на него смотрела вывеска магазина «Подарки» Оглянулся. Ага Идут. «Ну и пусть,— зло подумал.— А вдруг я приехал сюда специально, вот в этот магазин?»

Он пошел к «Подаркам», за витриной увидел очередь. Очередь за золотом Игорь никогда в жизни не покупал золотых вещей. Даже интересно стало

— Сказали не вставать,— лениво повернувшись, поведала ему «крайняя» девушка — Магазин через час закрывается

— Я занимал — ответил ей Игорь небрежно — Тут отходили.

Этому приему он выучился в Риге. Там всегда, когда что-то выбрасывали, кровяную колбасу или сыр, говорили, что занимать не надо. Но сослаться на отошедших, а такие всегда есть, не возбранялось Чаще всего Игорь достаивался и до колбасы, и до сыра Последний раз этот номер прошел в очереди за солью. Как же мать была довольна, когда он принес ей целых две пачки!

За ним, несмотря на предупреждение, люди все равно вставали в очередь, все равно надеялись, что отоварятся до закрытия Встали за золотом и те двое Интересно, если и им повезет, они тоже что-то купят? Несколько раз они выходили курить, и Лапин подумал, что они волнуются больше, чем он сам, которого они гонят, как механического зайца Не зря, видно, мать влила в его вены сонную прибалтийскую кровь, усмехался он Его спокойствие должно сбить с толку шустрых ребятишек И вообще, кажется, он один абсолютно сдержан в этой очереди Вон, глянуть на женщин Да они все готовы из собственной кожи вылезти от нетерпения

К прилавку Игорь подошел без четверти семь На него наседали толпа, торопили продавцы, чтобы выбирал скорее А что тут выбирать? Но Игорю вдруг захотелось купить Нике вот это колечко с маленьким бриллиантиком Пятьсот рублей всех разговоров Он ткнул пальцем, указывая на колечко, и растерялся, когда продавщица поинтересовалась размером Представил тонкие пальцы Ники. Наверное, поменьше. Но то, что ему показывали, годилось разве что ребенку. Игорь, испытывая сомнение, взял на номер больше В конце концов, если она примет подарок, если ей понравится, найдет, где уменьшить или

расставить Это же делается В Риге еще совсем недавно практиковали ювелиры-частники. Мать к ним обращалась Полюбовался на кольцо, еще раз осмотрел витрину и попросил выписать цепочку за восемьсот рублей.

— Это мужское плетение,— предупредила продавщица. Так он и захотел ее купить себе.

Оплачивая покупку, спросил у кассирши, как добратся до Быково.

— Двадцать третий автобус, прямо возле нас...

И точно, едва он вышел из магазина, подъехал двадцать третий, он прыгнул в него. И облегченно вздохнул. Преследователи, раскрыв рот, остались стоять на остановке. Но беда оказалась в том, что автобус шел совсем в другую сторону. Он привез Игоря все к той же станции «Отдых». Если бы знать, какие еще тут есть пути-дороги! А те двое, конечно, знали. И он заметил их, они появились очень быстро. Тогда Лапин по-настоящему испугался. Во-первых, уже темно. Они ведь на рельсы под поезд столкнуть могут. Надо смотреть в оба. Как быть? Игорь уже знал, что есть здесь где-то небольшая гостиница, но туда принимают только командированных. Это ему рассказали в очереди. И вдруг он вспомнил... Зримо увидел мост над железнодорожным полотном, а под мостом здание с вывеской во весь фасад: «Подмосковный» — гостиница и ресторан. Это, кажется, не то до Люберец, не то после Люберец. Устроить ребятишкам обманный маневр? Паспорт с ним, гостиница, конечно, самая рядовая. Он покажет парням, что решил перекантоваться в ближайшем московском пригороде, вдруг они успокоятся? Знать бы наверняка, что они хотят? И Игорь уверенно перешел на платформу, откуда отправлялись поезда к столице.

В электричке ему попался словоохотливый дед, который все рассказал. Что выходить надо в Томилино, там сесть на любой автобус, как раз к гостинице привезет.

— А вы случайно не от общества «Локомотив»? — все допытывался дед.— Вы не на игру к нам на стадион едете?

Игорь узнал, что на окраине Люберец есть приличный стадион, где играют в хоккей на траве лучшие команды страны, что сейчас идет первенство, и в Томилино полным-полно самых выдающихся травяных хоккеистов и хоккеисток. Информация заронила пугающее сомнение. А вдруг все эти выдающиеся спортсмены живут именно в той гостинице и... Куда тогда деваться?

Однако в «Подмосковном» было тихо и безлюдно. Никаких спортсменов. Заплатив за номер, Лапин устроился у окна в отведенной ему комнате и принялся смотреть на улицу, на гостиничное парадное. Вскоре он убедился, что его гонители, покурив возле подъезда, потолковав о том, о сем, пошли куда-то под тускло светящими фонарями. Все, они своего добились Ну, а он своего?

Да, он тоже добился своего. Только вот вдруг Ника уже в Ильинке? Как бы она не решила, что он передумал..

Он снова спустился вниз, в холл гостиницы, спросил у администратора, реально ли найти такси.

— Когда есть деньги, все реально,— с усталой усмешкой ответила женщина.— У нас абонементное обслуживание. Платите двадцать пять рублей за вызов и остальное по счетчику. Если устроит, сейчас вызову машину.

— Конечно,— несказанно обрадовался Игорь.— И знаете, я заплачу за номер вперед. Дней за пять.

Она назвала сумму, он умножил на три, протянул деньги и сказал:

— Сдачи не надо.

Администраторша понимающе кивнула. И едва он успел зайти в номер за своим матерчатым чемоданчиком, такси уже ждало его у входа в гостиницу.

Должно же хоть как-то везти, черт побери!

В половине двенадцатого он вышел у станции Ильинка. Дождь, когда такси скроется из виду, и только тогда двинулся к улице Поленова.

В редких домах горел слабый свет, пробиравшийся сквозь полуголые ветви деревьев. И такой же робкий свет пробивался из окон дома Титовых. Калитка была открыта. Его все еще ждали, оказывается. Он поднялся на крыльцо, толкнул дверь и сразу увидел Нику. Завернутая в шерстяное одеяло, она дремала в кресле-качалке. Он тихонько постучал по дверному косяку. Ника вздрогнула и открыла глаза.

— Простите меня...— сказал он.— Простите ради всего святого. На службе задержали. Я так нервничал...

— Это ничего,— ответила Ника полусонно,— вы ужинали?

— Нет. Но не это главное. Главное, у меня получился декадный отпуск. Верите? Затеим ремонт?

— Только не сегодня,— она улыбнулась. Как показалось Игорю, радостно.

Они поужинали, а потом легли спать. Он внизу, она у себя в мансарде. Совсем как в прошлый раз. Только было очень обидно, что она не заметила его преображения. И было досадно на себя, что не нашлось слова и жеста, с которыми можно было бы вручить ей подарок, сувенир, презент на память в знак закрепленного знакомства — бриллиантовое колечко.

Утром, убегая на электричку, Ника сказала, что приедет в субботу. А он буквально всучил ей задаток — шестьсот рублей. Она взяла.

ХІ

Геннадий Большаков начинал как частный кооператор. Аферные дела его не прельщали. Да и к чему аферить, когда тихий отечественный бизнес обрел право голоса и так крепко

рявкнул на госторговлю и госпроизводство, что те затихли, цепенея перед новым конкурентом, немедленно взвинтившим закупочные цены на сырье, продукцию и прочее.

Заняться крупным делом мешало отсутствие первоначально капитала Геннадий Михайлович оценил собственные силы, посоветовался со знающими людьми и открыл кооперативчик по приему стеклотары. Маленький такой кооперативчик: три души Он — председатель, он же приемщик, шофер, конторщица. Бутылки они принимали по пятнадцать копеек Чистого дохода, таким образом, всего пятак, но ничего, набегало на приличную жизнь. Бутылки поначалу возили на ликероводочный и пивоваренный. И с каждым разом понимали, как это невыгодно. Там не требовалось столько бутылок. Пресловутый Указ о борьбе с пьянством выполнялся неукоснительно. Да и не один Большаков оказался умником, который понял, где можно найти деньги, сваленные по неметенным углам московских квартир. Скоро дело пошло и вовсе к краху. Народ сдавал все меньше и меньше посуды. И вдруг кто-то из знакомых рассказал, что в Москве объявился Максим Максимович Гурьев, и это уже не тот Макс, которого многие знали, а многие ненавидели за удачливость, увертливость и богатство, совсем уж другой человек — мистер Гурефф, сопредседатель, совместного советско-канадско-австралийского предприятия. Живет в «Интуристе» и очень радуется звонкам старых знакомых. Многих уже пристроил на хорошие конвертируемые деньги. Макс всегда предпочитал иметь дело только со «своими». Небезвозмездно, конечно, как всегда и водилось у Макса. Про отъезд Гурьева из державы ходили разные слухи. И ни одному Большаков не доверял полностью. Скорее всего, считал Большаков, здесь, в Союзе, Макс сделал и взял для себя все возможное. Человек он деятельный, не довольствуется достигнутым, постоянно нуждается в развитии, как все живое. Вот и рванул Макс туда, где только и возможно без всяких препон и ограничений развиваться беспредельно — в мир желтого дьявола, то есть в свободный мир. И если Макс Гурьев снова на родной земле, значит, к тому у него появились крайне веские причины.

Большаков собрался с духом, поехал в «Интурист», позвонил по внутреннему в номер мистеру Гурефф и сообщил, что готов соответствовать в любом качестве. В ответ услышал снисходительное «хм...» и барственное «заходи»

— И чем ты теперь перебиваешься? — поинтересовался Макс.

Большаков рассказал о бутылочно-баночном бизнесе, неумолимо нисходящем к нулевому итогу.

Макс сочувственно покачал головой:

— А у нас в Ванкувере люди маются... Слушай, ты способен свои бутылочки аккуратно перебить и запаковать бой в пристойную тару? Да не смотри на меня Емелей-дураком. Это только у

нас неспособны понять, что стеклянный бой — отличное сырье. Оно ж, стекло, варится, кипит. Тот же металлолом, только прозрачный. В валюте заплачу, дружище. И кстати, можешь скупить бутылки у коллег. По объему и доход, не прогадаешь.

Они сходу подписали бумагу, мудроно озаглавленную «Договор о предварительных намерениях». Мистер Большаков обязался поставлять мистеру Гуреву стеклянный бой. Но мистер Гурев ничего столь же конкретного пока не обещал мистеру Большакову, поскольку обязывался лишь уведомить о деловых перспективах заинтересованных контрагентов в штате Британская Колумбия (Канада), административный центр г. Виктория.

Сделка в итоге оказалась бартерной. Надежда на доллары себя не оправдала, но на присланных в обмен на битые бутылки пиве и колготках из Канады Большаков начал делать неплохие деньги, куда там бутылочные барыши, рядом не поставишь. И даже тот мизер, что все еще сдавали в его приемный пункт москвичи, его не смущал.

В следующий приезд Гурев обратил малое большаковское предприятие в филиал своей совместной канадско-австралийско-советской фирмы. И в те же месяцы Гурев затеял большое дело, оформление которого возложил на Геннадия и еще одного мужика, Менджлиса Эдика, совершенно непонятной национальности и вида. Черный, страшный, лукавый, глазки китайские, бегают в узких щелочках.

Менджлис имел выходы куда хочешь. Хоть на президентский совет. Он и занялся пробиванием площадей на московской земле под постройку офиса и предприятий СП.

Дело у него пошло, пока не уперлось в сысоевские интересы. Их тоже было кому защищать на достаточно приличном уровне.

И тогда Гурев дал указание вернуться к надежным методам борьбы с конкурентами. Указание выполнили с перевыполнением плана. Ура! Нет Сысоева..

Менджлис с Большаковым двинули в Моссовет получать разрешение на снос рынка. Менджлис пошел по кабинетам. Большаков ждал в коридоре

И тут к нему подошел человек. Сухонький такой, не определить, сколько лет. Бесцветный, волосы реденькие.

— Геннадий Михайлович, — сказал человек. — На пару слов.

Взял вежливо под локоток и повел куда-то по бывшему генерал-губернаторскому особняку. Дорогой представился: Иванов Сергей Степанович.

Иванов, так Иванов. Какая разница, как зовут, главное — что хочет. А вот этого Большаков понять не мог и немного струхнул. А вдруг он из КГБ? Говорят, все дела совместных предприятий теперь гебисты ведут.

Иванов заговорил:

— Приходится признаться, Геннадий Михайлович, мы проиграла. Вы выиграли. Почти честно. Почти, подчеркиваю. Потому

что и ваша, и наша игра стоит на праве сильного. Но есть одно «но», маленькая деталь. Вы знаете, что такой «общак»?

Общак... Ясно: банк клана, предназначенный для помощи севшим коллегам.

— Покойный Анатолий Петрович имел при себе что-то для общего дела,— продолжал Иванов монотонно и невыразительно, медленно прогуливая Большакова по коридору,— Галина Федоровна хранила основной вклад. Мы знаем, что там были ваши люди. Мы готовы уступить территорию рынка, готовы отдать вам наши доходы с этой точки, но если ваши люди захватили общак, то... либо вы нам возвращаете его с изменениями и небольшим процентом, либо мы будем принуждены поступить с вами нечестно. Столь же нечестно,— подчеркнул он голосом и выжидательно установился маленькими светлыми глазками на Большакова.

«Ага,— смекнул Большаков,— или сами растерзаете, или на Петровку отдадите».

— Это недоразумение,— ответил он, стараясь сделать интонацию удивленной.— Ценностей из квартиры наши люди не выносили. Их спугнула милиция.

— Это неверно. Милиция появилась позже, нежели ваш человек покинул дом Галины Федоровны. Мы со своей стороны уверены, что ценности не были изъяты органами, иначе органы имели бы против Галины Федоровны больше, чем ей предъявляется на сегодняшний день.

Большакову стало жарко. Неужели Лапин?.. Вот тебе и новичок, салага... Без ножа зарезал.

— Я разберусь,— обескураженно заверил Большаков.

— Надеюсь,— ответил Иванов, потупив глазки.— Сами догадываетесь: дело не только в ценностях. Дело в принципах. И в тех людях, которые остались без помощи. А потом они могут быть полезны и нам, и вам... Сами понимаете, общак — дело святое,— и он ушел, выпустив наконец большаковский локоть.

Всю дорогу на Котельники Большаков боялся, как бы им с Менджлисом не устроили автомобильную катастрофу.

Алла Филипповна, как всегда, поняла все почти без слов, села к телефону и начала искать Петра. Нашла. Через пять минут он явился.

— Где твой Игорек? — коршуном обрушился Большаков на Сухоручко.

— На дне,— лениво ответил ничего не ведающий Петр.— Чего ты нервничаешь, Гена? Обед скоро?

— Отвечай на вопрос. Где Лапин?

— Отвечаю,— Сухоручко удивленно скривил губы.— Как нам известно, в минувшую среду, через сутки после известных событий, Игорек пустился в бега. Мои наружники вели его долго. Ни Москвы, ни тем более области парень не знает Он

сел в электричку до Гжели, собираясь в Малаховку. В Люберцах сделал пересадку У него же были деньги, он хотел их покрасивше истратить, ясное дело Поехал в Малаховку, потоптался по рынку Очевидно, там узнал про ювелирный на «Отдыхе» Во всяком случае, выйдя на станции «Отдых», он довольно уверенно дошел до этого самого магазина, уверенно встал в очередь Ребята поняли: он двигал туда напрямик и целенаправленно Купил себе золотую цепочку и кольцо, наверное, для матери. Постоянной бабы у него нет.

— Алла Филипповна, — поинтересовался Большаков, — Сколько было денег у Лапина?

— По вашему распоряжению я выдала ему на тысячу триста рублей амуниции, это со скидкой, как вами было указано Пятьдесят рублей за услуги Остальное — его Три тысячи шестьсот пятьдесят рублей

— Мог себе позволить, — констатировал Большаков — Что дальше?

— Дальше он поехал в Томилино, в гостиницу «Подмосковная» По данным администраторши, на следующий день уехал на такси в аэропорт Быково

Короче, надул он твоих наружников филигранно. Он просто от них оторвался Ищите, ребята, парнишку Где хотите и как хотите И учти. накладные расходы за счет твоих недоумков Ну и за твой счет, потому что не тех людей к делу приставил.

— Что ж мне теперь делать, рыскать по всем городам, куда из Быково самолеты летают? — Сухоручко ничего не мог понять

— Может быть, и так, если не придумаешь ничего умнее Я сегодня буду у Максима Максимовича, придется мне поставить его в известность Дело серьезное, старина Лапин взял сысоевский общак

Сухоручко присвистнул

— Тебя, Петенька, сысоевская шушера первого на кусочки изрежет Тебя там видели Вот именно.. Кстати, ты поищи того таксиста, что вез Лапина в аэропорт Поищи Может, он скажет, куда его пассажир лететь собрался.

Когда Большаков постучал в номер к мистеру Гуреву, открыли не сразу Макс появился на пороге минуты через три, не очень одетый, явно раздосадованный

— Хорошо, Геночка, что приехал, — сказал с тоской в голосе — Нам придется продумать ряд защитных мер

Большаков насторожился Неужели уже и до Макса дошло?

В номере Большаков сразу обратил внимание на включенный портативный магнитофон-кассетник «Грюндик» Так Гурьев, конечно, известный меломан, но сейчас он вряд ли слушал музыку Иначе к чему ежедневно к зданию МВД выезжает их радиомашинка.

— Как ее Сидорова Сказала

— Максим Максимович, — торопливо перебил Большаков

Гурьева.— Я не знаю, что она сказала, но знаю точно... Короче, на нас вешают пропажу сысоевского общака. В квартире Трошиной, оказывается, сысоевский общак хранился! Я так думаю, это райотдел смухлевал.

— Ты думаешь! — зло усмехнулся Гурьев.— Слушай!

Перемотал пленку, включил «Грюндик».

Сначала раздался молодой мужской голос:

— Вы много лет работаете швейцаром в гостинице, Иван Федорович. У вас профессиональная память на лица. Кто из этих трех женщин вам знаком? Кого из них вы видели 22 сентября в холле?

— Вот эту даму. В лисьей шубке.

— Вы присутствовали при передаче ей шубы, не так ли? Кто продал шубку этой даме?

— Да есть такой Эдик... Как фамилия, не знаю. Восточный человек. Часто у нас бывает. В ресторане.

— Кто такой Петр, который ждал женщину на остановке троллейбуса?

— Не знаю.

— Посмотрите на фоторобот. Не встречали?

— Нет.

— А вот этого парня не видели в гостинице? Голубоглазый, высокий, красивый прибалт. У него порой прорывается легкий, но характерный акцент.

— Нет, и этого я никогда не видел. Никогда.

Зазвонил телефон. Гурьев остановил запись и снял трубку. Большаков приготовился ловить каждое слово. Но тот не сказал ничего особенного:

— Спасибо. Нет, не стоит заносить. Я спущусь и заберу в бюро обслуживания. Крайне признателен.

— Что, письмо? — не выдержал Большаков. Неужели сысоевцы уже направили Максиму шантажирующее письмо? Как только посмели!

Гурьев поморщился:

— Да нет. Это мне в воскресенье принесли билеты в Большой на Хворостовского и Троицкую. В концерт пойду. Слушай дальше.

Макс поменял кассету.

Говорила женщина.

— Это Сидорова,— пояснил Макс.

— Он хотел пытать Галю, спрашивал, где клад. Потом он шуровал в квартире.

— Как вы поняли, что он проводит обыск?

— Я слышала, он двигает мебель, стучит по стенам. В кухне долго чем-то громыхал.

— Он снимал воздухоочиститель. Вспомните, после того как из кухни раздались характерные звуки, все стихло? Надолго?

— Нет, не стихло. Он побежал в комнату. Я слышала, скрипнули дверцы шкафов. И еще... В один момент мне показа-

юсь, будто в комнату забрались кошки. Как когтями по железу скреблись.

— Хороший у вас слух, Зоя Петровна. Не было ощущения, что ходят по потолку? По крыше?

— Не знаю... Наверное, не было. Тихо было, тихо. А потом сразу — трах, трах! Дверь вышибали ваши сотрудники.

— Вы могли бы сказать, сколько времени прошло между тем, когда, по вашему предположению, прибалт покинул квартиру, и появлением милиции?

— Не знаю. Меня так шибанули, когда в туалет запихивали, что у меня часики встали. Только сначала мне казалось, что все происходит очень быстро, а потом — что время идет совсем медленно. Запись кончилась.

— Вот что, дорогой Гена... — многозначительно начал Макс. — В милиции прознали все слишком подробно. Чересчур много. Знаешь, кто допрашивал Сидорову? Полковник Быков. Это тертый калач. Плохо дело, Гена. Мальчишку Лапина вы бросили в дело с виду крепкого.. Ну что, других не нашлось? Почему он оказался вооружен? Ну, взяли бы его с личным люди Сысоева. Разве бы мы не откупили младенца? У Сысоева-то? — Гурьев с досадой махнул рукой.

— Мы не знали, что у него нож.

— Плохо. В общем, по всем видимым показателям, обшак взял он.

— Мы уже его ищем.

— Ищем?.. Как вы могли его упустить?

— Он сказал, что после «мокрухи» должен обсохнуть, чтобы Петьку не засветить.

— И вы уши развесили! Вот на чем горим... На отсутствии профессионализма и на доверчивости российской. Ай-ай-ай!.. Я думаю, если парня возьмет Быков, он «расколет» его через пять минут после задержания. Он много знает?

— Почти ничего. К тому же Алла так мальчишку обработала — не то что по фотороботу, по паспортной фотке его не узнать.

— Что за Алла? Надежный человек?

— Вполне. Соломенная вдова одного композитора, который нынче проживает в тех же краях, что и вы. Она нам квартиру свою, что на Котельниках, продала. Не волнуйтесь, Максим Максимович, дело это мы обставили честь по чести. Дали в «Вечерке» объявление: организация купит квартиру в пределах Садового кольца. Сейчас это практикуется, так что интерес милиции вряд ли к ней проявится. Тем более из квартиры она не выезжала, одну комнату мы ей отдали. Все равно нужно было женщину нанять. А работник она золотой. В этикетке и политесе понимает, деловая, очень головастая. Главное, ее совершенно невозможно смутить. Происходящее воспринимает, как будто по-другому не бывает.

— Это хорошо,— кивнул Гурьев.— А Лапина мне придется... Мда... На какую должность ты его оформил?

— Инженером по эксплуатации зданий. Честное слово, в дело он даже не успел вникнуть.

Гурьев так пристально посмотрел на Большакова, будто уличил его во лжи. Тот истово сложил на груди руки, словно умоляя о пощаде.

XII

Как же хорошо было на даче! Прекрасен был запах старого дома, чудесна поющая вечерами печь, умиротворял огонь камина, свежий воздух сада, напоенный ароматом опавших листьев, забытых на высоких ветвях подмороженных утренниками яблук, отцветающих астр и хризантем. Игорь чувствовал себя совсем другим человеком. Все реже на него наваливались приступы отчаяния, озлобления и безысходной точки, держащие в адском плену все последние месяцы. Игорю казалось, что здесь на старой, готовой к торгам даче он будто попал в сопредельное пространство — благое и дарящее будущий свет, чайнную радость. И грезилось, что нашел, наконец, и друга, Нику. Он жил субботой, днем, когда она обещала навестить его. Только снились ему жуткие сны. Очнувшись, он с замиранием сердца уговаривал себя, что пережитое ушло из его жизни навсегда, он готов строить жизнь заново: чище, лучше, проще. С теми людьми он порвал навсегда. Да и разве они могут найти его? Он прекрасно их обманул. Союз велик. Милиция преступников, бросившихся в бега, и то порой не находит. А эти? Что они могут? Подкупать да шарашить. Могут, конечно, убить. Но это уж как получится.

Всю неделю он мотался в Раменское, в магазин «Стройматериалы». Магазин был, стройматериалов не было. Зато нашлись добрые люди. Продали втридорога все необходимое для ремонта дома. Даже печника порекомендовали. В пятницу печник пришел и здорово поработал, взяв по-божески. Печка, правда, перестала колдовски гудеть, зато больше не дымил камин. Печник посоветовал в субботу утром поехать в Малаховку, там умельцы продают красивые кованые каминные решетки и полки под мрамор. Игорю загорелось отделать камин. Сам он не понимал, а мама рассказывала: когда ее родители приехали после войны в Ригу, им по разнарядке дали квартиру в буржуазном доме, дед-то был офицер. В той квартире был потрясающий камин. Правда, им не пользовались, но украшением он служил славным. Матери на всю жизнь запомнился. Почему бы Нике не иметь в памяти такую же радость, если все же не удастся сохранить дачу?

Малаховская толкучка потрясла Игоря разнообразием товаров. И откуда все берется, если говорят, будто у страны на ширпотреб валюты нет? Не те люди, что ездят за рубеж, здесь тор-

гуют, сразу видно. Он купил себе французский свитер. Но умельцев с каминными полками и решетками не сыскал. Заглянул на рынок, чтобы пополнить съестные припасы. В мясном павильоне, когда Игорь выбирал кусок телятины, к нему подошел какой-то тип и голосом чревовещателя проговорил:

— Два билета на Хворостовскую и Троицкую. Стольник...

Игорь улыбнулся. Билеты толкает, а не знает точно, на каких певцов. И подивился наивности тележурналистов, еще вчера обещавших в московской программе, что билеты на уникальный концерт будут продаваться только через кассы театра. А ведь Ника, наверное, и мечтать забыла о Большом. Он, не торгуясь, сунул парню сотенную. Два билета на воскресенье. И у него есть приличный вечерний костюм. А почему бы, действительно, ему не пригласить девушку в концерт? Это совсем другое, чем привычное приглашение в койку. И Игорь возрадовался от мысли, что вот, правда, начинается у него приличная жизнь. Случай посылает такое прекрасное, такое человеческое начало!

Купил еще творога, помидоров, поехал в Ильинку. Так и подмывало подумать — домой. И так надеялся, что явится раньше Ники. А она уже сидела на крыльце, обнимая рябину. Интересно, она заметила, что ступени выправлены, что сделаны новые перила?

— Я хотел приготовить обед и сделать вам сюрприз, — сказал он, улыбнувшись самой счастливой улыбкой.

— Ну вот... А я привезла обед в термосах.

Когда они вошли в дом и она на кухне вытащила из сумок эти самые термосы, он подивился — термосы армейские, но новые.

— Откуда это у вас? — невольно спросил.

— Из снаряжения полевого госпиталя, — ответила Ника, словно он прекрасно знал, как она могла оказаться в полевом госпитале.

Она взглянула на его недоуменное лицо и печально усмехнулась:

— Еще два года назад я была военным хирургом. В Афганистане. Триста пятьдесят операций в экстремальных условиях.

Игорь был потрясен. Она была в Афганистане? Нет, все что угодно, только не это. Да туда шли самые отпетые!

— Как вы туда попали, Ника? Вы?..

— Почему вас так это удивляет? Попала обычно, через военкомат. Подала заявление и... и все. Два года как один день. Сначала в Кабуле, потом на передовой. И сейчас, может быть, осталась бы там, если б не убили и войска не вывели.

— Это неправильно. Я, здоровый мужик, десантник, и то служил в Сибири. Но вас, девушку...

— Я пошла добровольцем.

— По семейной традиции? — недоверчиво спросил Лапин.

— Скорее из-за семейной драмы. Как-нибудь расскажу. Не сейчас. Можно?

Игорь понимающе кивнул. Он и сам терпеть не мог, когда напролом лезли в душу. Но над причинами драмы он гадал весь день. И виделся ему печальный любовный роман: Дон-Жуан — предатель, скандальный развод... Боясь задать лишний не деликатный вопрос, он больше помалкивал, а Ника умело сводила беседы к пустякам, в основном комментировала телепрограмму, пустую, как барабан, и бессодержательную, как комикс. Картинки, картинки... ни уму, ни сердцу. Убедившись, что ни по одной из четырех программ не идет что-то достойное, они решили выйти в сад. Полезно перед сном подышать свежим воздухом. И вот тогда только Игорь сказал:

— Мне случайно достались билеты в Большой на Хворостовского и Троицкую. На завтра. Пойдем?

— А кто это? — простодушно поинтересовалась Ника.

— Не знаете? — Игорь был ошеломлен. — Это очень хорошие оперные певцы с мировыми именами. Русские, но поют за границей. Вот приехали на родину. Поддержать, так сказать, искусство перестройки. Пойдемте, не пожалеете. О них говорили в программе «Время».

— Наверное, я работала вечером и пропустила программу. А в принципе я классическую оперу люблю.

— Вот и славно, — и Игорь попытался обнять ее за плечи. Но Ника отстранилась и вдруг сказала:

— Наверное, мне не стоило приезжать. Но я не могла. Мне так хотелось увидеться с вами. Кажется, вы единственный человек, живой человек в этом мире...

— Ника, что с вами?

— Только не надо меня жалеть. Я откровенно сказала. Вы именно живой человек. Не зашоренный, не закомплексованный. Я вот целый день с вами тут сижу... и чувствую, будто в другом мире.

— Как странно. Я тоже это чувствую, здесь, в вашем доме... Наверное, это его свойство. Может быть, тут еще живут тени тех, кого вы любили, кто любил вас... Может быть, тут хранится аура любящей семьи... — и Игорь подумал, что, кажется, сейчас самое время достать из кармана пакетик с колечком. Он таскал его весь день, не зная, как вручить, нужны же; наверное, соответствующие обстоятельства. Но смех Николь сбил настроение.

— Игорь, да вы мистик!

— Станешь мистиком... — проворчал он, — как помотришь вокруг.

Она словно не услышала его слов.

— Да вы просто хорошо живете. Конечно, наверное, в вашем СП вам достойно по труду платят, наверное, рядом с вами трудятся уважающие себя толковые специалисты, других-то, как я слышала, в совместные предприятия не берут. Потому у вас на душе покой, в голове порядок... И есть место для отвлеченных мате-

рий. Можно думать о философии бытия. Вот почему сейчас нет ни настоящих поэтов, ни настоящих философов? Жизнь не оставляет времени для подлинных чувств и полного своего осмысления, без чего невозможны философия и поэзия.

Они присели на садовую скамейку у покосившегося столика.

— Вы никогда не думали, зачем людям поэзия, философия? — спросил Игорь. Слушать Нику показалось интересно.

— Думала. Особенно когда видела рядом смерть. Мне советовали: относись философски. И я старалась понять, как это? Так и не поняла. Теперь мне кажется, что рассуждения о высоком, о смысле, о предназначении — неважно, в стихах ли, в прозе ли — тысячи лет были нужны людям для оправдания своего присутствия в мире. Сегодня уже нет, надобность отпала, потому что оправдать то, что человек навыворачивал всего-то за какие-то девяносто лет, невозможно. В страшный, бесчеловечный, бездушный век мы живем. Вот что больно. И вместо философии у нас истмат с диаматом, проклятые каждым студентом, а вместо поэзии — так, рифмы на заданную тему. Я не читаю теперь журналов. Скучно.

Никогда еще женщины так серьезно не говорили с ним.

— А что вы любите читать? Классику?

— Уже нет. Она наводит на меня тоску по несбыточному... по утраченному... Давайте поговорим о чем-то другом. О чем все говорят. О сессиях, о дефиците, о мафии... — преувеличенно бодро предложила Ника.

— С вами я не смог бы:

— Почему?

— Не знаю. Кстати, Николь, я давно хочу спросить вас. Почему вас нарекли таким красивым, но немного странным именем?

— Когда я родилась, отец служил в Венгрии. У мамы были трудные роды. Мы с ней вместе почти умирали, но, как видите, обошлось. А у венгров есть обычай — давать ребенку, спасенному в трудных родах, имя спасшего его жизнь врача. Так я получила имя доктора мадам Николь Пужгаи.

— Ужасно романтично! А у меня есть для вас вполне романтичный сюрприз, — неожиданно для себя выпалил Лапин и полез в карман. — Дайте мне руку.

Двумя пальцами он держал кольцо, готовясь надеть его на руку Ники.

Она вскочила, как ужаленная. И бросилась к дому. Он кинулся вдогонку, словно боялся, что сейчас Ника убежит от него навсегда. И тут до него дошло, какой же он дурак.. Время-то к ночи. Что она о нем подумала!

— Ника! — крикнул он, влетев в дом. — Ника!

Она не отозвалась.

Скорее по винтовой лестнице в мезонин.

В спальне ее не было. Он рванул дверь напротив. Ника

стояла на коленях, уронив голову на сиденье старого кресла. Он испугался, что она плачет. Нашупал рукой выключатель, зажег свет.

— Не надо...— услышал ее слабый голос.— Вы все испортили.

Он невольно ее послушался. Снова стало темно. Только отсвет луны сквозь шторы. Подошел, виновато стал рядом с ней на колени.

— Простите Ника, было так хорошо... Послушайте меня... Послушайте... Я ни о чем дурном... Я просто так... Дурак, так надеялся, ваше доверие... Вы не понимаете ничего. Да я... Вот, посмотрите... Оно очень красивое,— нашел ее руку и все-таки надел колечко ей на палец.— Ну, ради меня. Может быть, все у нас случайно, может быть, мы и потеряемся, как нашлись... Но я так хочу, чтобы вы помнили, помнили, как однажды пришел неловкий, дурной, глупый, в себе, во всем запутавшийся... А вы... Я не то говорю, простите...

Ника резко встала. Вспыхнула настольная лампа. Игорь увидел Нику у письменного стола, при свете лампы она рассматривала его подарок. Повернулась к нему. Ее бледное строгое лицо заволокла печаль:

— Мне никогда не делали таких подарков. Я не умею их принимать.

— И не надо, не надо уметь,— заверил Игорь.— Не снимайте,— испуганно добавил.

— Зачем?

— Просто. Ну неужели ничего нельзя в жизни сделать просто!

— Что вы потребуете в благодарность? Поцелуя? Когда мне в детстве чужие люди делали подарки, мама говорила: «Пойди поцелуй тетю... или дядю»,— и она грустно усмехнулась.

Игорь поднялся с колен.

— Дайте мне вашу руку.

Она протянула, словно для рукопожатия. Но он, приняв в свою ладонь ее тонкие пальцы, развернул запястье, коснулся губами. И пошел... Вниз, на свое место.

Утром, проснувшись, он нашел Нику на кухне. Она варила овсяную кашу на молоке. Стояла над кастрюлькой и мешала деревянной ложкой булькающее варево. Посмотрела на Игоря весело и спокойно. А на пальце сияло тонкое кольцо с крошечным бриллианчиком.

XIII

Только предъявив контролеру билеты, они поняли, что сидеть рядом им не придется. Один билет был в партер, другой — на третий ярус. Ника печально улыбнулась:

— Ничего... Хоть билеты не поддельные, и за то спасибо.

Игорь тоже посмеялся, хотя было крайне обидно, что сразу

не рассмотрел билеты и не потребовал с «чревовещателя» за свои деньги качественный товар. Но сейчас ему не хотелось брюзжать. Он с удовольствием разглядывал Нику — совсем для него новую. Заехали к ней домой на Студенческую улицу, она быстро переоделась, а он ждал внизу, не решившись подняться в квартиру, хотя получил на то приглашение. Через пятнадцать минут она вышла, пахнувшая духами и даже подкрашенная. Легкий макияж шел к ее строгим чертам.

Игорь галантно взял Нику под руку, повел в партер, к ее месту. Прозвенел первый звонок. И он побежал на свою верхо-туру.

— Встретимся в холле у лестницы,— шепнула она ему вслед.

На выходе Лапин столкнулся с пожилым, седовласым господином в смокинге, с галстуком-бабочкой. Тот пристально посмотрел на его лицо, чуть отстранился, нахмурился. Игорю на миг показалось, что господин знаком ему. Именно вот таким выражением глаз — тяжелым, пристальным, недоверчивым. Хотя с чего им быть знакомым? Ведь ясно же — иностранец. И Игорь не придавал мимолетной встрече никакого значения.

Пели, конечно, хорошо. Давненько Игорю не приходилось слушать такого чистого вокала. Немного раздражала манера Троицкой. Ему казалось, она переигрывает. А Хворостовский — о, это джентльмен. Неужели Европа способна настолько отшлифовать вчерашнего сибирского мальчишку? Может быть, люди потому и рвутся туда — неосознанно желая обрести не только сытый стол и полный дом, но еще и вот это: подлинность собственной значимости, личное достоинство, попираемые у нас каждым часом несносного бытия?

А дирижер... Да он сам — целый спектакль. Игорь блаженствовал, он уж и забыл, что можно получать удовольствие, слушая музыку и глядя на торжественно-нарядную сцену.

Он искоса оглядел своих соседей по ложе. Респектабельная с виду публика. И вдруг как вырубился: перестал слышать певцов, оркестр. «И я сижу среди этих людей как равный,— подумал горько.— Даже выгляжу тоже вполне пристойно. Как же! Поменял шкуру, новую жизнь начал... Очень вовремя. Милиция всю разыскивает... И сотоварищи по банде тоже не сидят сложа руки, конечно. Наверное, знают уже, что я обманул их. Что же дальше? Не знаю ни перспективы, даже не представляю, как распорядиться украденным, хоть и мечталось устроить себе радостную светлую жизнь. Убийца и вор в тупике,— мрачно сыронизировал он.— А разве я убийца? Я в худшем случае превысил меру необходимой самообороны. Всякому понятно: не я бы убил, меня бы убили. Зачем же тогда у «беженца» имелся при себе пистолет? Что касается сокровищ... Не у сирот взял. Произошла экспроприация экспроприаторов. В нашем обществе явление вполне, с точки зрения морали, исторически приемлемое. Да и кто знал о ценностях, будет молчать о них до

гроба. Я даже не взял денег из сысоевского пиджака. Милиция сразу поймет, что убийство произошло вовсе не с целью ограбления. Так что все не так мрачно», — и, будто утверждая последнее заключение Лапина, в зале вспыхнул свет.

Антракт Скорее вниз, к Нике...

Она уже ждала его, теребя в руке программку. Они медленно пошли рядом. Вокруг них сновали торопящиеся в буфет.

— Как вам концерт? — спросил Игорь.

— Чудесно. Мне так понравился Хворостовский! Сколько в нем благородства!

— Мне неприятно ваше суждение, Николь. Я почти ревную.

— Пустое... Вам идет этот костюм.

— Я всегда считал, что больше всего мне идут потертые джинсы. С мамой доходило до ссор. Она достала мне приличествующую высшему обществу пиджачную пару, а я наотрез отказался носить.

— Странно. С вашей внешностью вы обязаны носить фрак, в крайнем случае — смокинг с гартензией в петлице. — Ника рассмеялась. А Игорю показалось: она смотрит в его лицо с удовольствием. И смутился. Женщины им любовались, он знал это. Но иначе. С каким-то оценивающим, собственническим подтекстом. А взгляд Ники был чист, бескорыстен.

— Мои руки все равно выдают плебс, во что ни нарядись. Оттого я вечно не знаю, куда их деть, стоит нацепить пиджак. Даже сейчас. Честно. Хочется сунуть в карманы, да, вроде, неприлично. А как вам Колобов?

— Он просто чудесник. Маэстро нового времени.

Мимо них опять прошел тот господин с тяжелым взглядом. И опять пристально посмотрел на Игоря, потом перевел глаза на Нику. Лапину захотелось загородить ее собой. Этот тип будто раздевал ее глазами.

Гурьев узнал Лапина сразу. Но не поторопился к телефону. Надо убедиться. Ошибок сейчас делать нельзя. Едва начался антракт, Гурьев заторопился к выходу из зала. Где сейчас может быть Лапин? На своем месте — что вряд ли. В буфете? Трудно найти в сутолоке. В театральном музее? Не слишком реально. В общем, Гурьев присел на банкетку в нижнем фойе, откуда прекрасно были видны бело-золотые двери буфета, беломраморная лестница, ведущая в музей. И вот вроде он. Явно выше всех на голову. Он ли? Гурьев вспомнил патлатого пьяного парня. Действительно, узнать не просто. Гурьев двинулся навстречу. Ах, он еще и не один

Подойдя почти вплотную к красивой элегантной паре, Гурьев понял: он не ошибся. Это, конечно, Лапин. Руки! Его выдают руки. Еще в квартире на Котельниках, рассматривая его, спящего, Гурьев обратил внимание на его руки. Мощные, огромные, красивые, как у Микеланджелевского Давида. Заторопился в раздевалку к телефону. Набрал номер Большакова

— Это я. Объект в театре. Но он не один,— выслушал Большакова и рявкнул:— Я не знаю, что делать с ней! — глупый вопрос Большакова разозлил, и Гурьев в сердцах повесил трубку.

Классическую оперу Ника в основном слышала по радио. В записи И она не знала, как эта музыка, оказывается, действует, когда живьем попадаешь в ее стихию. Нике захотелось разрыдаться на весь зал, когда Троицкая запела арию Виолетты из четвертого акта — самую пронзительную, такую щемящую. Голос певицы выворачивал душу. Ника этого не хотела. Ника внутренне сопротивлялась стороннему вторжению в самые сокровенные свои чувства. И не смогла. Случилось самое страшное. Пришли воспоминания.

Мама. Складывает свои вещи. Бабушка лежит на кровати ничком, не плачет, а только стонет, как от физической боли. Или от бессильной, не имеющей исхода ярости. Отец сидит в углу и непонимающими, почти безумными глазами следит за каждым движением мамы, своей недавней, вчерашней еще жены. И вдруг говорит:

— Во двор прокрался вор.

Мама с демоническим огнем в обычно спокойных, серых глазах закричала ему в ответ:

— Я задыхаюсь, я не могу больше здесь жить! Это не по мне! Иначе я умру!

Не умерла. А папа умер. Не пережил. Быстро так умер, через полгода. Они с бабушкой ночью услышали тихий клекот, легкий хрип... И, когда подошли к нему обе сразу, он только улыбнулся им, широко раскрыл глаза, и все. Зрачки остановились. Бабушка не поняла и не поверила.

— Сердечники так не умирают,— упрямо твердила она Нике.— Сердечники так не умирают.

Сердечники, может быть. А люди с разбитым сердцем — так. Нике хотелось бежать. Прочь, вон, куда угодно, только не оставаться в разоренном доме. Но ведь ее хорошо, правильно воспитывали, и она знала долг. Знала обычай. Девять дней, сорок дней, год. Все что нужно. Все как положено. И для бабушки все, что можно. Все, что от нее зависит. Но потребность бежать не оставляла. Даже ночью у нее дергались ноги, как у собаки, которая во сне победно завершает свару с могучим, истрепавшим ее накануне псом. Она продержалась почти два года. И побежала. Рысью до ближайшего военкомата, самолетом до Кабула, на бэтэрах по огненным рубежам. Ника никогда никому не рассказывала, как жила и что пережила там. Это даже вспомнить и остаться в здравом рассудке трудно. Это можно только раз пережить и отрезать, если уцелеешь. Ну, как рассказать, что ты чувствуешь, когда на тебя сверху падает огонь? Будто из печки, пляшущий огонь поленьев? Или когда ты стоишь, а прямо в центр твоей груди летит ракета, прямо в центр твоей груди, где ямочка и родинка. Или как рассказать, что тебе приносят

раненого, он живой, только у него снята кожа и ему не помочь. И ведь не только знаешь, что бессильна, еще и понимаешь, какое ты ничтожество перед его страданиями. А остальное, что можно рассказать, это уже пошлость и гадость, которые могут быть везде. Там мог пристать -мужик, старший офицер, требовать ночь.. А разве здесь любой бандит не может изнасиловать в твоём же подъезде? Там обкрадывали на таможене. А разве здесь не могут вытащить кошелек? О таком и говорить, и вспоминать не интересно. И еще о том, как предал Кирилл, «крылатый майор» ВВС. Так мог предать Иван, Петр, Сидор... Какая разница между любовью, спянной кровью, и просто любовью? Никакой. Любовь, если она есть,— это любовь. Погибшая любовь и вне театра военных действий, и в мирное время — погибшая любовь. Вот сейчас на сцене умирает любовь Виолетты. Умирает вместе с ней. Виолетте легче. Нике потом пришлось жить дальше.

Аплодировала Ника автоматически, потому что аплодировали все. Скорее бы увидеть Игоря. С ним так легко. Удивительно, что ему вздумалось ее пригреть...

С Игорем они договорились встретиться у дверей. Но Нику толпой вынесло на улицу, а тетка в театральном мундире обратно не пустила. Ника решила стоять у колонн. В конце концов, если Игорь ее не увидит, она-то не пропустит его. Другого выхода нет.

Игорь вышел из ложи, влился в поток зрителей, заполнивший до отказа полукруглое фойе, чтобы медленно, шаг за шагом, ступень за ступенью, начать спуск с третьего яруса, не слишком торопясь, дабы не наступать на пятки ближним, но и стараясь проворно увернуться от напирających сверху зрителей галерки.

Узкая лестница делала поворот, Игоря прижало к стене, он не успел схватиться за перила, как вдруг почувствовал, что падает. И что странно: падал он не вниз, а вбок. Игорь успел сгруппироваться, поэтому ушибся не сильно, только щекой ощутил неприятное прикосновение холодного железа. Темно, хоть глаз выколи. И будто оказался в огромном черном кубе — ни стен, ни потолка. Откуда-то несло нестерпимым холодом. Хрясть!!! — что-то случилось с плечами, грудью, еще немного — суставы и ребра не выдержат навалившейся тяжести. От удара в челюсть из глаз посыпались искры. Лапин попытался подняться, получил удар коленом в живот, потом в пах. Окружающая тьма зазвенела нежно, как капель, и исчезла.

Очнулся Игорь от того, что пятки ритмично и больно ударялись и подпрыгивали. Он схвачен, его волокут, поддерживая под мышки, вниз по лестнице. И странно: снизу будто пробивается свет. Игорь приподнял веки, скосил глаза. Внизу, под лестницей, зияла пропасть... Внутренняя лестница за сценой — понял. Он представлял устройство театральных зданий. В свое время мать курировала культуру.

— Вот сейчас его — шмяк... — слышался голос, — и никаких проблем.

— Сначала пусть расколется, — это был голос Сухоручко. «Ах, падаль, ах, негодяй». Но Игорь боялся подать хоть малейший признак жизни.

Ника дождалась последнего копушу-зрителя, за которым ворчащая билетерша заперла на ключ врата храма искусства. А Игоря так и не смогла дождаться. Предположение, что они разминутся, слабо, но утешало, поэтому нетерпеливая Ника несколько раз бегала к метро, боясь, что он что-то не понял, что она сама напутала, и теперь он ждет ее у дверей не театральных, а метрополитеновских. Ругала себя, что на две-три минуты, но покидала своей пост у колонн. Ну, что теперь делать? Нет, еще не все поклонники европейских знаменитостей покинули театр. Вот еще люди выходят из боковых дверей. Через двери напротив цума все еще идут люди. Это не артисты. Артистический вход как раз с другой стороны. Надежда приободрила. Ника сделала несколько шагов навстречу мужчине, который остановился, чтобы прикурить, прежде чем спохватилась, что Лапин, кажется, не курит. Мужчина прошел, конечно, мимо нее, но вдруг остановился, вернулся и явно обратился к ней:

— Девушка, вы случайно не Игорька Лапина ждете?

Ника собралась уж кивнуть, но что-то насторожило ее в лице этого человека, интуитивно не понравилось. Так однажды ей в госпиталь привели пожилого афганца с вывихом голени. Он чисто интуитивно ей не приглянулся. Она испугалась его глаз. Афганец просил русских врачей о помощи... Ника вправила ему голень и хотела отправить, да он напросился остаться — ночь, время тревожное, да и боль не утихает, а сердце слабое. Валерий Петрович приказал устроить. Она поместила в палату. А афганец вырезал всех раненых, что оказались с ним на соседних койках, и улизнул. Был он диверсантом «духов». В глазах человека, назвавшего имя Игоря, тоже просквозило нечто диверсантское. И Ника, будто не расслышав, переспросила:

— Кого? Лапина? Не знаю такую фамилию.

Человек пошел к метро, а Нике стало жутко. Где же Игорь? Почему о нем спрашивают. Она обошла колоннаду со стороны площади, у артистического подъезда даже свет уже не горел. Ну, не мог же Лапин провалиться сквозь землю?! И не сбежал он от нее... С какой стати? Ника разволновалась. Ей и самой становилось страшно стоять одной возле мрачноватого здания с колоннами в строительных лесах. И, выдержав еще минут пять, она побрела к метро. Ну, куда теперь? Домой или в Ильинку, хоть убедиться, что с ним все в порядке? Конечно, самое разумное ехать домой. А в Ильинку можно с утра, на работу ей к трем.

Ника стояла на платформе станции «Площадь Свердлова», и вдруг оказавшийся рядом мужчина лет тридцати, вполне прилично одетый и, с ее точки зрения, трезвый, спросил в лоб:

— Вам понравился концерт в Большом? А, девушка? И где же ваш приятель?

Она посмотрела, как могла, свирепо и отошла.

Мужчина явно хотел «пристать». Приблизился — и снова:

— Вы разве были в театре одна? Я же вас видел. Такой высокий красивый хлопец. Почему он вас не провожает?

— Нигде я не была! — выпалила Ника. — Я врач, еду с дежурства. Отстаньте...

Но он не отстал. Он сел вместе с ней в вагон и глаз с нее не спускал. Что же делать? Вопросы того мужика с сигаретой, вопросы этого самозванного «следователя»... В чем дело? Ника представила себе, как она выйдет из метро на Студенческую, где горит один фонарь из шести, как пойдет своим глубоким и глухим двором-колодцем, как войдет в просторный и от того еще более жуткий подъезд, где с лампочками тоже напряженно, как будет ждать лифт. И, может быть, у нее за спиной будет вот этот тип. Чего хорошего ждать? А ничего.

Не выйти ли на Курской, не перейти ли на кольцо, там по кольцу до Комсомольской, а на трех вокзалах затеряться проще простого. Ночные улицы Ильинки, полупустые электрички пугали ее куда меньше собственного парадного огромного, как говорят теперь в народе, «сталинского» дома. Там кричи, зови на помощь — никто не отзовется. Стены толстые, кирпичные, двери дубовые. А в электричке с тобой всегда люди. И милицию линейную можно вызвать. А до дачи она дойдет только ей одной ведомыми тропками. И еще неизвестно, кто из них больше испугается шагать через перелесок: она или этот любопытный Бабушке можно позвонить завтра с работы. Она же не обещала ей возвращаться сегодня домой. Еды в холодильнике навалом. И телефон — под боком. Бабка целыми днями обзванивает своих старых приятельниц, делясь прежними и нынешними горестями. Нынче у нее одна горесть — внучка Ника. Да зато какая! Как много можно о ней нарасказать, а еще больше напридумывать. Так что бабуле редко бывает совсем уж скучно.

Ника выскочила на Курской, оглянулась: ей показалось, что парень, расспрашивавший о театре, пробивается сквозь толпу входящих в вагон пассажиров, и... дай Бог ноги, бегом к эскалатору, бегом по эскалатору, бегом к поезду, который уже остановился. Расталкивая людей, Ника нырнула сквозь щель закрывающейся двери. Оглянулась. Нет, он просто не смог бы поспеть за ней. «Господи, слава тебе, Господи...» — облегченно вырвалось из ее груди.

Игоря вынесли через ворота декорационных мастерских. Вынесли, швырнули на заднее сиденье довольно тесного автомобиля. Скорее всего это были «Жигули» — пятерка. А чтобы он не сопротивлялся, тюкнули по затылку кулаком. Хорошо, что не кастетом. Потом его посадили. Игорь по-прежнему претворялся полутрупом. Издал пару хрипов, чтобы произнести более совер-

шенное впечатление, и утих, уронив безжизненно голову и руки. На поворотах болтался, как макаронина на вилке. А сам, порой приоткрывая глаза, наблюдал. Машина попетляла по центральным закоулкам-переулкам и выехала на Ленинградское шоссе. За оконцем Игорь четко различил и стадион «Динамо», и здание «Аэровокзала», и метро «Сокол», а внутри машины — Сухоручко, сидящего слева от него, и незнакомого парня. Затылок шофера тоже не показался знакомым. Их трое — он один.

Промчались по тоннелю под Гидропроектом. Проехали мост над Москвой-рекой. Значит, скоро окружная. На какой-то выбоине машина подпрыгнула, и расслабленное тело Игоря понесло вперед так, что он ткнулся головой в плечо водителя.

— Держите этого м... — недовольно проворчал водитель.

— Перебдели. Ну ничего, откачаем, — отозвался Сухоручко.

Игорь вдруг понял, что должен делать — не пропустить только подходящий момент. Или сразу все угробятся, или он получит свой шанс.

Вдруг машина пошла тише. Игорь напряг слух. Дыхание Сухоручко было мерным, ритмичным. Значит, он спокоен, расслабился — быть все время на стреме трудно. Игорь сквозь ресницы посмотрел на второго. Он прислонился лицом к стеклу. Пора. Игорь мгновенно рванулся, обхватил согнутой в локте рукой шею водителя, приподнял его голову и, прижав к своей груди, резко повернул вправо. Услышал хруст позвонков, голова отвалилась, отвесилась, как тряпочная. Неуправляемая машина понеслась к кювету и врезалась в дорожный столб. От удара распахнулась правая дверца, и напарник Сухоручко вылетел на асфальт. Игорь всем телом навалился на Петра, и как тот ни отбрыкивался, ни отбивался, как ни орал от смертного ужаса, дотянулся руками до его горла и сомкнул пальцы вокруг шеи. И было неважно, что это тот самый Петька Сухоручко, с которым ел в армии из одного котелка. Он душил его, надавливая большими пальцами на острый потный кадык. Из горла Петьки вырвался последний хрип — тоскливый, смертный. По телу пробежала судорога. Все.

Игорь встал, его мутило. Остался второй. Где он? Он может и стрелять. И вдруг, не рассуждая, ни о чем уже не думая, даже о собственной жизни, Лапин бросился бежать. Бежать было трудно. Тело горело и саднило. Но Игорь все равно бежал и бежал. Пока ноги не подкосились и он не рухнул на холодный асфальт. Сил не было, но голова работала. Он сел. Нет, так не годится, совсем не годится. Тот, второй, наверное, побежал прочь, иначе почему не догоняет? Стало быть, можно считать себя вне опасности? Пока? Пока что? Ну, пока они снова не появились. И надо двигаться, как ни трудно. Надо найти хоть кого, кто способен помочь. В чем? Для начала — выбраться отсюда. Было совсем темно. Игорь шел по обочине и все-таки разглядел впереди себя силуэты здоровых грузовиков: не то рефрижераторы, не то эти — по перевозке грузов на дальние

расстояния. Фары не горят, в салонах тоже нет света. А это площадка для отдыха. Игорь постучал в дверцу ближайшего грузовика.

— Ну, кто там? — раздался недовольный сонный голос.

— Откройте ради всего святого...— взмолился Лапин.

Дверца распахнулась.

— Кто ты?..

— Я ехал в такси из Шереметьева,— Игорь не проговаривал заготовку, даже не фантазировал на ходу, он будто играл себя, но не в предлагаемых, по Станиславскому, обстоятельствах, а в условиях искаженной реальности, оттого его слова измученного, загнанного человека звучали искренне и правдиво.— Меня ограбили, избили, вышвырнули из машины... и они уехали. Помогите...

Над мужской головой появилась женская, взлохмаченная, забелела обнаженная рука, вспыхнул свет. Лапин увидел молодого парня и совсем юную девушку.

— У...— протянула она,— вас и отделали!.. Саш, помоги-ка ему влезть, я его хоть оботру полотенцем...

— Не повезло тебе, старик,— хмыкнул Саша.— А как ты сюда попал? Через километр уже Дмитровка.

— Я долго бежал.

— Силен! Газеты читать надо. Там места плохие,— парень подал руку и буквально втянул Игоря в кабину.

— Это точно, там запросто могли убить,— сочувственно сказала девушка. Она мочила полотенце водой из термоса.— Нагнитесь ко мне...

Когда она провела мокрой махрушкой по разбитому лицу, боль показалась Игорю нестерпимой. На глаза навернулись слезы, он стиснул зубы, чтобы не застонать, и заскрежетал ими.

Девушка тяжело вздохнула:

— Терпите, чего там... Сашк, подай аптечку. Вроде там тальк был, от иода он на стенку ползет.

— Там перекись есть.

— А грязный вы какой... Костюм пропал. Жалко. Ничего костюмчик был.

— Слушай, тут пост ГАИ недалеко. Подскочим? В милицию все равно придется...

— А толку? — вздохнул Игорь, сердце у него учащенно забилось: все что угодно, только не милиция.— Номера машины я все равно не помню. Такси, каких миллион. Там уже сидели двое, вроде тоже с самолета. А мне какая разница? Я ж понимаю, что таксисту выгодно, когда полна коробочка.

— О Господи...— вздохнула девушка.— Против лома нет приема. А в милицию все равно надо. По вашим вещам их найдут. Они ж продавать станут.

— Да у меня ничего особенно не было. Чемоданчик с бельем. Сувениры дешевые. Я из командировки.

— Сейчас из загранки видаки возят, а ты — сувениры. Совсем, что ль, башлей не было?

Игорь кивнул.

— Все ясно с тобой. Неправильный ты человек, — шофер Саша засмеялся. — Не фраер. Сейчас только фраера и живут... лещий их дери... Где живешь-то?

— В Быково.

— А... Надь, подбросим, не возражаешь? Теперь какой уж сон, — посоветовался водитель со своей девчонкой.

Она протянула Игорю стакан горячего кофе, бутерброд и утвердительно кивнула.

Первый раз Игорь ехал в такой машине. Высоко — он рядом с водителем, сзади на топчане лежала Надя. Она, казалось, не могла молчать. И все говорила, говорила, рассказывала похожие случаи, жалела Игоря, крыла мафию, которая совсем уж распустилась, в открытую действует, скупила всю милицию и, говорят, даже депутатов, потому с ней и сладу никакого...

XIV

Ника поняла, что остается в вагоне одна. Почти все немногочисленные пассажиры направились к выходу. Следующая станция Быково — Аэропорт. Только дюжий парень у дверей сидит и на нее смотрит. Ника встала и пошла за всеми. На платформе она заметила, что дюжий парень тоже вышел из электрички. Быстро сбежав по ступенькам перрона, Ника догнала несколько человек с сумками и чемоданами, которые уверенно двигались туда, откуда доносился мерный гул самолетных моторов.

Аэропорт сиял всеми огнями, будто не миновала полночь. И люди оживленно переговаривались. Какой-то парень в тубейке с большим тяжелым чемоданом насвистывал затейливую восточную мелодию. У Ники и настроение поднялось.

Она вступила в аэропортовский зал ожидания и поняла, что тут ей деваться уже некуда. Немногочисленные пассажиры томилась в ожидании рейса. Ника присела на ближайшую скамью. Она решала, что делать дальше. И тут к ней подсел тот дюжий парень. Итак, уже третий. Ника резко поднялась и пошла к багажной стойке. Он — за ней. Тогда она поднялась на второй этаж. А парень — следом. У дверей ресторана она увидела Дмитрия Тихоновича. Он когда-то был у них участковым в Ильинке, теперь перешел сюда, в транспортную милицию.

— Ника? — удивился Дмитрий Тихонович. — Ты что тут делаешь?

— Меня преследуют...

— Покажи, кто?

Ника резко развернулась:

— Он!

Дюжий парень, уже стоявший на последней лестничной ступени, немедленно попятился и побежал вниз по лестнице, перескакивая через ступени.

Задержанным оказался гражданин Игнатов Виктор Сергеевич, двадцати шести лет, без определенных занятий, проживающий в Москве. Он, конечно, оправдывался, стараясь обратить все в шутку. И, глядя, как заполняется протокол, бубнил:

— Что я сделал? Что? Ну, вижу, деваха ничего, разодела, духами за версту... Ну, думаю, пристроюсь. Они ж теперь сами не возражают. А на лбу у нее не написано: какая она, из каких... Что я, бабка-угадка? Мужик я. Интересуюсь. Ну, ошибся маленько. И сразу в отделение, сразу в отделение... Тронул я ее, что ли, слово ей сказал? Держался поближе, А ты, лейтенант, сам не интересуешься никогда?

Лейтенант угрюмо поглядывал, отрываясь то и дело от протокола, и недовольно качал головой.

— С какой целью вы, Николь Владимировна, оказались в этот час в аэропорту Быково? — спрашивал он Нику.

Дмитрий Тихонович, стоя на страже ее интересов, ответил сам:

— Остановку она не доехала. Испугалась его. Он к тебе в электричке привязывался?

— Нет, только смотрел.

— За погляд денег не берут,— хмыкнул задержанный.

— И с какой целью вы, Титова, пришли в аэропорт? — не унимался лейтенант.

— Леша, тебе ж говорят,— опять вмешался Дмитрий Тихонович,— из чувства страха. Ей тут до дому пять шагов. Они сюда всегда пешком ходили. Титовы... Да я ее с детства знаю. И родителей знал, и деда, генерала Титова Ивана Павловича.

Упоминание высокого воинского звания подействовало на лейтенанта, и он посмотрел на Нику уже по-другому: все еще строго, но уже несколько сочувственно. А она уже решила, что, если бы не заступничество бывшего участкового, лейтенант точно счел бы ее проституткой, явившейся в порт ловить клиентов.

— Значит, вы, Николь Владимировна, побоялись в Ильинке идти пешком от станции и решили остановиться здесь. Что этот человек вам сделал?

— Ходил за мной по пятам.

— И все?

— И все. Но мне было страшно,— Ника умалчивала, что преследование началось еще в Москве. Слишком много пришлось бы рассказывать, объяснять, и где у нее доказательства, что все трое ее преследователей действовали заодно?

Лейтенант возмущенно бросил ручку. На его лице было написано — вот, заставляют заниматься всякой ерундой! Укоризненно глядя на Дмитрия Тихоновича, он сказал:

— Сам и охраняй своих знакомых. Если они такие нервные. А ты, Игнатов, подпиши. Принеси извинение и свободен.

— Ну, извини, барышня ..— развел руками Игнатов и засмеялся виновато.

Инцидент был, вроде, исчерпан, поскольку посягательства на личность гражданки Титовой не состоялось

— Я тебя провожу,— вызвался Дмитрий Тихонович.— У меня велосипед. Поедешь на багажнике?

Ника обрадовалась Конечно, поедет

— Слушай, девочка, уже третий час,— сокрушенно сказал бывший участковый.— Как это ты в такое время решилась сюда ехать? Бабушка, что ли, здесь?

Ника не могла соврать. Вдруг он завтра заглянет по-соседски — выйдет некрасиво.

— Нет, она в Москве.

— Опять, что ли, поцапались? — жена Дмитрия Тихоновича работала в магазине и знала все.— Да уступи ты старухе. Двое вас и осталось, не считая матери твоей. Но она ломоть отрезанный. Нехорошо, ох, плохо она поступила.

— Это верно.

— Письма хоть пишет? Может, раскаивается?

— Пишет, но не раскаивается. Наоборот.

— Вот люди! Живешь с ними, знаешь, вроде, как облупленных, а они тебе — на-ка, выкуси. Ты, Ник, за бабку держись. Все кровь родная. А старики все такие. Слушай, зайди к моему деду. Он совсем ходить перестал. Сидит и иной раз всплакнет.

— Зайду обязательно, Дмитрий Тихонович, только вашему папе; наверное, к невропатологу надо.

— У нас в поликлинике невропатолога давно нет. А в Раменское отца тащить... понимаешь. Выпиши ему что-нибудь, без рецепта элениум не дают.

— Не стоит элениум. Фаназепам, это полегче.

— Вроде приехали... слушай, а у тебя свет горит...— милиционер явно насторожился.

А Ника обрадовалась. Да так, что чмокнула бывшего участкового в щеку.

— Хорошо, здорово,— соскочила она с велосипедного багажника и побежала к своей калитке. Но Дмитрий Тихонович догнал, остановил, спросил с подозрительностью:

— Это кто ж там у тебя?

— Человек. Мой человек,— выдохнула Ника счастливо. Тот повертел головой:

— Надо же... А дома бабка, что ли, не велит встречаться? Или сама ее стесняешься?

— Сама,— хихикнула Ника.— Спасибо, Дмитрий Тихонович, за все вам спасибо!

— Ладно. Я тут с минутку постою. А то вдруг там вместо твоего человека другие люди. Дачи нет-нет, а чистят — знаешь, наверное.

— Я крикну, если что.

— Ага, кричи,— и он, прислонив велосипед к забору, полез в карман за папиросами. А через десять минут, затерев до ос-

нования скуренную беломорину в землю, поехал обратно. Дежурство еще не закончилось.

Услышав шаги на крыльце, Игорь схватил с тахты одеяло, подошел к двери и стал сбоку, приготовившись сразу, как только нежданный гость зайдет с террасы в комнату, набросить одеяло ему на голову. И уже взмахнул им, как руки сами опустились: Ника... Полуночица... Вот напугала!

Они стояли друг против друга взъерошенные, недоумевающие, опешившие. Он — от страха своего, она — от его странной позы. И тут она увидела его лицо. Запекшуюся ссадину на скуле, отек под глазом, распухшую переносицу.

— Боже! Что это! Я должна вас осмотреть. Кто вас?.. Когда?

— Не знаю. В театре. Меня затащили в репетиционный зал и били. Я, правда, в долгу не остался. Поэтому, наверное, уцелел.

Ника ничего не понимала. Кроме того, что произошло нечто ужасное, и было это, конечно, именно тогда, когда ей задавали прямые вопросы о нем, об Игоре, когда ее преследовали. Значит, все не случайно.

— И вы не знаете этих людей? — спросила недоверчиво

— Нет. Но я догадываюсь, кто их послал и откуда. Из Латвии.

— Господи, да что вы там могли натворить такого, Игорь?

Он уловил в ее голосе нежный упрек и облегченно, и горько засмеялся.

Ника махнула рукой, давая ему понять, что излишние, бередящие душу, растравливающие объяснения ей не нужны, сняла плащ и пошла наверх переодеться. Потом долго мыла руки, искала в громоздкой бабкиной аптечке бальзам от ушибов, зеленку, тальк, мазь Вишневского. Лишь бы не оказалось внутренних повреждений, с остальным она справится.

— Я должна вас осмотреть. Раздевайтесь и ложитесь,— приказала она сухим профессиональным тоном.

Игорь смотрел на нее жалобно, смущенно и не двигался с места.

— Вы меня не поняли? — когда дело доходило до ее прямых обязанностей, пронять Нику смущением, болью, неудобством было невозможно.— Раздевайтесь и ложитесь!

Игорь засмеялся и одетый улегся на тахту, где уже привык спать.

Она стояла над ним с выражением терпеливого выжидания на лице.

Он хмыкнул, неохотно стянул свитер, расстегнул рубашку. Ника включила яркую верхнюю люстру и невольно охнула. У нее сжалось сердце, но она спросила ледяным тоном

— Нунчаками работали?

— Каблуками.

«Если бы был разрыв селезенки, он бы не дотянул .. Почки...

Уже бы лез на стенку. Это отводим,— рассуждала она, примериваясь к избитому животу.— Если задеты ребра... Могут быть мелкие трещины, сгоряча он еще не ощущает дискомфорта.»

— Покашляйте, Игорь,— и она надавила ладонью на грудную клетку.

Он взвыл от боли.

— Кашляйте! — прикрикнула она.

— Не могу...

— Можете, я говорю!

Он выдавил из себя нечто похожее на кашель.

— Больно? Завтра придется делать рентген.

— Не больно ничего. Саднит только.

— Хорошо. Я пропальпирую. Пальпирую я глубоко, терпите. Терпел он, видно, крепко, весь лоб покрылся испариной. «Профессионалы избивали. Господи, неужели и у нас будет, как в Афгане, когда «духи», ненавидящие всех и вся...» — Ника содрогнулась.

— Снимите все-таки рубашку. Я хочу осмотреть плечи и ключицы.

— Не могу,— обессиленно пробормотал Игорь, но все же стянул с ее помощью.

Тут он был цел. Невредим. Ну, ссадина, ну, небольшая гематома. Ерунда. Могло быть хуже. Ника невольно залюбовалась Игорем. Могучий торс, мускулатура рук выписаны прямо-таки художественно.

— Поверженный Аполлон,— засмеялась Ника.— Надо же...

— Тогда вы похожи на Психею, стоящую над дремлющим Амуром. Только она, душа человеческая, не делала ему больно.

— А кто плеснул на плечо Амурчика горячим маслом из светильника? — Ника взяла пузырек с йодом — Между прочим, йод — великое дело,— она хотела затушевать охватившее ее ощущение неловкости.

Игорь вдруг схватил ее руку, вытащил флакон из пальцев, отбросил его и положил холодную ладонь Ники себе на грудь.

— Вот так хорошо,— проговорил он, действительно почувствовав блаженное успокоение.

— Вам просто нужен холод на ушибленные места Я сейчас .

Но он прижал ее ладонь еще сильнее, еще крепче, и оставаться полусогнутой над ним, лежащим, Нике стало неудобно, она невольно присела на край постели. Невольно положила вторую руку на его мокрый лоб. И почувствовала волнение в его полуобнаженном теле. Испугалась сама себя, но это оказался приятный испуг, наводящий истому. Она не могла шевельнуться, да и не хотела.

— Вы не будете считать меня бесчестным соблазнителем? — прошептал Игорь, прикрыв глаза.

— Не знаю. Лежите тихо

— Не хочу... тихо — он потянул ее к себе — Свет горит...

Она поцеловала ложбинку на его груди

Оперативная сводка за воскресенье приподнесла группе полковника Быкова сюрприз. В семи километрах от поворота с Ленинградского шоссе на окружную автодорогу в сторону Дмитровского шоссе обнаружены разбитая машина «Жигули» пятой модели и два трупа. Шофер так и остался за баранкой со сломанной шеей. Пассажир «Жигулей» был задушен, как установила экспертиза, и им оказался разыскиваемый Сухоручко Петр Лукич. Бросилось в глаза, что шея шофера была свернута точно тем же приемом, каким был убит гражданин Оганесян на Малой Садовой. Сухоручко, как известно, имел к тому преступлению прямое отношение.

«Все это не случайно, конечно,— думал полковник Быков.— Стоило следствию заполучить конкретного подозреваемого, начать его поиск, его убирают. Что вполне в стиле бывшего гражданина Гурьева». Быков уже знал, кто является сопредседателем СП, где Сухоручко числился замначальника отдела снабжения.

Говорят: понедельник — день тяжелый. Однако за первым сюрпризом последовал и второй. Позвонили из бюро пропусков. Голос дежурного звучал удивленно.

— Вячеслав Иванович, тут к вам какой-то странный гражданин рвется. С канадским паспортом. Мистер Гурефф.

— Передайте ему трубку,— попросил заинтригованный Быков, сразу поняв, кто это. Появление бывшего гражданина СССР Максима Максимовича Гурьева сразу после гибели Сухоручко не может быть простым совпадением. Этот человек должен, казалось бы, обходить МВД за квартал.

— Максим Максимович, вы пришли по поводу погибших сотрудников вашего предприятия? — сразу спросил его Быков.— Подождите немного. Пропуск вам выпишут,

Полковник Быков давно знал этого человека.

В свое время крупнейший «цеховик», организатор ряда тяжких преступлений, доигрался до того, что за очередную уголовную комбинацию поплатился жизнью родной дочери. Исключительно хитер и ловок. Поразительна его способность оставаться неуязвимым для правосудия. Последний раз ушел из-под носа, поменяв гражданство. Впрочем, Быков располагал незначительными косвенными доказательствами его вины. Хотя его роль была очевидна, но не доказали. Не доказали.

Полковник бросил на мистера Гуреффа равнодушный взгляд, и это подчеркнутое небрежение ударило по самолюбию Макса. Однако он решил не отказываться от заготовленной первой реплики:

— Жизнь, как карнавал, на котором меняются маски и роли...

— Это понятно,— сухо перебил его полковник.— В чем дело?

— Я пришел к вам как к человеку, с которым связан самым дорогим — памятью дочери ..

— Не стоит, мистер Гурев. К убийству Веры вы имели самое непосредственное отношение. Так же, как и к убийству ее жениха.

— Зачем так, Вячеслав Иванович,— со скорбным упреком произнес Макс.— Мы похоронили их в одной могиле. Как Тристана и Изольду, как Ромео и Джульетту... нашей страшной действительности.

— Ну, вам, положим, эта действительность никогда не была страшна,— усмехнулся Быков неприязненно.

— Клянусь памятью дочери, я совершенно чист. Разве мне сегодня, в моем нынешнем положении, выгодно связываться с криминальным окружением? Зачем мне компрометировать дело, на которое и без того косо смотрят ваши бюрократы? Войдите в мое положение, Вячеслав Иванович. Мне грозит гибель. Им мало моей Веры. Пришла моя очередь.

— По порядку, пожалуйста...

Гурев тяжело вздохнул. Посмотрел грустно и начал:

— Вы, конечно, знали о некоей корпорации, которая держала в повиновении несколько московских рынков. Я знаю: вы в свое время арестовали банду рэкетиров, но до руководителей не добрались. Теперь, конечно, вам известно имя главы корпорации. Сысоев Анатолий Петрович. Его смерть всколыхнула определенные круги... моих старых знакомых, с которыми я больше предпочитал бы не иметь дел. Но... Они меня, к сожалению, забывать не хотят. Дело в том, что у людей Сысоева пропал общак. Я им искренне сочувствую. Но они ставят вопрос так: общак взяли якобы мои люди. И либо я возвращаю общак с процентами, речь идет о сумме с шестью нулями, либо они меня убьют!

— При чем тут я? — пожал плечами Быков.— Вам нужна охрана? Я этим не занимаюсь.

— Дело не в охране, а в том, чтобы доказать, что я не имею никакого отношения к преступлению!

— Как всегда, как всегда, Максим Максимович..

— Не понимаю вашей иронии, полковник. Что из того, будто убийцами и грабителями, как утверждается, оказались люди, работающие в моем огромном концерне? Я за них не отвечаю. Лично я их даже не нанимал! Поймите, Вячеслав Иванович, почему я к вам пришел .. Убит Сухоручко. Люди Сысоева напрямую обвиняют его и еще одного парня в краже общака. Так что очевидно: следующей жертвой буду я. Ясно, что это сысоевская шпана разделалась с Сухоручко. Кто ж еще? Меня же считают организатором похищения. Вот зачем я пришел, Вячеслав Иванович. Давайте договоримся. Я вам сообщаю имя убийцы, вы мне обеспечиваете утечку информации, доказывающую, что преступление к моему предприятию и ко мне лично не имеет отношения. Дело, таким образом, носит частный характер

— Зачем вам утечка информации? — Быков действительно не понял. — Суд будет открытым

Э, батенька, до суда же дожить надо. Впрочем... Вы найдите убийцу, его зовут Игорь Лапин, а мы найдем адвоката и через него... Гарантирую, вам наш адвокат мешать не будет. Мне дорога жизнь, дорого мое честное имя.

Быков подавился смехом. И спросил, не скрывая сарказма:

— А вам не кажется, Максим Максимович, странным, что убийство Сысоева произошло, когда вы начали хлопотать о земельном участке, где сейчас расположен колхозный рынок? Чем занимался в свободное от работы в СМУ время покойный Сысоев, следствию известно, так что вы мне ничего нового не поведали. Я знаю о Сысоеве, о краже некоторых весьма больших ценностей из квартиры его любовницы и даже о том, что преступление, действительно, совершил сотрудник вашего СП. Скажите, убийство Сысоева, шабаш на том самом рынке, ваши хлопоты в городских учреждениях, занимающихся подобными вопросами землепользования, — всего лишь совпадение? А я могу поставить вопрос так. Вы устранили конкурента: Сысоева. А ваш исполнитель превысил свои полномочия. Вы желаете выпутаться из щекотливой ситуации. Тем более Сухоручко «засветился». Где гарантия, что Сухоручко убрали не по вашему приказу? У меня есть основания для такого предположения. Тем более шофер машины убит тем же способом, что и подручный Сысоева. Вульгарно говоря, шею ему свернули. Почерк один. Вашего исполнителя — Лапина, как вы его называете.

— Этого не может быть... — заерзал на стуле Гурьев. — Не может быть... потому что мы сами не можем найти Лапина! Он исчез. Скрылся. Ну, понятно, скрылся, потому что украл общак. А вы, Вячеслав Иванович, извините, рассуждаете как те, кто мне грозит. Зачем мне было убивать Сысоева? Достаточно обратиться наверх. Я уже получил бумагу, рынок мы сносим, если вас интересуют подробности, начинаем строительство. Зачем мне жизнь Сысоева? Нонсенс! Возмутительное, оскорбительное для меня предположение! Я получил необходимые бумаги, все оформлено, все законно. Когда вы возьмете негодяя Лапина, вам все станет ясно, сами собой отпадут все ваши подозрения. Вы найдете у Лапина ценности. Вы же будете его допрашивать. Будете спрашивать обо мне. Поинтересуетесь, кто его направил в квартиру на Малой Садовой или как там называется это место... И вам станет ясно, что я ни при чем. Это все, кстати, что я хочу. Быть чистым. И в ваших глазах, и в глазах... людей Сысоева. Я могу вам назвать несколько фамилий в надежде, что вы их обезвредите ради собственной и моей личной выгоды. Но, увы, я не знаю всех.

Гурьев решился пойти к Быкову, когда узнал о гибели Петра. Все, решил он, круг замкнулся. «Если милиция возьмет Лапина, — рассуждал Макс, — тот покажет только, что в преступную деятельность его вовлек Сухоручко. Может назвать имя Боль-

шакова. Скажем — клеветает. Называет фамилию руководителя, которая ему наиболее известна. Больше назвать некого. А мое имя Лапину просто неизвестно. Укажет, конечно, квартиру на Котельниках... Так там уже наводится порядок. А если вспомнит прозвище, которое мне дали эти ребята, так «комдив»... Что такое «комдив»? Василий Иванович тоже был комдив».

Решительным жестом Гурьев выложил перед Быковым страницу машинописного текста.

— Вот справочка, Вячеслав Иванович. Во-первых, несколько фамилий с указанием занимаемых должностей и мест службы официальной — это наиболее приближенные к Сысоеву люди. Но не все, подчеркиваю, не все... И главное — тут все про Лапина.

— О Лапине,— автоматически поправил Быков, пробежав глазами «справочку». — Лапин — студент, живет в общежитии?

— Живет...— желчно повторил Гурьев.— Числится и только. Если б он там появился хоть на минуту... Последний раз его видели в гостинице «Подмосковная», забыл станцию: Казанки... Люберцы? Где-то рядом. Он не вышел на работу 23 сентября, на следующий день после убийства.

Быков прикинул. Многие в словах Гурьева сходятся с данными дела. Но ведь чем всегда был замечателен этот «вечный свидетель» — умеет под прикрытием достоверных фактов увлечь следствие на тупиковый путь.

— А почему я должен вам верить, Максим Максимович? — спросил Быков.— Найдем мы этого Игоря Имантовича Лапина, а у него окажется твердейшее алиби, и вообще он ни при чем. Что тогда?

— В таком случае,— с горечью сказал Гурьев,— лучшим доказательством моей правоты будет мой труп. Позвольте, полковник, задать вам вопрос. Какой навар я получу, если вы найдете Лапина и он окажется совершенно ни при чем? Я ведь не предлагаю вам отбросить другие версии.

Быкову пришлось согласиться, что последнее замечание Гурьева вполне резонно.

Полковник Быков подписал пропуск мистеру Гуреву в двенадцать десять и немедленно вызвал подполковника Левченко.

Протянул ей листок, оставленный Гурьевым, пересказал их беседу.

— Валя, немедленно свяжись с МВД Латвии. Все об этом человеке. Лапине Игорю Имантовиче. И нужно неотложно заняться проверкой остальных. Может быть, на сей раз под страхом смерти Гурьев не морочит нам голову, решился-таки выдать тех, кто так же беззастенчиво продаст его нам. Но будь осторожна.

Из МВД Гурьев уходил окрыленный. По пути в гостиницу решил позвонить Большакову. Остановил машину возле ближайшего автомата. Информация, которую выдал Большаков, озадачила. Не зря говорится: инициатива наказуема. Вполне можно

было обойтись без Быкова. Лапин, оказывается, живет в Ильинке, на даче той особы, с которой был в театре. «Наружники» Большакова крайне удачно «вели» ее до аэропорта Быково. Выяснили фамилию, имя, отчество — Титова Николь Владимировна. И Большаков через Мосгорсправку уже узнал ее домашний адрес и послал людей в Ильинку выяснить, где там эта дача.

XVI

Они проснулись в разгар Божьего дня. Ника вскочила как ошпаренная, сообразив лишь одно — на работу она опоздала безнадежно. А сколько дел проспала! Должна была отвести Игоря на рентген в местную поликлинику, благо врачи хорошо знакомы, обещала навестить отца бывшего участкового, наметила и дела по дому, на участке.

Она сидела на краю тахты, нащупывая тапки и глазами отыскивая халатик. И услышала:

— Не уходи, останься. Я хочу видеть тебя такой... — он деликатно не употребил даже слова «обнаженной». — Какая ты красавица... У меня чувство, будто мы давно вместе. Просто долго не виделись.

Ника живо обернулась, увидела удивительно просветленное, несмотря на ссадины и синяки, лицо Игоря, его глаза, подернутые дымкой нежности, улыбнулась и ответила, ничуть не кривя душой:

— И у меня то же чувство. Что так было всегда. И так должно быть. Как ты себя чувствуешь?

— Прекрасно...

— Меня интересует, не кружится ли голова, не мутит ли... Есть ли какой дискомфорт в области брюшной полости?

— Когда ты задаешь свои лекарские вопросы, у тебя глаза делаются настороженные, как у кошки. И, как у кошки на охоте, совершенно темнеют. Почему?

— Не знаю. А что — тебе не нравится?

— У мамы есть такие серьги, в них камень, забыл, как называется этот камень, тоже меняет цвет. И это красиво.

— Аппетит есть?

— Я бы выпил кофе.

— Неплохо. Если есть намек на аппетит, дела не безнадежны.

Ника, наконец, нашла в груди сваленной на пол одежды халат, сунула ноги в кроссовки Игоря — своих тапочек так и не обнаружила, — и пошлепала на кухню.

Игорь рывком сел на постели, чтобы подняться тоже, и почувствовал, как его повело... Даже показалось: в глазах потемнело. Нет, ей он в этом не признается. Надо только еще немного полежать. Как говорится, полежи — пройдет. Он слышал, как на кухне шумит вода, как Ника гремит посудой, как хлопает дверца холодильника. И вдруг ему стало так уютно, так славно...

Она принесла ему кофе, бутерброд с сыром и яйцо в чашке.

Игорь умилился. Только покойница-бабушка кормила его

яйцом всмятку, которое непременно выливала в чашку, солила, подмешивала масло и крошила туда хлеб.

— Трогательно,— сказал он с благодарностью.

Ел и чувствовал, как Ника следит за каждым его жестом, каждым глотком — ждет реакции.

— Ну, хорошо,— удовлетворенно сказала она, забирая у него посуду.— Теперь можно подумать о костях. Собирайся в поликлинику, это недалеко

— Я не пойду. Я человек тренированный, любой мастер спорта в своем самочувствии разбирается не хуже врача.

— Я видела олимпийских чемпионов — законченных ивалидов. Вставай, вопрос решенный. А если есть трещины? В ребрах? Ты знаешь, что такое трещина? От любого резкого движения — перелом, разрыв плевры.

Игорь понимал, что, если он откажется наотрез, это обязательно насторожит Николь. Надо же заводить карточку, предъявлять документы, и она сразу поймет, что у него есть причины уклониться от визита к врачу. Он встал и начал одеваться.

— Отлично, давно бы так. А вот что мне делать? — она сокрушенно покачала головой.

— Возьми бюллетень, раз врачей здешних знаешь. Коллеги не откажут.

— Да мне и пожаловаться не на что!

И все же она рискнула и пожаловалась: что проспала, что будет нагоняй, а не хочется.

Доктор Кира Петровна, навещавшая еще дедушку, нахмурилась, выслушав Нику, и предложила измерить давление.

— Мать, тебе, и правда, полежать надо,— удивленно сказала она, всматриваясь в показания тонометра.— Переутомилась? Верхнее давление пошаливает. В твои годы это не страшно. Я тебе нарисую справку, а бюллетень по ней оформишь дома, по месту прописки. Кого это ты привела к хирургам?

— Приехал мой друг из Риги.

— Служили вместе?

— Да...— но после вчерашнего правды она никому не расскажет. Вчера она остро почувствовала: каждое слово правды об Игоре может обернуться бедой для него. Хотела бы понять, почему, но она не могла себе позволить ковыряться в перипетиях его судьбы. У него все так же непросто, как у нее самой. Так же, видно, все запуталось. Так ей ли его не понимать? Не сочувствовать? Не стараться сбересть?

Игорь застрял в рентген-кабинете. Ника довольно долго ждала его. Потом они вместе ждали, когда будут готовы снимки.

Олег, рентгенолог, можно сказать, друг детства, обратился прямо к ней:

— Кости целы, а мясо нарастет. Ему нужен бюллетень?

— Нет, спасибо. Главное знать, что все в порядке

Олег кивнул и добавил:

— С синяками и шишками сама разберешься.

Однако в кабинет не уходил, как-то нерешительно топтался возле них, потом спросил озабоченно:

— Слушай, Никуля, а ведь, наверное, надо в милицию сообщить. Травмы на лице и налицо. Что у вас произошло?

Ника испуганно посмотрела на Лапина, но он спокойно ответил:

— Я прилетел на Шереметьево, автобусов нет, взял машину. Меня ограбили и выкинули на дорогу. Я уже сообщил в Москве. Там занимаются.

— Так и запишу,— кивнул Олег и ушел.

Ника, облегченно вздохнув, спросила:

— Только что выдумал?

— Нет, еще вчера.

— А ты уверен, что твои недруги тебя не выследят снова? Он пожал плечами

Дмитрий Тихонович, бывший местный участковый, жил возле почты. И когда шли к нему, Ника вдруг сказала, остановившись:

— Подожди меня здесь, Игорек. Я позвоню на работу и бабушке, чтоб не нервничала.

Он кивнул. Ника вошла в будку автомата, где за пятнадцать копеек звонят в Москву, а Игорь поднялся на крылечко почтового отделения. Он не слышал ее разговора, он подошел к девушке за стойкой и спросил, можно ли заказать Ригу по срочному.

— Попробую...

Игорь согласился ждать. Все равно нужно ждать Нику, пока она осмотрит больного старика. Так они и договорились — снова встретиться на почте. Второпях Игорь не заметил, что в глазах Ники стоят слезы.

— Откуда ты звонишь? — спрашивала мама, и даже приглушенный расстоянием и несовершенством связи ее голос звучал требовательно и сердито:

— Что еще за Раменское? Какая Ильинка?

— Мам, мам, ты подожди... Я все...

— Я звонила в общежитие, я звонила в деканат, мне сказали чудовищные вещи...

— Мам, я как раз хочу сказать... Ты послушай...

— Немедленно берись за ум, сдавай «хвосты»; я позвоню Марии Степановне, она похлопочет, чтоб не отчисляли... Но я требую, чтоб ты взялся за ум!

— Я как раз готовлюсь, мам. Просто в общежитии невозможно, а тут удалось подработать, и я угол снял, за городом. В Москве невысказанно дорого... Все в порядке, ты не волнуйся. Просто тут все крайне сложно. И с едой, и вообще. На все время надо. Ну и подпустил. Не надо никому звонить, я сам уже уладил. Вот сижу тут на одной даче, готовлюсь. Ты-то как? Какой фронт побеж-

дает? Или ждете первый Прибалтийский? — Игорь натужно засмеялся.

— Прекрати! Не исключено, мой телефон слушают! Я ушла с работы, Игорь, ушла, понимаешь? Может быть, скоро приеду, может быть, вместе поедem в Ярославль, тетя Зина нас примет. Я написала ей письмо, жду ответа. Ты понимаешь меня?

— Понимаю, мам... Знаешь, ты лучше сразу к тете Зине. Тут... тут тоже нехорошо. Непокойно. И ничего не купить без визитки. Нужна прописка обязательно.

— Расскажи о себе еще.

— Учусь. Подрабатываю. Может быть, скоро вышлю тебе немного денег.

— Спасибо, сынок. Но лучше будь осторожен с деньгами. Еще пригодятся.

— Конечно,— Игорь чувствовал: они так давно не виделись с мамой, а что еще хуже — они так далеки оказались от действительных, а не интерпретированных в письмах реаний жизни друг другу, что им, по сути, и говорить не о чем.

Он свернул разговор. Да и заказанное время истекало.

— Здоров? — напоследок спросила мама уже мягким тоном.

— А что мне сделается...

— Как все сдашь, напиши. Если не сможешь звякнуть. Понял?

— Понял...— и раздались спасительные гудки, их разъединили.

Ника шла к дому, едва сдерживаясь, молча, односложно отвечала Игорю, почти не слышала, как он рассказывает ей о звонке в Ригу. Выглядела она прямо-таки раздавленной. И, едва ступив за калитку, разрыдалась в голос. Игорь прижал ее к себе — ему никогда еще не приходилось утешать родного человека, женщину, ставшую родной. У матери, что с ней судьба ни вытворяла, характер от того становился еще жестче. Он только вспомнил, когда ему самому доводилось реветь в детстве. Бабушка обязательно сажала на колени и гладила по голове, утирала слезы и шептала нежные слова: «Миленький мой, солнышко дорогое, молчи, мальчик, молчи, все обойдется...» Содрогания всхлипывавшей Ники отзывались в его теле физической болью. Он подхватил девушку на руки, донес до крыльца, усадил Нику себе на колени и голову ее уложил на плечо так, что мокрый нос ее уткнулся ему в шею. Гладил по волосам, вспоминал те бабушкины слова: «Ну, ничего, ничего, дорогая, молчи, молчи...»

— Что случилось? На работе?

— Там все нормально. Звонила.

— Дома?

— Не могу... Не хочу... Она опять за свое, к ней приходил покупатель, опять сослался на Ляльку... Теперь уж точно продаст. Сегодня придет этот покупатель.

Игорь насторожился:

— Кто?

— Не знаю. Уже кто-то другой. Хоть и от Ляльки. Когда она успела... найти столько покупателей. Не понимаю...

— Ты говоришь о подруге, которая погибла?

Игорь начал сопоставлять слова Ники с ее рассказом о том, как вчера к ней приставали, как она попала в отдел транспортной милиции в аэропорту, как там называлась ее фамилия, ее адрес, как потом легко отпустили преследователя. Ника рассказывала подробно, и даже он запомнил ее московский адрес, а уж тот тип наверняка. И что тут дача на Полёнова, полчаса пешком, тип тоже слышал. Опять покупатель от погибшей подруги? Значит, из сысоевской компании? Или из большаковской. Скорее всего. Бабушке же что угодно можно сказать. К бабушке приходили. Сысоев звонил. А эти знают только адрес: в милиции Ника не называла номер домашнего телефона. Стало быть, ближе к ночи этих «покупателей» можно ждать здесь.

Ника думает, что преследователь — каждый в отдельности — был сам по себе. Нет, ее «вели». И парень из аэропорта, которого легко отпустили, потому что против него не было никаких фактов по существу, доложил Большакову, что так стремился скрыть Игорь.

— Ника,— сказал он осторожно,— а может, просто-напросто смоемся отсюда? Ну, явится гражданин, замок поцелует и привет.

Она выпрямилась, посмотрела прямо в глаза Игорю. Ее взгляд был таким трагичным, что ему стало нехорошо, сердце сжалось и заныло.

— Ты же должен меня понимать..— проговорила она, едва ли не с упреком,— ведь и тебя вытолкали в шею из родного дома. Но снова не заплакала, просто скособочилась вся, скукожилась на его коленях, стала похожа на старушку.

— Слушай, какая-то чушь. Как новый покупатель мог получить рекомендацию твоей подруги? С того света?

— Наверное, она говорила не с одним Сысоевым, так всегда делается.

— Ты сама этому удивлялась три минуты назад. А я не удивлюсь, если в качестве «покупателя» сюда явится тот, кто спрашивал тебя обо мне у колонн Большого театра. Или тот, кто молча бродил за тобой по аэропорту.

— Слишком смелое предположение,— тревожно проговорила Ника.— Но уехать отсюда, конечно, стоит.

Она поднялась с его колен, пошла в сад. Он видел, как она остановилась перед молодым невысоким дубком, видел, как она прижалась лицом к его стволу, как погладила темную грубую кору своей светлой нежной рукой. Нет, он не позволит! . Он-то и впрямь знает, каково это — лишиться своего дома! Конечно, признаться, что у него есть эти проклятые деньги, которые так нужны ее бабке, что он может выкупить дачу, невозможно, но. . . Нужно найти выход. Он обязан помочь Нике. И главное — он хочет это сделать. Может, впервые в жизни он хочет сделать

что-то по-настоящему доброе и полезное для другого человека. И совершенно бескорыстно.

«Что мне сделать для Ники, как? — с отчаянием размышлял он об участи Ники, о даче, об этих проклятых деньгах, которые, как дело дойдет до существа своего, могут быть просто бесполезны, не нужны.— Да, я их украл, эти деньги. И готов их отдать на нужное, хорошее дело. Но как? Как?» И вдруг пришла ужаснувшая его мысль — неужели он хочет просто-напросто отделаться от улики, и только это движет им. Да нет. Даже индульгенции на семь смертных грехов он не купил бы на эти деньги для себя. Но как передать, как обставить... И тут Игорь вспомнил, как бабушка с сестрой делили дом в Ярославле, где теперь живет тетя Зина. Нужен всего-то нотариус.

Он решительно подошел к Нике, отвел ее от дерева, обнял: — Ника, мы решили ехать?

Она кивнула.

— Значит, надо двигаться. Ты помнишь, тебе еще нужно успеть в поликлинику. И давай поедем на вашей машине, это будет удобнее со всех точек зрения. Где тут можно достать канистру бензина?

— Ближайшая заправка в Малаховке.

— У соседей есть автомобили? За полсотни продадут бензин?

— Никогда не обращалась.

— Ладно. Я обращусь,— сказал он решительно.

И хоть грызло сомнение, что, может быть, стоит прежде взглянуть на «покупателя», может быть, он ошибся и его расчет, по счастью, неверен, просто совпадение, Игорь стоял на своем: он слишком боялся за Нику. Они же, гады, ее не пощадят.

В Удельной возле универмага, где дорога делает крутой поворот, продавали с лотка цветную капусту. И всего два человека.

— Останови,— попросила Ника.— Бабуля обожает.

Игорь остановился, и Ника побежала через дорогу к лотку. А он, размышляя: как бы, выбираясь из одной ловушки, не попасть в другую, ведь к Никиной бабушке приходили, могут прийти еще и «накрыть» всех троих за вечерним чаем, смотрел на дорогу.

На поворот шли «Жигули», следом за ними — «Волга». Четко друг за другом. Игорь невольно повернул голову. За рулем «Волги» — ошибиться он не мог — сидел Большаков. Значит, все правильно... Но как сказать об этом Нике?

XVII

В двенадцать сорок подполковник Левченко сделала по факсу запрос в Латвийское МВД, а в пятнадцать часов — сообщение: Лапин звонил в Ригу матери из подмосковной Ильинки! Да, там же дача, которую собирался купить Сысоев у Титовой. Титова проходит у Сиволодского свидетелем по делу о гибели Красновой. Новая версия показалась Валентине Михайловне совершенно реальной. Она заявила Быкову с порога:

— Лапин и Титова — сообщники! Вячеслав Иванович Лапин у Титовой на даче, это наверняка. Брать надо обоих. Там налицо преступный сговор. У Титовой имелся корыстный мотив для устранения Сысоева. Я берусь это доказать, но времени нет, надо ехать!

— Да не может такого быть,— обескураженно проговорил Сиволодский. Он докладывал Быкову новые факты по делу о гибели Красновой.

Полковник Быков потер челюсть, поморщился:

— На этом свете, увы, все бывает... Какие у вас доводы, Валентина Михайловна. Только без нахрапа. Обстоятельно.

Валентина уселась. Взяла со стола Быкова папку с делом о гибели Красновой, быстро пролистала.

— Вот, пожалуйста. Титова сама говорит, насколько ей нежелательна продажа дачи. Однако не скрывает, что крайне нуждается в деньгах. Именно в тот день, когда покупатель собрался посмотреть дом, его убивают. Судя по материалам, имеющимся на подозреваемого Лапина, личного мотива для нападения на квартиру Трошиной у него не было.

— Грабеж... по указке,— вставил Сиволодский.

— Лапин в Москве без года неделя. Откуда он точно знал, что можно взять у Сысоева? Это Титова дала наводку. Человек собирается купить дачу за семьдесят тысяч! Семьдесят!

— Наводку дал Сухоручко,— перебил ее Сиволодский.— Титова тут ни при чем. Вячеслав Иванович, Левченко толкает нас, конечно, невольно, к решению принять версию Гурьева и свести все к бытовой краже. Вячеслав Иванович, я опросил всех знакомых Красновой, настойчиво добиваясь примет человека в шейном платке. Он до невероятного по описанию похож на Гурьева! Но как доказать факт их знакомства? В доме Красновой я не нашел писем или фотографий. Это не легче, чем доказать сходство факт знакомства Лапина и Титовой, опираясь лишь на умозаключения и расположение дачи. И вообще, я уверен: Гурьев отдал нам исполнителя. А все остальное и, конечно, Титова к делу отношения не имеет. Валя, не думаю, что Лапин и Титова могут быть знакомы. Это люди разного круга. И к тому же я знаю: у Титовой никого нет. Я интересовался. И вообще, у нее лицо трагически одинокого человека.

— А ты интересовался, где она сейчас, доктор Титова Николь Владимировна? Я горячусь,— Левченко укоризненно посмотрела на Быкова,— но действую без нахрапа. Прежде чем зайти к вам, Вячеслав Иванович, я позвонила в поликлинику, где Титова работает. Она, между прочим, срочно заболела. И сообщила об этом коллегам все из той же Ильинки!

— У тебя, Валя, все в строку. Но Николь Титова не производит впечатления...

Быков резко оборвал Сиволодского:

— Титова прошла Афганистан. Это не могло не сказаться на ее морали, взглядах и поступках.

Быков был готов принять версию Левченко. И был уже готов немедленно отправить в Ильинку группу захвата. Однако очень смущало, что почти нарочито версия Левченко совпадает с заявлением Гурьева о частном характере преступления, хотя очевидно обратное. Нет, Быков не верил Макс. Но где доказательства, что Макс или его приспешники дали сигнал убить Сысоева? Этих доказательств нет, как кстати, и прямых доказательств сговора Лапина с Титовой. Нет ни единого факта, хоть как-то подтверждающего их знакомство. Ну и что, если сегодня два этих человека оказались в одном и том же месте?

— Значит, так,— решил Быков,— в Ильинку ехать бесспорно следует. Но действовать, общаясь с Титовой, деликатно. Я вовсе не уверен, что Лапин у нее, хотя группу захвата с собой взять необходимо. На всякий случай. Ты, Миша, с группой захвата...

— Вячеслав Иванович! — Левченко резко встала.— Я хочу сама допросить Титову.

— Нет, ты поезжай в поликлинику и допроси коллег Титовой. Коллектив там женский...

— У меня другое предложение. Для пользы дела будет лучше, если в поликлинику поедет капитан Сиволодский, он уже бывал там, знаком с людьми. И там, Миша, тебе следует особо поинтересоваться Игорем Лапиным из Риги. В женском коллективе всегда с большим интересом обсуждаются сердечные дела. Наверняка, что-то да всплывет. Хотя бы, что новый кавалер Титовой лет на пять ее моложе...

— Хорошо, Валя, убедила: поезжай с группой захвата,— разрешил Быков.— Если там Лапин, не высывайся. Без тебя умельцы найдутся. Твоя задача только допросить Титову и, как я сказал, деликатно.

— Жалко девушку...— тихо проговорил Сиволодский.— Очень жалко. Она оставляет слишком хорошее впечатление. А вдруг Лапин использует ее в своих целях, и только? Судя по его действиям, он человек решительный, хладнокровный, способный на действие.

XVIII

Ника пошла в поликлинику. Игорь проводил ее до кабинета врача, перед которым в сумрачном ожидании сидела часовая очередь, вернулся в машину и принялся рассматривать уличные вывески, чтобы хоть на время уйти от тяжелых предчувствий скорого конца — конца всему. «Колбасы», «Свет», «Пельменная». . и вдруг словно по глазам ударило: «Нотариальная контора». Он сразу понял, что должен делать. «Перст судьбы. .» — пронеслось в голове, даже жаром обдало. Вдруг появилось мистическое ощущение, что это высшая сила подталкивает его к немедленному поступку, за который ему многое простится. «Конечно, ведь судьба хранит Нику,— объяснил он себе желание тут же повиноваться знаку.— Я не стою снисхождения. Но должен искупить. Черт, до похабного схоже: искупить, купить, выкупить...»

Нотариальная контора была открыта. Только бы не отказали. Лапин огляделся. За ближайшим столом нотариуса сидела женщина лет тридцати, рыжая, вся в веснушках, с удивительно хитрыми зелеными глазами. Живыми и бегающими. Интуитивно почувствовал: с ней он сговорится.

— Мне нужно оформить дарственную на дачу,— сказал Лапин, присаживаясь к столу нотариуса.

— Даритель — Вы?

— Нет. Дело в том, что даритель крайне пожилой больной человек и...

— Дееспособный?

— Что? — переспросил Игорь, взглянул на нотариуса и, встретив лукавый взгляд, понял, о чем речь.— Да, бабушка в порядке. Только ей трудно двигаться. Если везти ее сюда, то чтоб без проволочек. Девушка, я хотел бы сладить дело сегодня, через полчаса я готов привезти бабулю.

Договор о дарении дома, получается...— она поморщилась.— Это дачный кооператив или дача в личном владении?

— В личном.

— Оценка есть?

— Есть, конечно.— Лапин подумал, что страховая сумма на дом должна существовать, коль его намерены продать.— С документами все в порядке. Просто фактически нужно переоформить дом на внуку. Понимаете?

— Конечно. Кому охота платить налог на наследство,— зеленые глаза рыжей девушки — нотариуса стали совсем хитрыми и веселыми. И Игорь ее понял:

— Девушка, милая, я хорошо отблагодарю вас. Дело касается моей невесты. Завтра утром я уезжаю в длительную командировку. Она с бабушкой без меня просто не справится. Помогите,— и Лапин достал из кармана пять сотен.

Девушка даже не взглянула на деньги, смела ладошкой в приоткрытый ящик стола и выложила перед Лапиным бланк договора о дарении.

— Заполняйте. А где внучка?

— Лежит в больнице,— мгновенно нашелся Лапин. «Нет, привести сюда Нику вовсе нереально. Она все испортит тут же». И он врал дальше: — За городом.— И он демонстративно положил перед рыжеволосой еще тыщонку

— Документы ее тоже в больнице? — едко поинтересовалась нотариус, прикрыв бумагами деньги.

— Документы привезу вместе с бабушкой.

— Хорошо, пойду вам навстречу. Раз у вас такие объективные трудности. Заполняйте бланк.

Игорь испугался, что без помощи Ники ему не справиться с этой работой. Но все оказалось проще. Как зовут бабушку — он помнил, адрес дома в Ильинке — тем более, данные Ники знал прекрасно. С единственной графой вышла заминка — стоимость дома...

Нотариус покачала головой:

— От этого налоговый сбор зависит Ну, ничего, сейчас с документами и с бабушкой приедете, машинистка печатает.

— Все? — удивился Игорь быстрому решению вопроса.

— А что вам еще нужно? В поссовет на регистрацию мы документы сами направим В порядке исключения, коль у вас и даритель, и будущий владелец нездоровы,— и она выразительно подмигнула.

Так... Прелюдия прошла почти гладко. Впереди самое трудное. Но он в лепешку расшибется и все сделает. «Я обязан это сделать»,— как заклинание твердил Игорь. Теперь, зная, что Большаков раскрыл его убежище, он не оценивал свою жизнь и в те два сольди, о которых пелось в песенке времен маминой молодости. А кейс, заветный кейс лежит здесь, под задним сиденьем старой «Волги» покойного генерала Титова. «Я обязан сделать это»,— так он почувствовал в саду, когда она плакала, прижавшись к нему мокрым лицом, так он понял, что сысоевские деньги вовсе не делают его свободным и много чего нельзя открыто купить на эти краденые тысячи. Так зачем же они? Чтоб оказаться факиром на час? Но уж коли даже на час становишься кудесником, то хотя бы благородным, добрым...

Игорь готовился увидеть перед собой древнюю старуху, эдакую «пиковую даму», но его встретила вполне ухоженная пожилая женщина в седых буклях, с жемчугом на жилистой шее, в атласном халате. Игорь даже чуточку смутился.

— Э... Анна Павловна? Это я звонил относительно дачи. Я только что оттуда. Она мне подходит. Разрешите?

Войдя в переднюю, дождавшись, когда за ним закроется дверь, добавил многозначительно:

— Деньги при мне. И в нотариате есть договоренность Более того, нас там ждут.

— Вот как! — изумилась Анна Павловна.— Впрочем... Сейчас народ прыткий пошел. Но, может быть, прежде присядем? Вы виделись с моей внучкой? Она все объяснила?

— Да. Кажется, она нездорова. Но дом она мне показала. Я готов его купить. Вы просите...

— Семьдесят тысяч. Проходите,— она толкнула стеклянные двери, и Игорь оказался в старомодно обставленной, изрядно запущенной гостиной. Ему даже показалось, что здесь явно не хватает многих вещей, отсутствие которых как-то наспех, неуклюже закамouflировали. Он сел на громоздкий стул возле такого же громоздкого овального стола, покрытого расшитой скатертью, давно утратившей яркость красок.

— Вы, действительно, готовы сразу расплатиться? — недоверчиво спросила хозяйка.

— Да. Но у меня есть неперемное условие.— Игорь положил на колени кейс, раскрыл его, начал вытаскивать деньги пачку за пачкой. Ему мешал холщовый мешок с драгоценностями, и он ужасно боялся — не дай бог развяжется не к месту,

упадет, рассыплется. Он посмотрел на Анну Павловну, и его неприятно поразило, какой алчностью загорелись старческие, такие спокойные еще минуту назад глаза. Ну, что ж, тем проще будет.

— Так какое условие?

— Вы оформляете не акт купли-продажи, а акт о дарении. На Титову Николь Владимировну.

— На Нику? С какой стати? — она даже отшатнулась.

— Это мое дело! Я в конце концов плачу.

— Какое отношение Вы имеете к Нике?

— Для вас это существенно? Ваша внучка — совершеннолетняя. Я тоже не мальчик, и вы живете на свете не первый день, чтобы не понимать определенных вещей. Но если вы отказываетесь... — Игорь протянул руку к деньгам, явно намереваясь забрать их со стола.

Анна Павловна нахмурилась. Минуты, пока она решала, протекли для Игоря вечностью. Ну, неужели упрямая старуха не видит своей выгоды — и деньги получит, и дача останется в семье!

— Вам нужна расписка?

— Мы сейчас поедem к нотариусу, там все оформим. Иначе сделка не будет иметь силы.

— Да? А вы что... ммм... женитесь на Нике?

— Пока не могу обещать вам это.

— Но тогда?..

— Вас интересует дело? Или я пошел. С деньгами, — и он опять протянул руку.

— Нельзя ли поинтересоваться вашими документами?

— Можно. Вот, пожалуйста, мое удостоверение.

Она схватила книжицу, усмехнулась завистливо:

— Коль вы связаны с границей, тогда все понятно. У этих новых людей деньги всегда бешеные. И что, вы хотите немедленно оформить? — она будто никак не могла поверить в реальность происходящего

— К чему тянуть? Мои деньги на вашем столе.. — он придвинул пачки к ней ближе. — Нотариус ждет. Сколько вам нужно времени, чтобы собраться? И не забудьте все документы на дом, паспорта .

— У меня все есть, — она начала лихорадочно собирать деньги.

— Через двадцать минут я жду вас внизу, — сказал Игорь. За это время поймаю такси

Едва нанятое у Киевского вокзала такси остановилось возле парадного, как вышла Анна Павловна. Ее лицо источало светскую любезность «Хронометр, а не старуха Деньжата придали ускорение», — проворчал Игорь, усаживая ее в машину

Через пятнадцать минут они уже сидели за столом лукавой и рыжеволосой служительницы нотариата.

— Вы нам не нужны,— ласково улыбнулась она Лапину.— Сами справимся.

Игорь решил посмотреть, как там дела у Ники. Побежал в поликлинику. Перед Никой оставалось еще человек десять.

— Еще минут сорок,— устало и вяло проговорила она.— Ты иди, Игорек, я приду.

«Наверное,— подумала Ника,— стоит сейчас выйти с ним на улицу и все рассказать. Впрочем, неприятные известия лучше сообщать позже».

Истомясь в очереди, Ника решила позвонить медсестре Наташе. Спустилась вниз, нашла телефон.

— Ой, Николь Владимировна,— испуганно заговорила Наташа, даже не дослушав первой фразы Ники,— из-за вас такой переполох! Опять тот капитан приезжал милицейский Проваши контакты спрашивал, с кем дружите, то есть насчет амуров.. И все интересовался, не ездили ли вы когда-нибудь в Ригу.

— В Ригу? — Николь обмерла.

— А мы разве знаем точно? Говорим: пока у нас работаете, никуда не ездили вообще. А он говорит: может, к ней гости из Риги приезжают?

Ника от ужаса даже глаза закрыла.

— Что вы ответили, что? — панически спросила.

— Да откуда ж мы знаем.. Я лично сказала, что мужчины вам только по делу звонят. Назвала вашего Валерия Петровича. Правильно сделала?

— Не знаю, Наталья.. Я ничего понять не могу. В чем хоть меня обвиняют?

— Да не говорят! Фотографию показывали. Такого молоденького мальчика, патлатого, хорошенького. А мы говорим, что женщина вы взрослая, с юнцами не связываетесь. Татьяна Михайловна так и сказала капитану: «Может быть, Николь Владимировне и пора замуж, но за взрослого человека, самостоятельного мужчину. А она у нас дама с понятиями и размениваться не станет». Тогда он спросил. где вы были 22 сентября. Татьяна Михайловна показала ему ваше заявление на отгул. Рассказала, что вы хотели в тот день на дачу съездить. Он заявление забрал и уехал. Потом у нас разговоров было!. Ну, как обычно. А чего они, Николь Владимировна? Чего они в вашу личную жизнь лезут? Между прочим, мой Алешка говорит, что это запрещено законом,— муж Наташи учился на третьем курсе ВЮЗИ и считался в поликлинике крупным знатоком права.

— Наверное, так,— сухо сказала Николь — Я в районной поликлинике, я болею.

— Ничего себе! Ой, я, наверное, зря вас расстроила! Николь Владимировна, идите домой, лежите, ни о чем не думайте...

— Буду, буду лежать. — сказала Николь и, повесив трубку,

проговорила по привычке: — Пока .— не отдавая себе отчета, что Наташа ее уже не слышит.

Ее трясло. Что происходит, что? Все связано с Игорем, несомненно. Но что? Она начала думать. Он ввязался в политику, а это сегодня действительно опасно. Его преследуют, потому что он со своими взглядами, рассуждениями, конечно, не в струе. Более того, там, у себя дома, он в обороне. Ну что ж... «Когда мы были в обороне,— объясняла себе Николь неизбежность происходящего, заставляя себя принять реальность как она есть,— мы тоже сложа руки не сидели, потому что иначе не могли. Знали долг и, главное, не могли изменить себе. Да я сама убила однажды человека. Но убивала я не человека, а врага». Однажды им всем, всем врачам полевого госпиталя, пришлось отбиваться от банды. И она убила. Потому что могли убить ее, как застрелили медсестру Свету. «А чем наша сегодняшняя жизнь отличается от войны? И ненавидят, и стреляют, и кровь льют, и нет ни в ком, ни в чем согласия — все против всех. Господи, спаси нас! Игоря, бабушку, меня...» — впервые в жизни Ника пожалела, что не умеет молиться, не знает даже, как крестятся люди — справа налево или наоборот? Даже в Афгане она не ловила себя на этой потребности — оказаться под высшей защитой, под божественным покровом Ока Всевидящего

Допсиховалась. В самом деле подпрыгнуло давление, и послали на флюорографию, а потом выписали бюллетень на четыре дня.

Такси Игорь не отпускал. Надо же еще отвезти бабушку домой. Однако она все еще не выходила от нотариуса, хотя Игорь давно закончил все финансовые дела. Он опять пошел взглянуть, как продвигается сделка.

— Нам еще нужно полчаса, — проговорила рыжая.

У Игоря сложилось впечатление, что бабулька просто задуманно болтает с нотариусом. Нашла случай тесно пообщаться.

Игорь сел в такси и сказал водителю:

— Ну-ка, браток, тут недалеко продуктовая «валютка». Давай заскочим по-быстрому.

Глаза разбежались. Игорь набрал полную корзину разных консервов в цветных банках, несколько коробок с колбасой, копченой рыбой, упаковки с вырезкой, куриным филе. Хватит старухе, еще и им кое-что останется. Не забыл про чай, про печенье, а потом подумал и прихватил по две бутылки лимонной водки и вина «Хванчкара». Это — Нике.

Ему очень удачно запаковали товар в большую картонную коробку из-под блоков сигарет «Мальборо».

...Проводив Анну Павловну до подъезда, Лапин, выложив из коробки несколько свертков и бутылки, сказал таксисту:

— Отнеси в сто пятую квартиру, скажешь — от меня, и вот тебе на чай — сунул водителю десятидолларовик — Давай, а я тут постою.

«Волгу» Титовых Лапин оставил в соседнем дворе. Рассчитавшись с таксистом, он пошел к машине, зная, как действовать дальше. Он сразу заметил стоящую под брезентом такую же «волжанку» двадцать четвертой модели. Номера с нее он снял и бросил в багажник титовской машины.

Ника уже ждала его у края тротуара, у столба. Вид у нее был подавленный.

— Что опять случилось? — спросил Игорь, когда она села в машину.

Ника выложила все. Милиция его ищет, милиция была у нее на работе.

— Тебя преследуют твои враги. Это я понимаю. Теперь они и за меня принялись. Тоже логично, коль засекли нас вместе. Они идут за нами, а милиция, наверное, идет за ними. В итоге больше всех страдаем мы с тобой. Так не должно быть, это нечестно.

У Лапина вырвался облегченный вздох: какое счастье, что она именно так воспринимает события!

— А нас Бог свел, — продолжала Ника, — потому что одному человеку обороняться невозможно. Этих людей арестуют, я уверена, но пока они еще могут тебе навредить. Я должна тебе помогать.

Игорь обнял Нику и что-то шепнул в самое ухо. Ей показалось «Люблю» или «Верь мне».

— Если бы не бабушка, уехать бы на это опасное время куда подальше. Их арестуют, — повторила она — А машина на ходу.

— Я тоже думаю, нам надо уехать на время, — кивнул Лапин. — Хотя бы на те дни, что гарантированы больничным. Об Анне Павловне я подумал. Тут недалеко есть один хитрый магазин, и бабуля уже разбирает посылку от его стола заказов. И вообще, на мой взгляд, твоя бабушка вполне способна, уверенно размахивая визиткой, одолеть любую очередь.

XIX

В просторной комнате с камином на полу валялся разбитый телевизор, на столе лежали четыре пистолета и нунчаки, кастеты, финские ножи. Сильно пахло спиртом. Под буфетом с распахнувшимися дверцами растекалась ярко-зеленая лужица среди осколков хрустального графина.

Четверо в наручниках стояли лицом к стене. На неприбранной тахте лежал грузный человек лет сорока пяти. Его шерстяной свитер набухал от крови. Он предсмертно хрипел.

Ни Лапина, ни Титовой. Вооруженные бандиты — вот кто оказался на генеральской даче.

Старший группы захвата — лейтенант Гушин подошел к Левченко:

— Схватка оказалась короткой, но мощной. У нас потерь

нет. «Скорую» вызвали, с местным отделением милиции связались. Какие будут распоряжения, товарищ подполковник?

— Найдите в доме подходящую комнату и туда вот этих, по очереди, на краткий допрос,— Валентина Михайловна указала на задержанных.

Вдруг один из стоящих у стены опустился на корточки.
— Встать! — скомандовал Гушин.

Парень не шевелился. Левченко подошла к нему. Заглянула в лицо. Совершенный мальчишка.

— Вот с этого я и начну,— сказала она Гушину.

Кабинет покойного генерала оказался вполне пригодным для работы «по горячим следам».

— Тебя как зовут? — спросила Левченко паренька, того самого, которого ноги не держали.

Но он хотел выглядеть браво:

— Зовут зовуткой, а величают уткой.

— Скорее, селезнем. Слушай, «селезень», ты как сюда залетел? Кто тут жоак? Отвечай и без хамства. Я, во-первых, женщина, а во-вторых, подполковник милиции. Молод ты еще по колониям отираться. Да, видно, глуп, коль решил так пошло своей молодой жизнью распорядиться.

— А что я сделал? Чего я вам сделал?

— Кого вы ждали?

— Вас!

— Дурак! — в сердцах выпалила Левченко.

Гушин увел задержанного. Ясно, от него многого сходу не добьешься.

Привели второго. На его запястье синела тонкая полоска татуировки «Сидел»,— поняла Валентина.

— Опять за свое? Теперь как рецидивист пойдешь. Так что, я думаю, в твоих интересах... Как фамилия, имя, отчество?

— Козленков Юрий Николаевич. Я буду говорить. С вами лучше по-хорошему. Тогда и вы...— он шмыгнул носом.

«И когда успел отсидеть? На вид тоже не больше двадцати пяти».

— Кто из ваших ранен?

— Наш старший.

— Фамилию его знаешь? Кличку? Прозвище?

— Большаков он, Геннадий Михайлович. Он нас сегодня собрал и сказал: надо разбираться с Игорьком Лапиным. Он взял чужой общак, говорят. За это. Вор он и убийца, сказали. Его девку Большаков пообещал нам, чтоб не кочевряжился и отдал краденое.

— Вы, Юрий Николаевич, знакомы с Лапиным?

— Не очень. Один раз только вместе в деле были.

— На рынке?

— А вы откуда знаете? — неподдельно удивился Козленков.

— Знаю. Кто остальные трое?

— Мы тут все люди маленькие, работаем по найму. Паспор-

та друг другу не показываем. Ну, зовут их Валерка, Витька и Олежек. Все. Я прошу учесть, что показания я дал добровольно, гражданин подполковник. И что я честно говорил.

Зашел Гущин.

— Валентина Михайловна, врачи прибыли,— он увел Козленкова.

Левченко спустилась вниз.

Над раненым склонились врачи.

— Рана непростая,— сказал один из них, завидев ее,— большая кровопотеря, но, думаю, до реанимации довезем.

Санитары взялись за носилки.

Левченко пошла следом на крыльцо. Там покуривал пожилой милиционер. Он отдал ей честь.

— Старший лейтенант Фомин Дмитрий Тихонович. Я тут живу по соседству. Услышал стрельбу, прибежал. Этот, на носилках, видать, не жилец,— он сокрушенно покачал головой.— Как чувствовал, что здесь что-то будет! Вот не поверите...

— Что так? — Левченко насторожилась.

И так она узнала, что происходило в аэропорту «Быково» в ночь с воскресенья на понедельник.

— Данные преследовавшего Титову человека имеются?

— Конечно. Протокол составили, как положено. Я даже его фамилию помню: Игнатов.

— Вы видели друга Титовой?

— Нет. А жена моя говорит, очень знатный молодец, дай им Бог всего самого лучшего. Вроде, говорят, дождалась она его... которого все из Афгана ждала. А что он из военных, понятно: Вам надо с Олегом, нашим врачом-хирургом, поговорить. Друг Ники ехал из Шереметьева, на него напал таксист с друзьями. Ограбили, избили, но он отделался легко, значит, сопротивлялся не только отчаянно, но и умело.

— Мне нужно немедленно увидеться с вашим хирургом.

— Он у нас на Театральной живет. Можем подъехать. Я покажу.

— Да, пожалуйста.

По дороге к дому хирурга Левченко подробно расспрашивала Фомина о семье Титовых.

— Несчастливая это семья. Может, хоть у Ники жизнь наладится. Генерал — он как столб был, как конструкция несущая. Умер... И пошло-поехало. Мать вскорости от отца Никиного ушла к другому. И хоть бы по любви, как говорится, страстной. Или по молодости, по глупости. Нет. Ведь солидная дама, стоматолог. А чтоб за границу уехать насовсем, вот зачем она за другого пошла. Не то в Америке она... Спрашивать неудобно. А Ника до того дошла, сирота бедная, от горя своего в Афганистан сбежала! Генеральша, бабушка ее, совсем не сахар, злобная женщина. У них до того доходит, что Ника у бабки в долг деньги берет: продукты покупает, бабку же

кормит, а потом со своей нищенской зарплаты ей копейка в копейку возвращает.

— Это вам Ника жаловалась?

— Ника не пожалуется. Просто летом к ним тут одна женщина ходит — убрать дом, участок обработать, так она еще и не такие чудеса видела... — Дмитрий Тихонович с досадой махнул рукой. — Если Ника хорошего человека встретила, пусть живет своей жизнью. Никакой генеральской дачи, никаких бабкиных денег — ничего не захочешь!

«Боюсь, что хорошего человека Ника как раз и не нашла», — подумала Левченко, и ее уверенность, что Титова принадлежит к тому же, что и Лапин, разряду людей, отчего-то поколебалась.

Олег Сергеевич Протасов, врач-хирург, опознал Лапина по предъявленной фотографии.

— Только имейте в виду: волосы он остриг и выкрасил, — добавил Протасов, страдальчески морщась. Он все понял, и ему было очень жаль Нику — вместе росли, вместе на речке купались, вместе ловили раков в пруду «закрытого» санатория.

XX

Обкрутили все варианты, прикинули и так и сяк, а концы, как говорится, не сходятся. Экстренные меры, разумеется, приняли. Направили телеграмму в Латвийское и Эстонское МВД, сообщили номер машины, принадлежащей А. П. Титовой, на тот случай, если Лапин повез свою подругу к матери или к отцу, проживающему, как выяснилось, в Тарту. Но ни в Тарту, ни в Риге Лапин не появлялся.

— Между прочим, они могут поехать к ее друзьям, ее родственникам, — предположила Левченко. — А что мы о них знаем? Вот, пожалуйста, список личного состава медчасти, в которой служила Титова. В основном москвичи, но есть киевляне, новосибирцы. Мать ее в Вене. Но не самолет же им угонять, чтоб к ней добраться?

— А чего, можно, опыт систематически рекламируется центральным телевидением, — хмыкнул Сиволодский. — Между прочим, Анна Павловна — тот еще божий одуванчик. Кремень. Ничего не знает. И о Лапине никогда не слышала. Хотя не больно верится...

Принялись проверять адреса, по которым может объявиться Титова. Пустая работа вышла. Куда, ну, куда они могли деться? И почему машина, которой в гараже нет, как сквозь землю провалилась? Номера поменяли? Поэтому ГАИ не может ее сыскать?

— Странно, что, убегая, они не взяли оружия, — на столе полковника Быкова лежал пистолет генерала Титова с дарственной надписью маршала Жукова.

— Значит, надобности нет. И это тоже странно.

— Ты, Миша, чем унывать и теряться в догадках, поезжай в общежитие, где Лапин прописан. Может, ребята знают, какие

и где у него есть надежные дружки-приятели. Гурьев может убрать нам Лапина и Титову. Об этом надо постоянно помнить. А ты, Валя,— окликнул Быков закопавшуюся в телетайпных лентах Левченко,— поезжай в больницу. Большаков все еще в реанимации? Я думаю, после такой передряги он на мир начнет смотреть иначе. Разговорится не хуже Козленкова. Что мы знаем об Игнатове?

— Пока ничего, Вячеслав Иванович. По месту прописки не проживает уже шесть лет.

В общежитии института Сиволодский нашел трех студентов, живших с Лапиным в одной комнате. Когда он начал объяснять, какое у него к ним дело, ребята глянули друг на друга, друг другу подмигнули, и один, на вид самый старший, сказал:

— У Игорька есть один закадычный друг, с которым он служил в армии. Живет этот друг в городе Гдове. Весной он приезжал и спал на койке Игорька. Хороший дюжий парень, к нам в институт хотел поступать. Но, видно, передумал. Валерой зовут.

— Фамилии не помните?

— Город его помним. Больно название странное: Гдов. Я, честно говоря, первый раз услышал.

— Вы так бойко отвечаете, будто готовились к разговору со мной заранее.

— Да, мы уже отрепетировали беседу с вами,— посмеялся второй парень,— полчаса назад от нас ушли сотрудники районного отдела милиции. Они нас очень долго расспрашивали, куда мог податься Лапин. Где его мама, где его папа, каким родственникам он писал, звонил, к кому ездил. Мы про Валеру из Гдова вспомнили, а вот про тетушку, которая живет в Ярославле, подзабыли. Так что имейте в виду: в Ярославле у Лапина тетка. Не то двоюродная, не то какая-то, точно не скажем. Но как-то, получив письмо от матери, Игорь рассказал, что в Риге житуха совсем стала не фонтан, и он хотел бы просить мать списаться с теткой. На всякий случай.

— Имя тетки Игорь не называл?

— Да нет. С вашими возможностями вы узнаете. Что натворил Лапин? Из райотдела говорили: убил. Но знаете, товарищ капитан, это смешно. Игорек мухи не обидит, хоть силища у него, как у буйвола.

— Идет следствие,— развел руками Сиволодский.

Сотрудники райотдела милиции, на территории которого находилось студенческое общежитие, естественно, в общежитии не были, с тремя студентами не беседовали и о Лапине слышали впервые.

— Все нормально,— сухо констатировал Быков.— Ну, неужели, Мишель, ты сомневаешься, что люди Гурьева умеют устраивать комедию с переодеванием?

Стало ясно — до Гдова не дотянуть. Придется искать ночлег. В Твери Игорь купил карту автодорог. По ней и нашли мотель на трассе Псков — Новгород, на окраине какого-то небольшого городишки.

Свободных мест, как водится, не имелось. Но за взятку всего лишь в сотню их поместили в двухместный номер.

Миг любви был краток. Ника крепко уснула в объятиях Игоря. Он не был по-мужски раздосадован, нет. Его охватило трепетное желание оберегать ее, хранить ее покой. Целуя ее руку, закинутую на его подушку, он с болью подумал: «Вот та женщина, которую Небеса посылают лишь единожды: незаменимая, неповторимая, единственная». Сколько им отпущено хрупкого счастья? Год, месяц? Или день? Лучше не думать. Даже любовь не вселяла ту надежду, которая и заставляет людей жить.

Он не мог уснуть. Прислушивался. Все чудилось: подъезжают машины. Все мерещилось какие-то настороженные, злые голоса, даже казалось, он явственно слышит из коридора зловещий шепот Большакова. Вскочил с постели, подошел к двери. Нет, совершенно тихо. Никого. Выглянул. Пусто, свет погашен.

Показалось, что в комнате безобразная духота. Открыл окно, лег и начал засыпать... Но это был не сон, а лишь тяжелая дрема, когда сознание продолжает работать, размывая границу между забвением и явью. Так, должно быть, спят чуткие звери и грозные хищники — вечно настороже, в готовности бежать, нападать, защищаться.

Но вдруг даже что-то приснилось. Игорь только чувствовал — что-то очень хорошее: мама, залив под солнцем, и он, маленький, на мелководье. Чудилось где-то работает сенокосилка. И вдруг очнулся, ощутив всей кожей — в комнате чужой. Он вскинулся на постели. В полутьме увидел маленькую человеческую фигуру возле кейса. Прыжком бросился, уже готовый бить, ломать, и отпрянул, почувствовав под руками тело ребенка. А тот уже жалобно скулил, хныкал от боли. Мальчишка...

Игорь включил ночник. Перед ним на полу, рядом с его бесценным сокровищем, открывающим двери и подчиняющим людей, сидел мальчишка лет тринадцати, смотрел с нечеловеческим испугом в бесцветных глазах. Худой, линиялый. Первое чувство, которое Игорь зафиксировал в себе, брезгливость. Гадостный мальчишка.

— Дяденька... дяденька... не зовите милицию... Я так просто, я в окно уйду. Не зовите милицию.

— Чего тебе надо?

— Денег.

— И все? Кто тебя послал? Или сам залез?

— Послали.. Меня каждую ночь посылают. В эти окна

большой не пройдет... Дяденька, миленький... не зовите милицию, я сам уйду, я ничего не взял, я только посмотрел...

Игорь подумал, что мальчишку мог подослать Большаков.

— Слушай, я не буду звать милицию, если ты мне без вранья скажешь, кто тебя нанял. Без вранья! Иначе...

— Говорю.. Я каждую ночь... И в Пскове, по гостиницам... Егорыч.. Если я не принесу хоть три сотни, меня спедерастят.

— Что?!

— Да... Егорыч только с ребятами, да .

Стало жалко и ужасно страшно за этого заморыша.

— Я тебя на сей раз выручу. Потому что сам вор,— вырвалось у Игоря.

— Да ну! — мальчишка сомлел, глаза округлились.

— Но только, если ты честно ответишь на мои вопросы. Сегодня у твоего Егорыча были гости?

— У него всегда гости,— растерянно пролепетал мальчишка и всхлипнул, чтоб окончательно разжалобить.

— Откуда? Из Москвы?

— Вроде да. Вчера из Питера приезжали.

— Слушай, тебя как зовут? — спросил Игорь, присаживаясь на корточки рядом с мальчишкой.

— Серега...

— Слушай, Серега. Я вижу, места тут у вас непростые.

— Плохие места, верно,— легко согласился мальчишка.

— Поэтому, старина, давай разойдемся мирно. Ты никому, даже Егорычу, не скажешь, что меня видел. Никому про меня ни слова. И я о тебе молчать буду.

Лапин подтянул к себе кейс, вытащил деньги:

— Это тысяча рублей. Тебе. Чтоб молчать было легче и чтоб ты хоть три дня спал дома и тебя не трогали. Мотай потихому, жену не разбуди Понял?

Парнишка ловко запихал деньги за пазуху, под истертую вельветовую курточку. Уверенно, панибратски подмигнул Игорю:

— Будь спок, хозяин ..— подбежал к окну и исчез.

Лапин невольно выглянул следом. Ага, вон оно что... Под окнами крыша гаража В сумерках он так и не различил хрупкой убегающей фигурки.

Игорь опять лег, но даже не пытался уснуть снова.

«Как легко я сказал о себе: вор. Так же просто, как прежде говорил: студент, мастер спорта, рядовой...— мрачно думал он.— А я даже не вор. Куда как хуже Господи, да как это могло случиться со мной? Именно со мной? Почему? — вопрошал Игорь, терзаясь, и вдруг ответил сам себе: — Да потому, что колея сломалась Колея, по которой все шло вперед и вперед. Я жил, как все ребята моего круга. Учился, и неплохо. Тренировался, имел результаты, в сборную входил. Пришло время служить в армии — не уклонялся. Отслужил, как отпахал. Развлекался, ловил удовольствия жизни, может

быть, больше, чем другие, благодаря положению матери. И в Артеке был, и по «Спутникам» болтался. И вдруг — хрясть! Сломалась колея. Вернулся из армии в родную Ригу и оказался в ней чужой. Мигрант. Оккупант. Соседи-латыши здороваться перестали. Бал начали править те, которые ненавидят меня и таких, как я. Им подчинились остальные — безмолвно, безропотно, запуганно. Им подобные и деда в сорок шестом убили. Как раз на 9 мая. А дед полз, полз к дому. Под ногти у него набилась дорожная грязь. И не дополз. Утром бабушка нашла его, мертвого, у дверей. Четыре пули из «парабеллума» всадили в человека только за то, что носил форму советского офицера. Вот где была моя ошибка, вот где обнаружилась близорукость. Должен был понять, что колея сломалась уже тогда, сразу. И что — придется искать другую, а не идти вразнос. Или должен был просто оглядеться и искать себе место в изменившихся условиях. Стать мутантом, подавить в себе те признаки, что гены заложили, что с детства прививались, и нарабатывать новые, позволяющие эволюционировать дальше вместе с меняющейся средой. И вот, нашел себе место... Клубок запутался — концов не найти. Но все правильно — начала разматываться веревочка, повела на окраину Москвы, потом в Ильинку, к Нике, теперь сюда. А отсюда — куда? В общем, есть в моем нынешнем положении своя жестокая логика. Я оказался вне нормальной жизни. В подполье. Что мне осталось? Что я смог? Только огрызнуться на эту жизнь. Особенно, если ничего ценного, кроме собственной шкуры, в жизни для меня не оставалось. Да только вот судьба-индейка выбросила фант. Подарок. Нику. Теперь я не один. И я отвечаю за нее, неведающую, в меня, преступника, уверовавшую. Дача... Этого мало — сохранить ей дачу. Нужно еще сохранить ее жизнь и саму ее для этой жизни... По силам ли? По средствам?» — Лапин усмехнулся. Нет, все миллионы Сысоева здесь не помогут. Он еще никогда не ощущал в душе подлинного чувства мужского долга. «Вот оно какое...» — понял сейчас.

Утром он порадовался за Нику. Они пошли в ресторанчик мотеля, завтракали, чем Бог послал: какая-то ерунда с претензией на «оливье». Прихватили колбасы из «валютки». А кофе был вполне пригодный. Ника ела с аппетитом и чудесно выглядела. Единственное, на что она пожаловалась, — в плаще ей холодно даже в машине.

— Давай пройдемся, — предложил Игорь. — Может, найдется комиссия или толкучка. Если не шедевр от Нины Риччи, то хоть вязаную кофточку спроворим.

Проходя по залу ресторанчика, Игорь заметил мужскую компанию, сидящую за накрытым столом. Четверо. И еще четверо — за соседним столом. И все эти восемь мужчин, как показалось Игорю, искоса оглядели его и Нику. Он насторожился. Осмотрелся внимательнее. В углу, у подиума со сложен-

ными музыкальными инструментами, сидели еще четверо. Те вроде бы ни на кого не глядели, никого не рассматривали, но все равно стало неуютно, по коже холодок пробежал.

«А у меня всего-навсего пистолет с девяткой патронов»,— озабоченно подумал Лапин.

Ника продолжала ему что-то рассказывать о своих студенческих годах. Он слушал вполуха, напряженно обдумывая, как быть, что делать? Понял главное: надо действительно прогуляться и убедиться, идут ли за ними. Или ему только кажется. А уж остальное — как выйдет.

Они вышли на улицу и пошли прямо, никуда не сворачивая, пока не оказались на небольшой площади с бронзовым Лениным, стандартным зданием под флагом Российской Федерации, универмагом и полуразрушенной церковью, в которой, видно, находился какой-то автокар.

— Повезло, недолго искали,— Ника кивнула на витрину универмага. И они двинули к нему, как вдруг Игорь заметил возле стоявших у края тротуара «Жигулей» одного из той восьмерки, которая завтракала в мотеле.

Он взял себя в руки и пошел мимо спокойной, уверенной походкой. Подхватив Нику под руку, открыл перед ней стеклянную дверь, заставляя себя не оборачиваться, не смотреть на «Жигули».

В отделе трикотажа скучали три продавщицы. Ника подошла к свободной выкладке, начала рассматривать, что тут есть и почем. Нашла довольно приличный зелено-бежевый свитер индийского производства. Он был явно велик для нее размера на два, но она схватила и попросила выписать

— Тебе пойдет, к твоим карим глазам,— одобрительно сказал Игорь, и тут в зеркале трюмо, перед которым Ника примеряла обновку, увидел еще одного из той восьмерки. Он делал вид, что рассматривает чемоданы из жуткого кожзаменителя.

Вдруг в универмаг влетела целая толпа и бросилась к прилавку с сувенирами. Туристы. Вон экскурсионный автобус стоит. Игорь присмотрелся и к этой толпе, но лиц, склоненных над прилавком, не видел. Зато увидел вчерашнего мальчишку, тесно прижавшегося к тетке, которая легкомысленно закинула за плечо сумочку на длинном ремешке.

«Сейчас срежет»,— отметил Лапин.

Он подбежал к мальчишке и схватил его за руку:

— Слушай, Серега... Мы так не договаривались,— и тут его осенило: мальчишка пройдошистый, можно попробовать.— Отойдем, разговор есть.

Мальчишка, пойманный с поличным, оторопело поплелся за Лапиным.

— Слушай, у вас тут оружием торгуют?

Паренек вскинул глаза, оказавшиеся при свете дня острыми и сообразительными

— А что нужно?

И именно уверенность вопроса утвердила Игоря в его догадке: мальчишка способен помочь.

— Автомат Калашникова с парой запасок можешь достать?

Тот ненадолго задумался и ответил:

— Вообще-то... У одного кореша был «шмайссер». Если не загнал еще... К нам ведь приезжают из Эстонии, и латыши приезжают, тоже интересуются.

— Сколько тебе нужно времени, чтоб обернуться?

— За полчаса. Только это три куска. За меньше не отдаст.

— Как договоримся?

— Вы тут побудьте, а я сбегаю. Если что, буду стоять у церкви, там слесарка. Если увидите, что держу холщовый мешок, значит, вышло. Вот так, хозяин. Задаток дайте. Половину.

Отдавая деньги, Игорь подозревал, что трата может оказаться зряшной. Смоется с деньгами парень, и никакого «шмайссера». Но выбора не видел. Или мальчишке верить, или нет.

Нике явно наскучило бессмысленное блуждание Игоря по универмагу. Она все добивалась, чего он еще хочет, но он пожимал плечами, смеялся: а вдруг что попадет. Но ничего не попадалось, кроме кооперативных шапочек из мужского нижнего белья, аляповатой бижутерии да дорогих кружев ручной работы местной фабрики.

— Хочешь? — спрашивал он Нику, показывая на роскошные, северного узора платки, воротники и манишки.

Она смеялась, принимая его предложение за шутку.

— Куда наденешь шальку за полтысячи — в операционную?

Когда они вышли из магазина, возле «Жигулей» так и стоял тот человек из мотеля. А у ворот уже стоял мальчишка с холщовым мешком. Но не подходить же за оружием под руку с Никой. Игорь осмотрелся. Только бы парнишка не бросился к нему со всех ног. Нет, стоит с беззаботным видом. Молодец.

Ага, вот оно. На углу маленький одноэтажный домик. Стандартная вывеска: «Книги».

— Ника, не желаешь полюбопытствовать? — он кивнул на домик с вывеской. В глуши порой можно натолкнуться на настоящий дефицит. Потом вместе почитаем. А я пока покурю.

Не спуская глаз с книжного магазина, боялся все же отпустить Нику от себя. Большаковской братии похитить женщину среди бела дня — плевое дельце, Лапин подбежал к мальчишке. Быстро расплатился и спросил:

— Без туфты?

— Сами стреляли. Отлично работает. И еще три рожка патронов прихватил за те же деньги. Вы ко мне по-людски, и я по-людски, — мальчишка сунул Лапину мешок и проворно шмыгнул за церковно-цеховые ворота.

Игорь сунул мешок под объемную куртку — как кстати

пришлась эта мода — и пошел к книжному магазинчику.

Ника закопалась в томах. Он видел ее сквозь витрину. Игорь понял: сейчас его козырь — безмятежность. Они с Никой ничего не боятся, никого не ждут, никуда не торопятся. А план действий у него уже созрел.

Наконец Ника вышла из магазина, прижимая к себе черный двухтомник Хемингуэя.

— Ты представляешь? — сказала она.

— Пойдем к мотелю? По-моему, в этом городке больше достопримечательностей нет.

Под ногами шуршали бронзовые дубовые листья.

Игорь обернулся. «Жигули» возле универмага исчезли. Но в метрах тридцати за ними шли двое Из той же компании.

Вчера Лапин поставил машину в входа в мотель под окнами так, чтобы она была видна дежурной. За стоянку в неположенном месте и пригляд он заплатил отдельно.

— Ника, — сказал Лапин тихо и спокойно, — садись в машину. Наши вещи все при нас.

Прыгнув за руль, Лапин рванул с места и успел заметить, как те двое со всех ног бросились к мотелю. Как он заметил, и Ника обратила внимание на этих людей.

Проехали километров десять. По обе стороны дороги — густой темный лес. Ника сидела нахохлившаяся, настороженная, молчаливая. Игорь остановил машину, открыл мешок и вытащил автомат. Загнал рожок и положил оружие рядом, у ног.

Ника скосила глаза.

— Неплохо...

— Места тут гиблые

— Может быть, нам не стоит ехать к твоему другу? Ты же видел, за нами шли

— Думаю, все обойдется. Но излишняя предосторожность не помешает, — он кивнул на автомат.

Промчались еще километров пять, и Игорь увидел в зеркальце те зеленые «Жигули», что стояли на площади, и следом за ними светлую «Волгу».

— Ну вот .. — только и сказал.

Игорь жал на газ, но мотор старенькой генеральской «Волги» не мог соперничать с форсированными движками преследователей. Расстояние неумолимо сокращалось.

И вдруг... выстрелы! На мгновение обернувшись, Лапин увидел, как через открытое окно в них целятся из пистолета.

Не отпуская руля, он достал из внутреннего кармана своей просторной куртки пистолет и молча передал его Нике. Она кивнула, переложив пистолет в левую руку, опустила до упора оконное стекло, развернулась спиной к панели, прицеливаясь. Выбросила руку с пистолетом в открытое окно.

Ника не рассуждала — действовала. Да и как рассуждать, оказавшись под пулями? Неужели в такие минуты возможно

отдавать себе ясный отчет в поступках, неужели можно трезво отвечать за происходящее, столь же трезво оценивать его? Словно выпадаешь из своего мира, перебрасываешься в иное измерение. Душа и сердце замирают, уступая место единственному инстинкту — спастись.

— Сдай влево, Игорек,— и Ника выстрелила.

Она стреляла левой, будто была левшой. Еще, еще, еще... Ей отвечали, явно целясь по скатам. Лапин понял, их хотят взять живьем. Он все время маневрировал, бросал машину то вправо, то влево, и пули свистели мимо. А он невольно считал, сколько еще патронов осталось в магазине макаровского. Седьмой выстрел... Сзади раздался визг тормозов. «Жигули» запетляли, скособочились и остановились. «Волга», шедшая следом, резко затормозила. Игорь тоже затормозил так резко, что Ника свалилась с сиденья на коврики и охнула, ударившись. Лапин подхватил автомат, выскочил на дорогу и в упор выпустил одну за другой три очереди. Видел только, как появляются одна за другой черные дырки на ветровых стеклах тех машин. Он шагнул в сторону и выпустил еще три очереди. По радиаторам. Прыгнул к рулю и бросил машину вперед. Ника так и сидела, скрючившись, не в силах выпрямиться.

— Сейчас... — прохрипел Лапин,— Сейчас...

Свернул на первую же проселочную. Быстро мчаться по ухабам было непросто, он сбавил скорость и через несколько минут остановился. Помог Нике, усадил ее, долго смотрел на дорогу, убеждаясь, что погони нет.

— Мы их остановили,— прошептала Ника отрывисто, хрипло. Лицо ее было бледно, измучено, глаза потухли, пересохли губы.

Игорь вспомнил о бутылке вина.

Достал «Хванчкару», зубами вырвал пробку и протянул Нике:

— Выпей, легче будет...

Она неумело пила из горлышка, и тонкая красная струйка вина стекала по подбородку. Как кровь. Но, к счастью, не кровь.

— Куда мы теперь? — спросила Ника, оставляя бутылку.

— Вперед... — равнодушно отозвался Игорь.

На него вдруг напала такая апатия, такое безразличие ко всему на свете, что, наверное, он мог бы просто оставаться здесь, на обочине проселка, ожидая: будь что будет.

Проселок оказался длинным. И только когда солнце ушло за лес, они выехали на шоссе. Проехали указатель — впереди Москва, назад поедешь, возьмешь курс на Ригу. Игорь начал приходить в себя. В конце концов, семь бед — один ответ. Душегуб — он и есть душегуб, и сколько именно загубленных душ прибавилось три часа назад к его счету, уже неважно. Но Ника... Ника...

— Разве хирург может быть левшой? — спросил он, чтобы хоть как-то начать разговор. Молчание становилось нестерпимым.

— Я была левшой. Переучили. Игорь, что мы наделали! Ты понимаешь, что мы наделали?

— На войне, как на войне. Ты должна знать это лучше меня.

— До меня только что дошло... Кошмар! Что же?..— она не договорила, но он понял.

— Ты ни при чем. Ты никого не задела. Подумаешь, шину продырявила. Он мог бы с тем же успехом наехать на осколок бутылки...

— Ну, знаешь ли...

— Знаю одно: ты ни при чем! — проговорил Игорь властно и жестко.

Совсем стемнело. Ни огонька. Совершенно пустая дорога. Даже встречных машин нет. И вдруг Игорь заметил указатель со стрелкой: санаторий «Голубые воды». Он подумал, что при санатории, расположенном так далеко от ближайшего жилья, обязательно должен быть небольшой поселок для сотрудников. Хотя бы два-три дома. Может быть, удастся устроиться на ночлег. Если не помогут деньги, у него есть две бутылки лимонной водки ноль семьдесят пять. Уж это самая твердая валюта по нынешним временам.

Долго кружили вокруг санаторного забора, пока не заметили низкого кирпичного строения с детской площадкой. Ага, детский сад. Уже хорошо, уже «теплее». Вырулили на узкую шоссейку и увидели среди елей высокий дом-башню.

— Не иначе санаторий богатого ведомства,— проговорила Ника.— Боюсь, нам тут не улыбнется.

— Ладно. Ты сиди, я пойду на разведку.

Единственное парадное дома было закрыто на кодовый замок. Игорь потоптался вокруг. Ничего, кроме нескольких автомашин. «Переспать мы можем и в своем авто»,— уныло подумал он. И вдруг ему представилось утро, полное отрезвления, никитных терзаний, сокрушенного сожаления, страха перед будущим, отчаяния... И что самое главное — утром, если не раньше, их начнут искать. Массированно. Это уже будет не погоня, а облава. «Самое лучшее, что я могу сделать для Ники, это расстаться с ней,— обреченно думал Игорь.— И почему «могу»? Прямо надо сказать: должен. Ну, а сам куда? Да не все ли равно? Не все ли равно, где подыхать? Конец веревочке. Слом колес. Время остановилось на часе расплаты... Я же должен все взять на себя. Все! До единого выстрела. Кончилась дорога. Приехали. И все-таки, как ее отослать от себя, как оставить одну? И куда отправить? В неизвестность? Под крышу ли дома, дачи, но в неизвестность и отчаяние, в одиночество». Игорь в ужасе схватился за голову. И все же одной, без него, ей будет лучше. Не должна она расплачиваться за его грехи. Что милиция, что суд?! Они-то в итоге, может быть, даже ее оправдают. Есть куда более грозная сила. А она не пощадит, надругается и уничтожит. Как ту подружку Ники, как ее там звали, несчастную...

Он тупо смотрел на маленькую стоянку личных автомобилей. И вдруг его взгляд прояснился, сознание заработало, пришла дельная мысль. Просто он вспомнил, что в кейсе Сысоева, помимо всего прочего, валялся набор отмычек для автомашин.

«Я уведу их за собой, что милицейских, что большаковских, а она должна быть свободна..» — решил он. Вернулся к «Волге». Ника было рванулась навстречу, но он сделал ей знак рукой мол, сиди, пока сиди. Достал из багажника монтировку и номера. Лег на землю, начал сворачивать те, которые украл во дворе соседнего дома на Студенческой. Прикрепил старые. А эти, краденые, бросил в траву.

Встал, отряхнулся, вытащил из машины сысоевский кейс — Я скоро приду,— пообещал взволнованной Нике.

Быстро вскрыл сысоевскими отмычками чужую «Волгу». Отогнал ее в лесок. Вернулся.

— Ника, слушай внимательно. Ночлега я не нашел. Тут народ осторожный. Да и не в ночлеге дело. Дело в том, что я не хочу и не смею больше рисковать твоей жизнью. Понимаешь? Ты должна меня понять. Я решил: весь удар я обязан принять на себя. Более того, вызвать на себя огонь из всех орудий. Бог не напрасно вывел нас на эту трассу. Рижскую. Я вернусь в Латвию. Хватит им за мной бегать. Там я, по крайней мере, дома, там у меня есть люди, на которых я обопрюсь. Тут я один. Один против многих врагов. И ты со мной. Тебя они уже знают. Пощады не будет. Я уведу их от тебя. В общем, ты им нужна, может быть, как одно из средств расправы со мной, не больше. Знаешь, какой излюбленный прием? Издеваться, связав и бросив в ванну с кипятком. Могут пытаться щипцами для волос. На моих глазах. Могут на моих глазах изнасиловать — тоже расхожий обычай. Могут удушить. А потом настанет моя очередь.

— Что ты говоришь, Игорь?!

— Правду, к сожалению. Поезжай домой, к бабушке. Тем более кончается твой бюллетень. Закрывай его, выходи на работу. И сиди тихо.

— Но ты, как же ты?

Игорь через силу улыбнулся:

— Выйду на трассу, поймаю попутку. Наверняка попадетсЯ какой-нибудь грузовик, следующий в Ригу. Побалакаю с шофером на его родном языке, он и растает. Я ж свободно владею латышским. За меня не волнуйся. И все забудь. Только прошу,— добавил он шепотом,— меня не забывай. Я буду жить твоей памятью, сколько бы мне ни осталось.

— Но ведь все утрясется, все утрясется, я верю, Игорек. — по щекам Николь поползли слезы.

— Может быть. У тебя есть подруга, надежная подруга, которая подтвердит, что эти дни ты провела у нее? С ней?

— Есть. Может быть, мне пожить у нее? Она живет одна в отдельной квартире. Ты можешь туда позвонить.

— Не знаю Тебе на месте будет виднее Только не езжай на дачу

— Игорь, но ведь все утрясется Даже проклятая афганская война, у которой не было начала и, казалось, не будет конца...

— Ника, солнышко, не надо. Пожалей меня. Пощади. Садись за руль. Вперед, и, ради Бога, не езжай в Ильинку. По крайней мере, до весны.

— Почему? Боишься засады?

— Нет... Вечных засад не бывает. Но береженого Бог бережет. Ох, да.. — Игорь вспомнил о сысоевском кейсе. Снова взял его, раскрыл, вытащил мешок с драгоценностями.— Автомат и пистолет я у тебя заберу Опасны они для тебя. А это возьми себе, на память. — он бросил мешок на заднее сиденье. Плачущая Ника даже не взглянула, что там такое...

— Давай расстанемся хотя бы утром... — всхлипнула она.

— Нет. Ночью будет спокойнее Там, на дороге... Не скоро обнаружится. Но обнаружится, и медлить не надо Прощай, Николь.

— Он почти насильно усадил ее за руль.

— Прощай, Игорь.

Лапин захлопнул автомобильную дверцу.

Когда задние огни «Волги» исчезли из вида, он ушел в лес, к угнанной машине. Сел на холодную землю у колес и понял, что в Ригу ехать не хочет. В принципе ему безразлично, куда податься. А она там, на дороге, одна. И никого, кто смог бы ей помочь. Ах, какой замкнутый круг!.. Но раз безразлично, раз все равно, значит, нужно поступить, как лучше не только для него, не столько для него, которому и на себя-то уже плевать. И решил ехать следом за Николь. По крайней мере, он проследит, убедится, что с ней порядок, своими глазами увидит: она добралась. А если... Ну что ж, он уже привык в минуты угрозы скидывать оружие. А казнят только раз.

XXII

«В МВД СССР Полковнику Быкову В. И. По сигналу предупрежденной нами гражданки Огаревой З. Н. задержана группа лиц в составе: гр-не Филатов, Никаноров, Савельев, проживающие в Москве. Переодетые в милицейскую форму, они выясняли у гр-ки Огаревой З. Н., где в Ярославле находится ее племянник Лапин И. И. При разбирательстве гр-н Никаноров сделал заявление, что его группа получила задание найти Лапина от некой Аллы Филипповны, проживающей в Москве, на Котельнической набережной, в доме № 1/15. Фамилию названной гражданки установить не удалось. Номер ее квартиры Никанорову якобы тоже неизвестен. При задержанных обнаружено: пистолеты, баллончики с нервно-паралитическим газом американского производства, холодное оружие. Заместитель начальника УВД Ярославля»

«В МВД СССР Полковнику Быкову В. И. Сообщаем, что в

городское управление внутренних дел обратилась гр-ка Лапина М. Д., проживающая на бульваре Райниса, с заявлением о неоднократных попытках неизвестных лиц угрозой, подкупом и шантажом заставить назвать им место нынешнего пребывания ее сына, Лапина И. И. Заместитель начальника Рижского управления внутренних дел».

«В МВД СССР. Полковнику Быкову В. И. Указанная в запросе серая «Волга» ГАЗ-24 за номером МО 38-16 в городе обнаружена не была. Сообщаем, что в 22-х километрах от Гдова на трассе Псков — Новгород произошла перестрелка. Двое убито. Раненые доставлены в больницу. Расследование по «горячим следам» не выявило дальнейшего пути преступников. Пострадавший гр-н Столяров дал показания, что на шоссе их машины обстреляли из серой «Волги» ГАЗ-24, номер МБ 13-46. Экспертизой установлено, что ранения и повреждения автомобилей произведены автоматными очередями из трофейного немецкого автомата. Пострадавший Столяров является сотрудником совместного советско-канадско-австралийского предприятия, следовал в г. Гдов по служебной надобности. Начальник УВД г. Гдова».

Левченко невозможно было увести из Главного информационного зала, где телетайп и факсы отстукивали стекавшиеся сюда со всей страны одно сообщение за другим.

Когда Сиволодский, наконец, позвонил из Дирекции гостиниц и высотных зданий и сообщил фамилию и точный адрес гр-ки Золотаревской Аллы Филипповны, проживающей в доме на Котельнической, Быкову надоело ждать, он вызвал машину, группу захвата и сам пошел за Левченко.

— Ну, хватит, Валя, тут торчать, все ясно. Их брать пора. Тепленькими.

— Титову? Лапина? — Валентина, похоже, была настроена только на одну волну.

Быков похлопал ее по плечу:

— «Малина» на Котельниках... Та самая, о которой говорил и Большаков. Ей-богу, такое впечатление, что вернулись старые времена «Черной кошки»

— Только вернется ли эра милосердия? — вздохнула Левченко

Скоростной лифт поднял Быкова, Сиволодского и Левченко на восьмой этаж. Они подождали, пока поднимется второй, с оперативниками. Те замерли в привычных стойках у дверей квартиры. Один из них позвонил. В «глазке» мелькнула тень, но дверь не открывалась, не донеслось и традиционного: «Кто там?».

Левченко взглянула на Быкова. Его лицо напряглось, а массивная челюсть, которую он то и дело потирал, показалась сейчас просто устрашающей. Валентина испугалась, что полковник сейчас заорет «Откройте, милиция!!!» и все испортит. Она встала на колени, подползла к самой двери и тонким детским голосочком завершала:

— Тетя Аллочка, откройте Тетя Аллочка, я вам кассету принесла...

Сиволодский решительно не понимал, с какой стати актерствует Валентина. А Быков одобрительно хмыкнул:

— Точный прицел! Чтоб в такой «хазе» и не было видака... И чтоб детки не бегали меняться фильмами...

— Это ты, Лека,— «глазок» потемнел,— Лека, ты?

— Я, тетя Аллочка... Можно к вам?

Дверь приоткрылась, удерживаемая цепочкой. Левченко пружинисто отскочила, дюжие ребята налегли на дверь, раздался высокий пронзительный вой сирены. Гущин хватанул по цепочке топорчиком, сигнализация отключилась, и Левченко услышала, как он пробормотал:

— Знаем мы эти сигналапурские штучки! Полтыщи в комке...

В распахнутую дверь влетели оперативники с пистолетами на изготовку, рассредоточились по квартире.

— Валя, подожди пока здесь,— сказал Быков Левченко, переступая порог.— Нужно разобраться, кто тут есть, и убедиться, что пальбы не будет.

Он подошел к хозяйке:

— Золотаревская Алла Филипповна? Познакомьтесь с постановлением прокурора на обыск в вашей квартире,— повернувшись к Сиволодскому, распорядился: — Товарищ капитан, пригласите понятых.

В квартире Золотаревская находилась одна, но даже беглый осмотр свидетельствовал, что здесь бывает много людей.

Хозяйка молча выложила перед Быковым договор о поднаймае квартиры по использованию ее в качестве гостиницы для служащих инофирмы советско-канадско-австралийского предприятия.

— В таком случае, почтеннейшая,— крикнул Быков,— объясните, зачем в этой гостинице целая костюмерная и продуктовый склад ресторана высшей наценочной категории?

— Постояльцы здесь питаются. Что же касается одежды...— она явно терялась, подыскивая достоверное объяснение,— люди приезжают из разных стран, а у нас климат совсем другой, холодно им. Нужна одежда.

— Угу. Не знают иностранцы, куда едут. Мне рассказывали, в Австралии до сих пор считают, будто по Москве белые медведи бегают.

Ироническая реплика Быкова вывела Золотаревскую из равновесия. Она возмутилась.

— А что, собственно, противозаконного в хранении одежды? Что?

— Как раз в этом я и хочу разобраться, Алла Филипповна. Приступаем к делу. Вы гражданину Козленкову давали указание выследить Игоря Лапина?

— Не знаю, о ком вы говорите,— ощерилась хозяйка дома.

— Гражданин Никаноров был послан вами в Ярославль к гражданке Огаревой с какой целью?

— Я не знаю, о чем и о ком вы говорите!

В комнату вошла подполковник Левченко. Она с нескрываемым удивлением смотрела на вызывающе шикарную обстановку. Как говорил, бывало, Быков: «Золотой столовый прибор изымался у заведующего пунктом приема стеклотары». Это было давно, в застойные времена. А тут чем едят? Серебром на хрустале? Или золотом с серебра? Картины, явно купленные с долларового аукциона.

— Валентина Михайловна,— обратился к Левченко Быков.— Я так понимаю, вы ищете телефонный аппарат? Вон, у рояля на столике... целая бандура с автоответчиком. Старая модель Сегодня «Телефункель» выпускает более компактные. Да, видно, Гурьев замешкался приобрести.

Быков всматривался в лицо Золотаревской. Упоминание фамилии Гурьева будто не произвело на нее особого впечатления. Но губы чуть заметно задрожали.

Левченко набрала телефонный номер и сказала в трубку:

— Ира, двести. Жду.

Даже через слой тонпудры было видно, как побледнела Золотаревская.

— Да,— кивнул Быков утвердительно,— она сейчас придет сюда, ваша Ира. Пришлось, не скрою, повозиться, чтобы найти мастера, изменившего внешность Игоря Лапина. Алла Филипповна, я еще раз вас спрашиваю: вы знаете Лапина? Только ради того, чтобы дать вам возможность быть честной. Отвечайте, не скрываете. С преступным миром вы, как я понимаю, прежде связаны не были, и к тому же в большой игре, ведущейся в этих стенах, вам отведена роль маленького человека, так что вы особенно не рискуете, а если еще начнете нам помогать, ваши шансы остаться на свободе явно возрастут. В противном случае... — Быков не договорил, Сиволодский ввел парикмахершу Иру.

Она держалась уверенно. Спокойно села к столу напротив Золотаревской, спросила у Левченко:

— Мне повторить все, что я вам рассказывала?

«Сообразительная девушка»,— отметил Быков. Он положил перед ней веер фотографий

— Кого вы тут знаете?

Девушка указала на фотографии Гурьева, Большакова и Лапина.

— Важного господина этого я только один раз обслуживала. Перманент, стрижка, укладка. Вот этот дядечка,— она показала на Большакова,— постоянно у меня стрижется. Тут вообще часто стригутся и бреются,— она со смешком взглянула на Аллу Филипповну.— С этим парнем я занималась только раз, красила и стригла. Алла Филипповна назвала его при мне Игорем. Он еще чем мне запомнился: тут все наглые, а он был какой-то испуганный, не в своей тарелке. И дело это было в сентябре, почти в конце

месяца. Явно после двадцатого. У нас в салоне двадцатого зарплата, так я его обслуживала после зарплаты.

— Как давно вы тут работаете?

— В этой квартире? — уточнила Ира вопрос Быкова.— Наверное, с год. Платят мне прилично. Подробности я рассказывала товарищу подполковнику Валентине Михайловне. Повторить?

— Скажите, кто вас обычно сюда приглашает?

— Алла Филипповна.

— В тот день, когда вы обслуживали Игоря Лапина, она сама вас вызывала?

— О Господи! Конечно. Я ж сказала,— девушка не понимала, почему ее спрашивают об одном и том же.

— Подпишите протокол, Ирина Васильевна, и вы свободны.

Когда она ушла, Быков спросил у Золотаревской:

— И вы опять заявите, что не знаете Лапина? Или Большакова? Кстати, если вы хотите опять сказать, что никаких дел с Никаноровым не имели, учтите, он сидит у нас в машине внизу, и привести его на очную ставку с вами нам незатруднительно.

— Что вы хотите от меня? — тихо спросила поникшая Золотаревская.

— Кто это? — Быков показал ей фотографию Гурьева.

— Мистер Макс Гуревф, глава СП.

— Он по-русски говорит?

— Да.

— Вам известно, что он бывший гражданин СССР?

— Не мое дело интересоваться его прошлым.

— Тоже верно. Как часто вы встречаетесь?

— По мере необходимости. Если мне нужно что-либо сообщить ему. И если он решает обратиться ко мне с чем-либо.

— Когда вы в последний раз виделись?

— Позавчера. Я получила сообщение о смерти нашего сотрудника, Геннадия Михайловича Большакова, позвонила мистеру Гуревфу, сказала ему, тогда он назначил мне свидание, и мы увиделись. Как вы понимаете, о серьезных вещах мы по телефону не говорим.

Быков усмехнулся. Все же не зря дальновидная Левченко попросила бывшего участкового в Ильинке распустить слухок, что в перестрелке с милицией был убит главарь банды, мужик немолодой, в отличие от остальных арестованных бандитов. Сработал слухок. То-то тут спокойны, не ждали опасности.

— Гурьев еще в Москве?

— Да.

— Тогда звоните ему и скажите снова, что есть крайне важное сообщение.

Золотаревская подошла к телефону. Гурьев ответил.

«Что ж, удачно пока разворачивается дело»,— подумал Быков не без удовольствия».

— Он назначил мне свидание на углу Маросейки, напротив памятника герою Плевны,— сказала Золотаревская. Ее голос звучал глухо и смиренно.— Я готова. Ехать нужно сейчас же.

Оперативники с озабоченным видом на скоростях торопливого московского пешехода мерили шагами тротуар на углу Маросейки. «Отлично сливаются с толпой ребята»,— отметил Быков, наблюдая из «Волги» с противоположного угла. Его черный служебный автомобиль в глаза не бросался. Возле здания ЦК ВЛКСМ таких «Волг» стояло немало «Жигули» Золотаревской припарковались возле здания Политехнического музея на стоянке. И вот со стороны площади Дзержинского показался белый «Мерседес»

От магазина «Курица» к углу Маросейки двинулась оперативная машина. «Мерседес» затормозил у кафе «Маросейка». Гурьев вышел из машины, оглянулся. За ним появился второй мужчина. «О, да он с телохранителем,— понял Быков — Но сейчас телохранитель не помощник».

Золотаревская вышла из своих «Жигулей», замахала руками, привлекая внимание Гурьева. Показала жестом, что сейчас подрулит со стоянки к нему. Сделала все прекрасно, отвлекла внимание Гурьева от происходящего в непосредственной близости. А оперативники подходили к нему все ближе: двое уже встали за спиной телохранителя, трое — за спиной самого Гурьева. Сейчас!

У края тротуара затормозила оперативная машина. Ее дверцы распахнулись. Первым туда должен быть посажен телохранитель. Он дернулся, рванулся. Гушин схватил его за шиворот, потрянул, заломил руки, надел наручники. В салон автомобиля гурьевский охранник летел головой вперед. Все произошло так быстро, что даже прохожие не обратили внимания.

Гурьев беспокойно озирался, зажатый крепкими милицейскими объятиями.

Быков, когда его машина остановилась рядом с белым «Мерседесом», распахнул дверцу и самым любезным тоном пригласил:

— Прошу Максим Максимович!

Оперативники усадили Гурьева на заднее сиденье. Как положено. Между двумя сотрудниками.

— В чем дело? — вопил Гурьев.— Я протестую!

Быков обернулся к нему и весело сказал

— Все в порядке. Вы за важным сообщением сюда торопились, Максим Максимович? Сейчас вы его получите. Думаете, одна Алла Филипповна переосмыслила свое поведение и решила вернуться на путь праведный? Большаков начал давать показания. Против вас, Максим Максимович. Конечно, вы ждали другого. Например, что вашими людьми схвачен Лапин. Увы, о Лапине я ничего пока не знаю.

— Лапин? Большаков? Прекратите! Большаков умер, его

нет! Вы переходите все границы... дозволенного! Не кощунствуйте, полковник, все поминая покойника!

— Поправляется Большаков. Есть еще целый ряд свидетельств против вас, Максим Максимович. Разве иначе я смог бы вас задержать? И на сей раз не упусти.

— Все клевета! Что, что мог сказать Большаков обо мне? Ничего! Отпустите немедленно, я буду кричать, я буду...

Машина тронулась, начала набирать скорость.

— Спокойнее, Максим Максимович, не буяньте. Это очень неприятно выпадать из двери движущегося авто... А Большаков, если интересуется, поведал, к примеру, как вы приказали ему «убрать» Лапина. Как порекомендовали вернуться к прежним методам борьбы с конкурентами, то есть к рэкету, разбою, запугиванию, убийствам.

— Заявляю протест! — угрюмо бубнил Гурьев, которого крепко держали оперативники.— Протестую! Я иностранец! Я буду говорить только в присутствии консула!

— Не волнуйтесь, Максим Максимович, законность будет соблюдена.

— Куда вы меня везете?

— Как куда? Естественно, в СИЗО, то есть в тюрьму.

— Полковник, не берите на себя лишнее. Я вам симпатизирую и не желаю, чтобы вы сломали шею именно о мое колено.

Быков через плечо посмотрел на Гурьева: «Ну и человек. Точно скорпион в формалине. Уже превращается в лабораторный препарат, а жало все еще норовит выставить».

В это время капитан Сиволодский получил новое сообщение: «Машина «Волга» ГАЗ-24, регистрационный номер МО 38-16, принадлежащая гр-ке Титовой А. П., пересекла границу Тверской и Московской областей. За рулем женщина. Наблюдение продолжается. Ждем дальнейших указаний. Зам. начальника управления ГАИ Тверской области».

Сиволодский крайне удивился. Лапин и Титова возвращаются в Москву? Где же логика?

Он немедленно связался со следственным изолятором, где Быков допрашивал Гурьева.

— Лапин, должно быть, спит на заднем сиденье,— предположил полковник.— Либо они расстались, и теперь Титова едет к нему. Пусть ГАИ найдет возможность остановить машину и ненавязчиво осмотреть салон. Наблюдение продолжать, но крайне осторожно, чтобы не спугнуть. Мы должны выяснить, куда она едет. В Ильинку? Домой на Студенческую? Или в третье условленное место? Я выезжаю в Ильинку, Левченко поедет на Студенческую, а ты, Мишель, сиди на связи и докладывай, куда идет машина.

XXIII

Игорь ехал медленно, ему достаточно было видеть свет задних фар серой «Волги». Прибавлял скорость, если только

обгоняли и перекрывали обзор. Его немного смутило, что на кольцевой московской автодороге Ника свернула ни к Рублевскому или Минскому шоссе, а в направлении Ленинградского. Может, она решила ехать к той подруге — «афганке»? Это было бы мудро с ее стороны, хоть сутки провести там, чтобы подруга подтвердила, если понадобится факт присутствия.

Но и на Ленинградское, и на Ярославское шоссе Ника не свернула. Это встревожило Игоря. И когда серая «Волга» нырнула под мост развязки на повороте с кольцевой на Рязанку, Лапин все понял. Ну что, догнать, остановить? Он не решился.

С наступлением дня на трассе прибавилось машин, и Игорь все чаще стал терять из виду серую «Волгу». Тем более Ника поехала быстрее. На мосту через железнодорожные пути у Люберец образовалась пробка. Лапин понял, что теперь ему вряд ли догнать Нику, но убедиться, что в Ильинке ее никто не ждет, что она вне опасности, он обязан. Значит, надо гнать туда. Он мчался, не обращая уже внимание на бегущие впереди машины. Даже если он обгонит Нику, хуже не будет, наоборот.

И вдруг словно по глазам ударило!

Пост ГАИ у деревни «Жилино». Серая «Волга» на обочине, Ника разговаривает с милиционером. Ее засекли? Лапин припарковался у магазина, вход в который украшали две нелепые гипсовые статуи. Из машины вышел, забежал в магазинчик, но фигуры не то рабочих, не то колхозниц мешали ему наблюдать за Никой и постовым. Он вышел и спрятался за статуей. Милиционер в этот момент возвратил Нике права, козырнул, кажется, даже улыбнулся. Она поехала дальше. Уф... отлегло от души. Но это плохо, что ее остановили. Или она выскочила на «красный»? Может быть, небрежно пошла на поворот, и только? Хотелось бы надеяться. Но попадать в поле зрения гаишника с краденной машиной ему — крайняя глупость. Лапин вспомнил, как можно доехать другой дорогой — через Томилино, Родники, Быково. Милиции там, кажется, нет. Небольшой крюк, но он выжмет из машины все возможное, чтобы убедиться, что Нику не ждут, а если что, опередить ее. Он поехал прямо, развернулся на Рязанском шоссе и погнал вперед, к перекрестку с приметным магазином «Все для дома», там поворот на тот второй путь.

Сначала Ника испугалась. Особенно, когда инспектор попросил открыть багажник. Он объяснил, что ловят каких-то спекулянтов водкой. Багажник «Волги» был совершенно пуст, на заднем сиденье лежал мешочек Игоря, и было бы странно искать в нем бутылки. Других сумок у Ники не было. Да инспектор в салон даже не заглянул. Расстались они почти дружелюбно, можно было ехать дальше. «И все же правильно я решила, что пистолет стоит забрать и спрятать у Веры», — подумала Ника. Но тут ею овладело странное беспокойство. А что Лапин ей такого оставил?

Переехав мост через Пехорку, Ника остановилась. Дотяну-

лась до заднего сиденья, ухватила полотно, потянула мешочек к себе. Он оказался странно тяжелым. Что там, Господи! Развязала тесемку и... Ее бросило в жар, потом стало жутко холодно, затрясло. Она зажмурилась от блеска и сияния бриллиантов, сапфиров, золота. Сбросила мешок с колен, как гадину, готовую ужалить. «Боже мой,— пронеслось в голове,— да он просто лгун! Красиво избавился от улики! Как я вляпалась! Обыкновенного вора, грабителя, убийцу принять за... И это я! С вечной настороженностью, недоверчивостью к людям... Чем же он меня пронял? Чем заморозил? Прикинулся.. Обольстил... «Пригрел!» Бедный несчастный мигрант, не желающий становиться мутантом!.. Красиво! Да он, видно, оттого бегал, как заяц, что обокрал своих же, вот они и устроили ему облаву. Вор у вора дубинку украл! Да еще нашел дуру с транспортом!.. Чтоб ловчее было бегать... Этой дуре и подсунул все улики против себя!.. Чтоб меня трясло, не его! А сам будет отсиживаться в лесах Латвии Тоже мне, «лесной брат».. Мерзавец!.. Какой же мерзавец! «Ты ни при чем, все забудь... Меня помни...» Любимого!.. Страдальца! Подлец! Что же мне делать?» — она посмотрела на мешочек и содрогнулась. Вот так, и никакой политики, и никаких латышских фронтов, все проще пареной репы. Извините, но она соучастником грабежа не предстанет. И нет свидетелей, что он передал ценности ей. Нет! Она с тем же успехом может сказать кому угодно, что ничего не знает, обыскивайте, пожалуйста...

Ника кончиками пальцев взялась за край полотна, открыла дверцу машины. Хотела бросить прямо на обочину, но подумала, что любой эксперт докажет, что рядом с этой дрянью обнаружены следы протекторов ее «Волги». Не надо было съезжать с асфальта. Но разве она могла предположить? И она пошла к берегу Пехорки. Две верности сунула в мешок здоровый булыжник. Огляделась, на берегу никого. И забросила мешок в черную вонючую воду под ракитовый куст, нависший над речкой. Кидать на середину широким жестом она побоялась. Вдруг кто увидит и заинтересуется, от чего это избавилась дамочка...

Нервы не выдержали. Она разрыдалась. Сколько унижения, сколько боли... «Какой рок преследует меня,— всхлипывала Ника, глядя на кресты жилинской церкви, возвышающиеся над всей округой.— Какой рок, за что?»

Бледная, с трясущимися руками Николь села к рулю и поняла, что не сможет дальше вести машину, пока не успокоится. «Все,— сказала она себе,— все! Больно часто стала реветь последнее время, хватит. От вещдока я избавилась, пистолет дедов перепрятать, и дело с концом, ничего против меня тогда не будет, ничего Отрезано и забыто. И вычеркнуть из памяти, как вычеркнула даже собственную мать Смогла же. Хватило сил. И тут должно хватить».

Ника доехала до быковского кафе «Турист». Оттуда сладко тянуло свежей выпечкой. Обжигаясь, пила некрепкий мутный

кофе из граненого стакана, пыталась затолкать в себя пирожок с яблоками.

Пятый час... Сейчас на дачу и домой. Пока не стемнело.

Улица Поленова была пуста. Даже собаки и кошки куда-то делись. И вдруг Ника услышала стрельбу. Не может быть... Она затормозила у своих ворот, и вдруг снова... Эти звуки ни с чем не спутать! Автоматная очередь! Сработала фронтовая афганская выучка. Ника выскочила из машины и бросилась в кювет.

Еще очередь! Выстрел! Еще выстрел! И тут же все стихло.

Ника приподняла голову и увидела, что над ней стоит незнакомый человек.

— Вам помочь? Вы очень испугались, Николь Владимировна? — человек протянул руку.— Позвольте представиться. Полковник Быков.

Ника поднялась сама и, не глядя на полковника, пошла к своей калитке...

Игорь рассудил, что засаду Большаков оставил, конечно, и в доме, и на участке, и, разумеется, в перелеске за участком.

Он поставил машину у поликлиники, куда его водила Ника. Здесь на нее внимания никто не обратит. Сунув в карман пистолет, автомат привычно пристроил под курткой. И пошел переулками, размышляя, как незаметней обнаружить засаду, если она существует. Что делать, как поступать дальше? Конечно, можно перехватить Нику, не пустить ее к дому и снова бежать. Что это даст? Ничего. Повторение пройденного. «Значит,— решил Игорь,— остается только одно — вызвать огонь на себя. Конечно, могут убить. Но и он уложит столько гадов, сколько сможет, устроит такую пальбу, что вся милиция от Москвы до Рязани сбежится. И возьмет, наконец, этих сволочей. И только тогда будет спокойно за Нику... и еще за стольких людей! За таких же идиотов, которых они сцапают в свои капканы, как он сам...» А вот и лесок. Игорь шагнул в редкий кустарник, бросился на землю и пополз к дому Ники. Да, он не ошибся. Засада есть. Один залег у забора. Другой, третий, четвертый стоят за широкими стволами дубов, спиной к нему, лицом к дому. Осматриваются, выскивают... Хорошо, что он пополз. Игорь замер. Лишь бы ветка не хрустнула, не зашелестели сухие листья. Сколько же дней большаковские ребяташки тут надрываются? И все из-за проклятого золота. Сколько их? Видно семерых. Не кисло... И он дал первую прицельную очередь Вторую, третью...

«Да что они, черти, в бронежилетах? Нет, одному пустил кровь... В руку попал. А теперь по ногам... И снова очередь!.. Двое упали. Хоро...» — мысль Лапина не успела оформиться. Старший группы захвата лейтенант Гушин был самым метким стрелком во всем подразделении. Он попал точно в середину лба.

Быков смотрел на девушку, прислушивающуюся к наступившей тишине. Вот она какая, Николь Титова. Какое милое, тонкое, страдальческое лицо. Быков подошел к ней. Она отвела

глаза и толкнула калитку. Быков ей не мешал. Только наблюдал молча.

В почтовом ящике что-то белело. Николь равнодушно вытащила почту. Письмо из поссовета на ее имя. Автоматически вскрыла конверт.

Что? Что такое? Она вчиталась в текст отпечатанного на бланке послания: «...жилое строение переведено на имя Титовой Николь Владимировны в соответствии с дарственной, составленной гр-кой Титовой А. П. и нотариусом...» Боже, как это могло быть? Сумасшедший дом... У них в семье всегда был сумасшедший дом. Ника безвольно опустила руки и медленно пошла к крыльцу. Села, обняла рябину. Увидела — почему-то вдруг распахнулись ворота, почему-то в них въехала ее машина. А машина теперь тоже ее или все-таки бабкина? Может, бабке надоело доверенность переоформлять? А при чем тут дача? Ведь дача продается, это решено. Какая-то чушь. А что еще может происходить в доме сумасшедших? Абсурд. Вот и здесь стреляют, как на войне. А кто этот полковник? С какой стати ему загонять ее машину? И зачем он идет к дому, к ней? Ну и пожалуйста...

Полковник подошел и сел рядом. Ника скосила на него глаза. Ну и челюсть!

— Николь Владимировна, вы ведь врач. Не могли бы сделать перевязку моим товарищам?

— Поликлиника в конце улицы,— вяло отозвалась Ника. «Нет уж. Больше меня не втянут ни в какие истории»,— подумала она.— Извините, я ужасно плохо себя чувствую. Я больна, у меня бюллетень.

Она отвернулась от полковника, и ее пустой взгляд прошел сквозь распахнутые ворота, сквозь штакетник дачи напротив, уставился на пожухлые кусты. Полковник потерял свою мощную челюсть. Пусть сидит, ей все равно. Мимо ворот четверо мужчин пронесли что-то на брезенте. И вдруг... Рука. Безжизненно свесившаяся рука. Грязно-белая джинсовка... О Боже. И совсем недавно эта сильная рука обнимала ее! Все? Все... Николь закрыла глаза

— Дурак, зачем он начал стрелять первым?— донесся до нее с улицы мужской зычный удивленный голос.

Она все поняла сразу. Игорь обманулся. И милиция тоже. Конечно, он ехал сюда не для того, чтобы объяснить милиции ее непричастность. И не затем, чтобы сдать властям. Он спасал ее от своих недавних друзей и лютых врагов. Он не смог иначе. Иначе... Он не играл, когда не мог отпустить ее от себя, и все же гнал, гнал вперед, в ночь, подальше. Но что ж потом? Спасая ее, силился искупить грехи? Или... Им двигала... любовь? Как, как это могло случиться, что убийца, преступник оказался единственным, кто хотел жить и смог погибнуть ради нее? «Как же теперь быть,— думала она,— если только для вора, убийцы, лгуна моя жизнь оказалась чем-то ценным, что стоило оберегать до последней минуты? Что теперь делать, коль это так?

Как жить дальше, все это сознавая? Свет, должно быть, перевернулся, и не действует больше закон, сводящий в пары затерявшихся в людском хаосе обычных нормальных людей. Все не так. Не так. И нет надежды»

Ника посмотрела на свою левую руку. Крохотный бриллиантик тонкого колечка сверкнул в последнем вечернем свете, и она вдруг почувствовала себя вне этого мира, этот мир стал больше не нужен и не интересен ей, от него вдруг оторванной, выведенной из людского сообщества.

На опознании обойдутся без нее. Предостаточно повидала она на своем веку убитых. Предостаточно.

— Уйдите, пожалуйста, — тихо сказала она полковнику — Мне надо побыть одной.

Москва

Февраль 1991 года

«НЕИЗВЕСТНЫЙ» ЖУРНАЛ, ИЛИ СЕКРЕТ БЕЗ СЕКРЕТА

Листая в этом году каталог «Союзпечати», подписчики обратят внимание на удивительно скромную по нынешним временам сумму — шестнадцать восемьдесят и наверняка прочтут строку целиком: «Ежемесячный журнал МВД СССР «Воспитание и правопорядок» индекс 70476». «Еще одно новое издание», — подумает кое-кто и ошибется.

Тридцать миллионов наших сограждан, в свое время побывавших в местах лишения свободы, давно уже слышали о нем, видели его, а если удавалось, то и почитывали. Свыше миллиона отбывающих наказание в наши дни вполне легально знакомятся с его материалами: для них подписка была открыта два года назад.

Однако не только им, правонарушителям в прошлом, настоящем и будущем интересно знать

как и чем сейчас живут тюрьмы, колонии, спецкомендатуры, ВТК, ЛТП, СИЗО, прочие подобные заведения. Размах преступности затрагивает интересы, пожалуй, каждого человека. Заботы «тюремного ведомства» пока что не убывают. А это значит, что у «Воспитания и правопорядка» подписчиков, как можно полагать, меньше не станет.

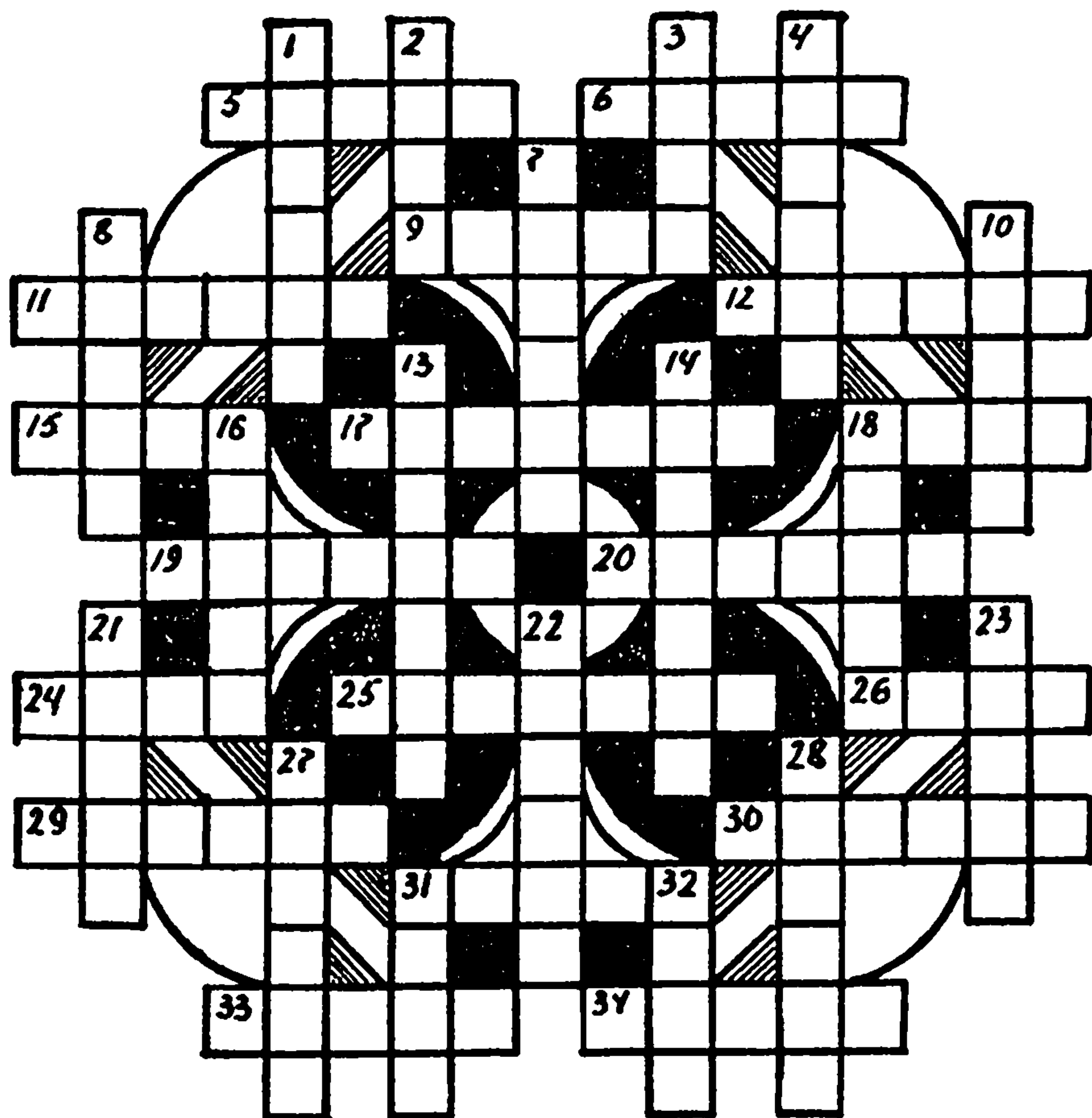
Так почему же журнал решил обратиться к широким читательским кругам? Несправедливость, в какой бы форме она ни проявлялась, надо исправлять. Тридцать один год в подзаголовке журнала стоит слово «общественный». И все это время общество не получало достоверной, объективной и разнообразной информации о жизни, проблемах исправительно-трудовой системы страны.

Все мы теперь желаем знать правду, какой бы горькой она ни была. И мы будем знать ее. Журнал расскажет о проблемах исполнения уголовных наказаний, делах тюремных, жизни, быте осужденных, работе сотрудников ИТУ без прикрас, честно и откровенно. Не затем, конечно, чтобы посыпать солью еще одну нашу незаживающую рану, а для того, чтобы в конце концов понять и принять простую истину: в борьбе с преступностью ИТУ не окончательное звено, как полагали в свое время творцы ГУЛАГа, а лишь промежуточное. Отторгнутый обществом правонарушитель рано или поздно в него вернется. И далеко не всегда это будет возвращением блудного сына к милостливому родителю.

Многие вопросы журнал хотел бы обсудить со своими новыми читателями, узнать их мнение, принять советы и предложения. Надеемся, что подписчиков заинтересуют традиционные, прежде окруженные ведомственной секретностью материалы о планах и реальной перестройке в системе ИТУ, о свете и тьме колонийской жизни, криминальные истории.

Загляните-ка в свой кошелек. Может быть, вам удалось сэкономить до зарплаты шестнадцать рублей восемьдесят копеек?

В. КУЛИЧЕВ

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ПРАВО!

По горизонтали: 5. В Византии — градоначальник Константинополя, осуществлявший судебные-полицейские функции. 6. Государственное учреждение, регулярно осуществляющее посреднические операции на рынке труда. 9. Таджикский писатель, философ-просветитель, автор проекта реформ, ограничивающих власть бухарского эмира (XIX в.). 11. Римский юрист I в., последователь Лабейона. 12. Высказанное в любой форме намерение нанести физический, материальный или иной вред общественным или личным интересам. 15. Коллегиальный орган, избираемый или учреждаемый для ведения определенной, главным образом руководящей, распорядительной работы в какой-либо организации, обществе, учреждении. 17. Русский юрист и дипломат, делегат России на ряде международных конференций (в том числе Гаагских 1893, 1894 и 1906 г.г.). 18. Вещественное доказательство на месте преступления. 19. В 1947—1969 гг. административно-территориальная единица в Болгарии. 20. Повесть В. А. Ти-

това. 24. Название партии арестантов, сопровождаемой конвоем к месту заключения. 25. Государственный орган, призванный обеспечить охрану общественного порядка, социалистической собственности, прав и законных интересов граждан, предприятий, организаций, учреждений от преступных посягательств и других антиобщественных действий. 26. В дореволюционной России хозяйство крестьян или посадских людей как единица учета обложения повинностями и т. п. 29. Военское подразделение, предназначенное для охраны осужденных, пленных и др. 30. Одна из форм наиболее высокого официального признания заслуг отдельных граждан или коллективов. 31. Учрежденный Петром I в России (1711—1917 гг.) высший государственный орган по делам законодательства и государственного управления. 33. Территориальный и избирательный округ в Древнем Риме. 34. Решение, выраженное в форме парламентского голосования, одобряющее или не одобряющее деятельность правительства.

По вертикали: 1. Лицо, назначаемое для защиты личных и имущественных интересов граждан. 2. Ущерб, порча. 3. В феодальной Европе регулярный фиксированный оброк продуктами или деньгами, который платился сеньору. 4. Название органа представительной власти в Афганистане. 7. Опросный лист для получения каких-либо сведений о том, кто его заполняет. 8. Заведение в дореволюционной России для содержания немощных, убогих и сирот. 10. Донос, челобитная в русском государстве XVI—XVIII вв. 13. Родовое наименование, приобретаемое при рождении, в браке, при усыновлении. 14. Лицо, частично или полностью утратившее трудоспособность. 16. Исключительное право, предоставляемое феодальным государством за определенную плату частным лицам, на сбор каких-либо налогов, продажу определенных видов товаров. 18. Высший орган власти Союза ССР. 21. Отстранение судьи от участия в рассмотрении дела в связи с его личной заинтересованностью в исходе дела. 22. Японский историк, юрист и общественный деятель. В 1956—1967 гг. представитель японского комитета защиты мира. 23. Документ (как правило, именной), удостоверяющий заключение договора личного или имущественного страхования и его условия. 27. Единоличный глава государства, получающий власть, как правило, в порядке наследования. 28. Установленное законом или уставами общественных организаций число участников собрания, заседания, необходимое для принятия правомочных решений. 31. Венгерский юрист, член Венгерской Академии наук, автор трудов по теории права, сравнительному правоведению. 32. Место монарха во время официальных приемов. Символ монархической власти.

Составила А. ЩЕГЛОВА

г. Днепропетроск

ОТВЕТЫ**Задача 1**

В части 4 статьи 532 Гражданского кодекса РСФСР предусмотрено, что внуки и правнуки умершего являются наследниками по закону, если ко времени открытия наследства нет в живых того из родителей, который был бы наследником. Они наследуют поровну ту долю, которая причиталась бы при наследовании по закону их умершему родителю.

Таким образом, Петр и Олег — племянники Алексея Власова и внуки его умершего отца — унаследуют часть имущества, которая полагалась бы их матери, будь она жива, то есть Алексей получит $1/2$ наследственного имущества, а Петр и Олег — по $1/4$.

Согласно статье 550 ГК РСФСР, наследник в течение шести месяцев со дня открытия наследства вправе отказаться от своей доли. При этом он может указать, что отказывается от наследства в пользу других лиц из числа наследников по закону или по завещанию, в пользу государства или отдельной государственной, кооперативной или другой общественной организации.

Отказ от наследства не надо согласовывать с другими наследниками, их согласие не требуется. Поэтому возражения отца Стоянова никакого значения не имеют. Отказаться от своей доли мать может, но не в пользу внука, так как отец в завещании лишил его права на наследство.

Если мать откажется от наследства, не указав, в чью пользу она это делает, все имущество перейдет к ее мужу (статья 551 ГК РСФСР).

Сдано в набор 05 07.91. Подписано в печать 01 08.91.
Формат 84×108 1/32. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,76.
Усл. кр.-отт. 12,60. Уч.-изд. л. 14,81. Тираж 3 000 000 экз.
Заказ 372 Цена 3 р.

Адрес редакции:
129850 ГСП, Москва, И-100, Олимпийский проспект, 22.
Телефон 281-68-12.

Ордена Трудового Красного Знамени
Чеховский полиграфический комбинат
Государственного комитета СССР по печати
142300, г. Чехов Московской области

3 р.
Индекс 71075

аристов

